

А. Молюк. Рабочее восстание в Лионе 1831 г. в исторической литературе

I. Две годовщины — 1830 и 1831 1

II. Положение рабочего класса накануне восстания 2

III. Кризис или подъем производства в Лионе? Восстание как ответ на провокацию капиталистов 1

IV. Социальный состав лионских повстанцев 2

V. Политическое или «только экономическое» восстание? 2

VI. Отклики во Франции и за границей 3

VII. Историческое место лионского восстания 3

VIII. О книге Фромана 4

II. Фроман. Рабочее восстание в Лионе 1831 г.

Сто лет назад 5

Ткачи 6

Общество взаимопомощи 6

Год первый буржуазной революции 7

Сен-симонисты и «Друзья народа» 7

Пролог 7

Битва 8

21 ноября 8

22 ноября 8

Лион во власти рабочих 9

23 ноября 10

24 ноября 10

25 ноября 10

26 ноября 10

27 ноября 11

28 ноября 11

29 ноября — 3 декабря 11

«Порядок» царствует в Лионе 11

Значение лионского восстания 11

Мы последуем вашему примеру 11

Дополнительные замечания по вопросу о двух тенденциях в лионском рабочем движении 1831 г. 11

И БЕР ФРОМАН

И. В. Беломестов

Рабочее

восстание

в

ЛИОНЕ

1831 г.

АРХИВ

44 г.
И. В. Беломестов

324

перевод с французского
и
вступительная статья
А. МОЛЮКА

Веб-публикация:

электронная библиотека Vive Liberta, 2009

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ

г. СВЕРДЛОВСК

Отв. редактор *П. Лоскунов*,
Сдана в набор 16 VI 1932 г.
Формат 82×110.
Ленинград № 2763.

Партиздат № 1619 л
Тираж—10.000+394—8 л

Техн. редактор *Э. Блей*
Подписана к печати 22 IX 1932
Тит. бл. в 1 п. л. 44.0
Заказ № 90

партиздат
москва
ленинград
1933

Тематические книги и статьи в нашей библиотеке

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г. историко-социологический анализ на основе документальных источников перв. трети XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР

II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

БИБЛИОГРАФИЯ

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

Дж.Рюде. Народные низы в истории, 1730-1848 гг.

Французская революция

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения народных низов

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

Луи Эригье

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 года

и ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ (1848 – 1852)

Ссылки для скачивания:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_theritier-1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_theritier-2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_theritier-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_theritier-4.pdf

В.Маркова. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 - 29 мая 1793)

Ссылки для скачивания:

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_3.pdf

К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html

З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов

на исходе Старого порядка <http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz4.pdf>

З.Чеканцева. Открытый протест как волеизъявление: Франция XVII-XVIII вв.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz6.pdf>

А. Молок

РАБОЧЕЕ ВОССТАНИЕ В ЛИОНЕ 1831 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I ДВЕ ГОДОВЩИНЫ — 1830 и 1831

21 – 23 ноября 1931 г. исполнилось сто лет со времени рабочего восстания в Лионе, втором по величине и значению городе Франции. Эта годовщина, обойденная буржуазной Францией, отмеченная только пролетариатом и его партией, заставляет вспомнить другую — столетний юбилей июльской революции 1830 г. С какой помпой был отпразднован последний! 29 июля, на площади Ратуши, в присутствии президента Думерга, представителей обеих палат, министров, префекта полиции, военного губернатора Парижа, в присутствии избранной буржуазной публички и частей гарнизона, под звуки Марсельезы, был поднят трехцветный флаг над мачтой, установленной возле трибуны. Председатель муниципального совета Каstellан и бывший в это время председателем совета министров Тардье выступили с речами, посвященными юбилею. Церемония закончилась прохождением войск под проливным дождем, разогнавшим глазевшую на зрелище толпу.

Речь Тардье, изобиловавшая намеками на политическую злобу дня, свидетельствует о том, с какой ловкостью рук этот прожженный политический авантюрист защищает дело своего класса, империалистической буржуазии Франции. Премьер начал с разъяснения, что правительство празднует не годовщину гражданской войны, а исходный пункт «медленной эволюции», которая привела Францию «к равновесию» сегодняшнего дня. «к прогрессу демократии». Революция 1830 г. дорогá тем, что она осветила право на сопротивление нарушению законов. Как бы несовершенна ни была конституционная хартия Бурбонов, восстание против ордопванзов (чрезвычайных декретов — А. М.) Полиньяка, ее нарушивших, было восстанием на защиту попорченной законности. Правда, эта революция остановилась на полпути, не привела сразу к республике. Но то, что было начато тогда, завершено теперь. Республика, которая казалась невозможной в 1830 г., «существует уже шесть-

десять лет»; «она сильна и неоспорима, она одержала прекраснейшую из побед и воссоздала единство страны»; она сочетает «народный суверенитет», основанный на всеобщем избирательном праве, с «общественным порядком».

Обронив как бы «мимоходом» намек на «руку Москвы» (революция 1830 г., — заметил премьер, — «не получала из-за границы ни приказов, ни субсидий»), Тардьё закончил призывом к «священному единению» партий на основе существующего общественного строя.¹

Речь Тардьё не требует комментариев. То, чего не досказал премьер, досказал за него официоз министерства иностранных дел. «Тан» полностью солидаризировался с установками, которые дал глава кабинета. Приходя к тем же выводам, что и Тардьё, газета ставит все точки над і.

«Вот уже 140 лет, как каждый гражданин нашей страны должен сделать выбор за или против современной Франции, за или против демократии, за или против либерализма, за или против принципов французской революции». Герои и мученики 1830 г. заслужили признательность последующих поколений, именно потому, что не побоялись грудью встать на защиту этих принципов. Теперь это дело лежит на партии «либеральных и национальных республиканцев», которым предстоит трудная задача. Положение серьезно. Декларации прав человека и гражданина угрожает «мерзкий марксизм», который «противопоставляет насиле либерализму, диктатуру — демократии, идею классовый борьбы — идею всеобщего голосования». «Каждый марксист — это Потиньяк или Карл X в миниатюре; с таким удовольствием подготовит бы он нам новые ордоннансы, куда более опасные для гражданской свободы, чем те, которые сто лет назад опубликованы были в Монитере». Вывод: «чтобы сохранить верность традициям 1830 г., надо «объявить войну этим противникам французской революции, этим сторонникам чудовищного возврата к абсолютизму, к цеховщине, к самым одиозным формулам прошлого».²

Дело ясное! Истинная цель шумихи, поднятой вокруг столетней годовщины июльской революции, очевидна: мобилизовать революционные традиции прошлого для защиты реакционной практики настоящего, использовать юбилей буржуазной революции для борьбы с революцией пролетарской. Но до какого цинизма надо дойти, чтобы ставить знак равенства между помещичье-клерикальной реакцией последних Бурбонов и революционной борьбой пролетариата наших дней за социализм!

Еще откровеннее раскрывала целевую установку речи Тардьё от 29 июля буржуазная пресса провинции. Премьер прав, — пишет «Авенир дю Плато Сантраль». — «свобода требует известной дисциплины, без которой ее существование не мыслимо». «Мы находимся накануне 1 августа», — многознач-

тельно напоминает газета (день международной борьбы с военной опасностью — А. М.). Какое «красноречивое совпадение» — умиляется она — представляет тот факт, что глава правительства, выступая на чествования столетия июльской революции, одновременно с этим принимает «полицейские меры, которых требует существующая угроза общественному порядку».¹ Действительно, какое красноречивое «совпадение!»

В согласии с Тардьё главное завоевание «самой легальной из революций»² газета усматривает в том, что с этого времени трехцветное знамя французской государственности «стоит вне всяких споров». Можно ли сомневаться в том, *против какого другого знамени* заострен этот тезис, подхваченный всей буржуазной печатью (за исключением разве открыто-монархических и открыто-фашистских изданий, которые демагогически издевались над «комплиментами» премьера по адресу «народного суверенитета» и не скрывали своего сочувствия политике ордоннансов, т. е. чрезвычайных декретов).

Правда, мелкая и средняя буржуазия — устами своей газеты «Републик» — иронизировала по поводу убожества официальной церемонии 29 июля, выражала сомнения в реальности «завоеваний», о которых говорил на этом празднике Тардьё.³ Но тут же, с горечью партии, которой наскучило быть в «оппозиции», радикалы обещали свою поддержку Тардьё при условии, если он готов «одновременно устранить и опасность большевизма и опасность фашизма».⁴

Не надо особой проницательности, чтобы догадаться, какую позицию заняли социал-фашисты. «Пепль» восторгался эпохой, когда «ткач сражался рядом с капиталистом, который давал ему работу», когда между буржуа и рабочим царило якобы «настоящее равенство».⁵ Речь Поль-Бонкура, который прославлял «дни, когда либеральная буржуазия и рабочий класс дрались вместе, бок-о-бок», и делал заключение о необходимости такого «союза» в настоящем, речь, в которой он требовал участия «социалистов» в правительстве, клянясь в их верности делу «национальной обороны»⁶ — была одобрительно подхвачена буржуазными газетами разного направления. Волонтер»

¹ Цитировано в обзоре печати «Temps» от 1 VIII 1930.

² «Le Temps», 28/VII 1930, p. 1. La leçon d'un centenaire.

³ «La République», 30/VII 1930, p. 1—3. Un anniversaire Le «Glorieux célèbre les «Trois Glorieuses». — 1830 — 1930. — Ce qui se passa place de l'Hôtel de-Ville.

⁴ «La République», 30/VII 1930, p. 3. Revue de la presse (P. Dominique).

⁵ Ibidem.

⁶ «La Vie socialiste», 2 VIII 1930 p. 16. Carmaux célèbre le souvenir de Jaures. Un discours de Paul-Boncour.

¹ «Le Temps», 30/VII 1930, p. 6. La Commémoration des «Trois Glorieuses».

² «Le Temps», 30/VII 1930, p. 1. Commémoration.

еще 28 июля выступивший в «Эко де Пари»¹ — органе французского генштаба! — со статьей, посвященной революции 1830 г. в Бельгии или, что вернее, обоснованию необходимости франко-бельгийского империалистического союза примерами из исторического прошлого. 30 и 31 октября того же 1930 г. в Сорбонне состоялась конференция, организованная «французским комитетом исторических наук» и «обществом новейшей истории». На этой конференции были заслушаны 17 сообщений и докладов французских, бельгийских, польских и итальянских историков на темы, так или иначе связанные с революцией 1830 г.² Некоторые из этих докладов были потом напечатаны, другие еще только печатаются. Сверх того, в общих и специальных журналах был опубликован ряд статей, а также неизданных документов, появился ряд новых книг или новых изданий старых книг, посвященных июльской революции и июльской монархии.³ Наконец, в бывшем особняке банкира Лаффит под Парижем была открыта посвященная этому «деятелю» 1830 г. выставка гравюр, картин и бюстов. Словом, столетие не прошло незамеченным.

Иначе отнеслась буржуазная Франция к столетней годовщине лионского восстания, исполнившейся в конце ноября 1931 г. В буржуазной и социал-фашистской прессе — ни слова, почти такое же молчание — в кругах ученых историков. В виде исключения «Общество истории революции 1848 г.» поместило в своем журнале — почти с годовым опозданием! — две небольших статьи на эту тему.⁴ Только пролетариат и его партия своевременно отозвались на этот юбилей — столетие первого рабочего восстания во Франции — организацией юбилейного комитета рабочих и ремесленников Лиона, статьями

¹ «L'Echo de Paris», 28/VII 1930. Louis Madelin: Encore un grand centenaire.

² E. Déborde de Montcorin: A propos de la commémoration historique du centenaire de 1830 («Revue des études historiques», janvier-mars 1931, p. 64—66).

³ О характере этой литературы дает некоторое представление вышедшая еще в 1929 г. книга Lucas-Dubregon: «Казимир Перье и революция 1830 г. Как укрощают революцию».

⁴ Одна из этих статей представляет собой доклад председателя общества Жюстена Годар на голичном общем собрании 28 февраля 1931 г.; другая принадлежит не менее известному исследователю истории Лиона, профессору Дютак. («La Revolution de 1848 et les revolutions du XIX siècle». Bulletin d. l. Société d'Hist. d. l. Revol. de 1848, № 140 Mars—Avril—Mai 1932, p. 7). К сожалению, разбор этих двух последних буржуазных работ о рабочем восстании 1831 г. (автор одной из них, Годар, проводит параллель между промышленной конъюнктурой 1831 г. и современным экономическим кризисом) не может быть дан здесь, так как соответствующий номер (141) журнала, в котором они должны быть напечатаны, еще не получен у нас.

усмотрела в этой речи «реабилитацию французского буржуа, т. е. среднего француза, француза вообще». «Слово буржуа, еще недавно столь однозное, становится почетным!» Это только справедливо, ибо «ни в какой другой стране мира средний класс не заслуживает большего уважения, чем в нашей. Нигде не сознает он так хорошо свою социальную миссию... Французская буржуазия не есть какая-то эгонстическая и замкнутая каста. Она пополняется выходцами из народа, она остается с народом». Так повелось с 1830 г. И она делает все возможное, чтобы поставить труд в лучшие условия.¹

Буржуазная историческая наука, незадолго перед тем вновь доказавшая свою классовую природу официальным участием в праздновании столетия старейшей французской колонии — Алжира, уделила довольно много внимания столетию июльской революции.

Одним из первых откликнулся на юбилей академик Мадлен

¹ «La Volonté», 31/VII 1930.

в газете «Юманите»¹ и в журнале «Кайс-дю-Большеви́зм»,² книжкой Фромана,³ русский перевод которой предлагается читателю. Историческая наука советской страны, победоносно продолжающей дело лионских повстанцев 1831 г., отметила эту годовщину несколькими статьями и докладами, организованными Обществом историков марксистов.⁴

II. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Лионское восстание 1831 г. — крупный этап в истории формирования пролетариата как самостоятельного класса, в истории его революционной борьбы за свое освобождение. Слабости этого первого массового вооруженного восстания рабочих против буржуазии — значительные слабости — целиком объясняются тем, что оно происходило в период, который Ленин характеризует как первый период в истории международного рабочего движения, охватывающий «приблизительно две первые трети прошлого века». В этот период мы наблюдаем «рожденные социалистических идей и зачатки классовой борьбы пролетариата», идет «долгая и упорная борьба крайне многочисленных социалистических учений и сект», «социализм ищет своей дороги, ищет себя». *«Классовая борьба пролетариата, едва начинающего выделяться из общей массы мелкобуржуазного народа», носит характер отдельных вспышек, вроде восстания лионских ткачей.* Этот период — «период подготовки и рождения марксизма, как единственной выдержавшей испытания истории, доктрины социализма» — заканчивается «крахом (особенно после революции 1848 г.) всех домарксовских форм социализма и отделением рабочего класса от мелкобуржуазной демократии, выступлением его на самостоятельный исторический путь».⁵

Лионское восстание разразилось в эпоху окончательного утверждения политического господства буржуазии, на второй год существования буржуазной монархии, пришедшей на смену свергнутой руками рабочих монархии помещиков и попов. «Геперешний владыка Франции, — иронизировал немецкий ради-

¹ L'Humanité, 21, 22/XI 1931 P. F r o m e n t: Centenaire de l'insurrection ouvrière de Lyon.

² Cahiers du Bolchevisme», 15/XI 1931. J. B r u h a t: Lyon, novembre 1831.

³ P. F r o m e n t: L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831 (Paris 1931).

⁴ В основу настоящей статьи положена стенограмма доклада, прочитанного автором в ЛОКА в январе 1932 года.

⁵ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 2—3, т. XVI, стр. 543 («Август Бебель» 1913 г.) (Курсив мой — А. М.).

кал Берне в письме из Парижа от 22—30 января 1832 г., — принял титул: Император пяти процентов, король трех процентов, покровитель банкиров, староста биржевых агентов».¹ «Мы свергли иго родовой аристократии, чтобы подпасть под иго финансовой аристократии, мы прогнали титулованных тиранов, чтобы оказаться во власти тиранов с миллионами», — с горечью констатировал в начале 1831 г. рабочий Огюст Колен, автор брошюры «Крик народа».² Революция 1830 г. отняла власть у поземельных собственников и отдала ее капиталистам, т. е. из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным врагам его»³ кучке крупных капиталистов во главе с Луи-Филиппом, этим законченным типом короля-буржуа. Это обстоятельство не могло не способствовать повышению классового сознания пролетариата, росту его политической активности. «Будьте уверены, — писал несколько лет спустя великий немецкий поэт и публицист Гейне, — когда снова ударят в набат, и народ возьмется за ружье, он на этот

¹ Л. Берне. Сочинения, т. II, стр. 124 (СПБ, 1896).

² O. F e s t y. Le Mouvement ouvrier au debut de la monarchie de juillet (1831—1834), p. 82 (Paris 1908).

³ К. Маркс. Гражданская война во Франции 1871 г., стр. 39 (Изд. «Прибой», 1926.)

раз будет биться уже для самого себя и потребует заслуженную награду.¹

Недовольство росло. Каждый день приносил новые доказательства того, что все острие нового режима направлено против трудящихся, что государственный аппарат еще более открыто чем прежде защищает и будет защищать неограниченный произвол предпринимателей. Особенное возмущение вызвал закон 26 марта 1831 г., в несколько раз увеличивший высоту прямых налогов, падающих на рабочий класс. Налоговая система, — констатирует буржуазный современник, — построена таким образом, что «самая бедная семья платит казне такую же сумму (если не большую), что и семья богатого рантье, живущего в полной праздности». Косвенные налоги падают «преимущественно на предметы потребления бедняка». «Существующая раскладка налогов, — заключает он, — в целом такова, что делает невозможным какой бы то ни было подъем благосостояния широких масс населения, заставляет их «спускаться все ниже и ниже, падать на дно самой отчаянной нищеты».²

В том же направлении действовал и совершавшийся тогда во Франции промышленный переворот — переход от ремесла и мануфактуры к фабрике. Капиталистическая индустриализация страны сопровождалась небывалым усилением эксплуатации всех слоев рабочего класса. Особенно зверской эксплуатации подвергался женский и детский труд, применение которого в промышленности принимает теперь все более широкие размеры.³ «Рабочий день фабричного подростка, — пишет современник, — начинается в 3—4 часа утра». Он равняется 14—15 часам, «т. е. на 3 или 4 больше, чем у каторжников».⁴ Среди них попадаются дети 5—6 лет. «На фабрике Сент-Мари-о-Мин дети работают с 4½ лет. Среди них много золотушных. Окрестные долины, в которых живут рабочие, отличаются нездоровым, сырым климатом, способствующим массовому распространению болезни зоба. Работающие на фабриках дети зарабатывают в среднем от 6 до 7 су в день, которых им едва хватает на пропитание... Среди детей, которые рождаются в этом несчастном краю, масса глухонемых и слабоумных...»

Можно было бы привести десятки аналогичных показаний современников, рисующих кошмарные условия труда и суще-

ствования рабочих в эту эпоху экономического прогресса, технических изобретений, научных открытий, в эту эпоху небывалой спекулятивной горячки и невиданной до сих пор роскоши на верхах буржуазного общества. Пауперизм — вот слово, которое все чаще и чаще появляется теперь в произведениях французских экономистов и публицистов даже самого умеренного направления. Советник королевской судебной палаты в Париже, кавалер ордена почетного легиона Кретьен де-Полти с горечью констатирует, что этот «бич Англии» поражает и Францию, ее «самые цветущие в торговом и промышленном отношении провинции».¹ Академик Бланки, брат знаменитого революционера, сообщает, что видел в Лилле в 1836 г. рабочих, вся пища которых состояла из двух килограммов хлеба в неделю; они были так худы, что их тело казалось почти прозрачным. «Омут, в котором они прозябают», — так характери-

¹ I B Chrestien de Poly. *Essai politique sur les causes de perturbation et de crises en France et sur les moyens d'y remédier et d'affermir le trône et les libertés publiques*, t I, p. 8 (Paris 1840).

¹ Г. Гегне. Собрание сочинений, т. I, стр. 362 (СПб, 1904, изд. Маркса)

² E Buret. *De la misere des classes laborieuses en Angleterre et en France*, t. II, p. 394 (Paris 1840).

³ См. Ф. Потемкин. К социальной истории французской фабрики («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. V 1930)

⁴ A. Fremy. *L'Enfant de fabrique* («Les Français peints par eux mêmes «Province», t I, p. 253—259, Paris 1841)

зует кошмарные жилищные условия существования рабочих этот ученый апологет капитализма.¹

«Фабричная промышленность, — говорил в августе 1840 г. докладчик генерального совета департамента Богезов, — стала к несчастью самым обильным источником деморализации и обнищания народа».² Не лучшим было однако положение рабочих, занятых в ремесленных заведениях, в мануфактурах. Это относится, в частности, к специально интересующей нас здесь шелковой промышленности Лиона, которая еще продолжала сохранять свою архаическую, сложившуюся в XVII в. организацию производства типа «рассеянной мануфактуры».

К моменту восстания 1831 г. в Лионе, этом крупном индустриальном центре, втором по своему значению городе Франции, насчитывалось около 500 «купцов-фабрикантов» шелка, т. е. предпринимателей-мануфактуристов, около 9000 «хозяев мастерских», получавших от них сырье, заказы, заработную плату и около 30—40 тыс. рабочих (подмастерьев, помощников, учеников). Это было крупное производство, но крупное производство мануфактурного типа, — чего не видят буржуазные историки, исходящие от Бюхера, а не от Маркса и Ленина, считающие это производство мелким и усматривающие в мануфактуристах не промышленников, а торговцев.

Подмастерья, помощники, ученики составляли пролетарскую часть лионских шелкоткачей. Среди «хозяев (начальников) мастерских» следует различать два слоя — полупролетариев (хозяев одиночек, не пользующихся наемным трудом.) и хозяйчиков владельцев нескольких станков, эксплуатировавших по несколько учеников и подмастерьев. Буржуазные исследователи причисляют этих мелких буржуа, этих «вышибателей пота» к рабочим. Леви Шнейдер пишет: «Известно, что хозяин мастерской есть тоже рабочий, просто старший рабочий, который ткет на одном из своих станков и поручает другие работающим у него рабочим».³ Поручает! Отношение эксплуататора к эксплуатируемому исчезает под пером этого «историка» рабочего восстания.

Аналогичную позицию занимает Тарле: «Рабочий — пролетарий и хозяин мастерской, полупролетарий, были на одной стороне социальной баррикады, предприниматели-капиталисты —

¹ Ad. Blanqui: Des classes ouvrières en France, en 1848 («Mémoires de l'Académie des sciences morales et politiques de l'Institut de France», t. VII, p. 741—742, Paris 1850).

² Ф. Потемкин. К истории развития капитализма во Франции (в сборнике «На боевом посту», Гиз 1930, стр. 340).

³ Levy-Schneider. Le Gouvernement insurrectionnel de l'Hôtel de-Ville en novembre 1831 et le rôle de L.-M. Perrenon («Revue d'histoire de Lyon», t. IX, 1910, p. 170).

на другой».¹ Буржуазный историк сознательно идеализирует отношения, существовавшие между хозяином мастерской и его рабочими. Любопытный быт царил, — утверждает он, — в мастерской: обыкновенно не рабочий мастерской зависел от хозяина, но хозяин от рабочего (особенно от искусного рабочего)... Следует цитата из вышедшей в 1860 г. книги Одиганна «Рабочее население и промышленность Франции»: «Но какие бы ни были мелкие трения и неприятности в повседневной жизни, перед лицом фабриканта, дающего хозяину мастерской заказ и платящего ему сдельно, хозяева мастерских и их рабочие действовали всегда совершенно дружно и согласно, тут их интересы вполне совпадали».² «Исследователь» Тарле довольствуется одной этой цитатой. Ссылка на Одиганна ему достаточна для обоснования своего тезиса об общности интересов, о солидарности хозяйчиков и рабочих. Чтобы придать больше «силы» цитируемым им словам, Тарле спешит добавить, что Одиганн «сам рабочий по происхождению». О том, что этот «вышедший в люди» рабочий оказался ренегатом своего класса, сознательным врагом Интернационала и Коммуны,³ — конечно, умалчивается.

Фурньер, как и подобает «социалисту» II Интернационала, вполне разделяет точку зрения своих буржуазных коллег. «Не следует делать различия между рабочим и хозяином мастерской, — пишет он, — они очень близки один к другому, и оба очень далеки от фабриканта, который является их общим врагом, паразитом...»⁴ К аналогичным выводам приходит цитирующий эти слова «радикал» Трюшон: «Вопреки видимости (?! — А. М.), вопреки определениям, способным ввести в заблуждение (?! — А. М.), хозяева мастерских и подмастерья находятся в одинаковом положении», — утверждает он.⁵

В действительности дело обстояло совершенно иначе. Если мелкие буржуа, какими являлись владельцы нескольких станков,

¹ Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства (1815—1831), Гиз, 1928, стр. 237. — Цитируя это заявление Тарле, один из новейших историков лионского восстания I. Perdu, автор книжки «Les Insurrections Lyonnaises (1831—1834)» (Paris, s. a.), находит его «слишком категорическим». «Вопреки мнению Тарле, — пишет он, — мы думаем, что хозяин мастерской был зачастую скорее полукapиталистом, нежели полупролетарием» (p. 11).

² Тарле, ук. соч., стр. 237.

³ См. A. Audiganne. Mémoires d'un ouvrier de Paris. 1871—1872, p. 80, 216—219, 224 (Paris 1873).

⁴ E. Fournière. La règne de Louis Philippe (1830—1848), p. 148 («Histoire socialiste sous la direction de Jean Jaures», t. VIII).

⁵ P. Truchon. La Vie ouvrière à Lyon sous la Restauration. 1814—1830. («Revue d'histoire de Lyon», t. XI, 1912, p. 207).

и примут участие в восстании, то позиция их будет резко отличаться от позиции пролетарской и полупролетарской массы ткачей. Иначе впрочем и не могло быть. Разница в материально-экономическом положении хозяйчиков и рабочих столь очевидна, что ее не может отрицать и Фурньер. «Первые, — пишет он, — населяют в Круа-Русс и в Бротто высокие дома на широких улицах, живут в больших комнатах, где много воздуха и много света; вторые населяют узкие, кривые улицы. темные закоулки и тупики худших кварталов, живут в худших и наименее удобных домах, в низких комнатах, иногда с маленькими двориками, которые отличаются отвратительной грязью...»

Современники с редким единодушием подчеркивают бедственное положение лионских рабочих в эту эпоху. Норбер Трюкен в своих «Воспоминаниях пролетария» говорит о зверской эксплуатации ткачей, особенно молодых девушек в возрасте от 15 лет, которых заставляют работать летом с 3¹/₂ час. утра до 12 час. ночи, зимою — с 5 утра до 11 вечера. Столь продолжительный рабочий день в душной мастерской приводит к тому, что несчастные девушки еще до окончания своего ученического стажа наживают чахотку и уходят с производства умирать в ту нищую деревню, откуда их извлекли вербовщики этой дешевой рабочей силы.¹ «Заработок ткача — признает современный буржуазный бытописатель — не пропорционален дороговизне предметов первой необходимости». Это означает: «тесное и нездоровое жилище, не достаточная и вредная пища, слабое развитие тела, физическая хилость». Достаточно «самой пустяковой болезни, самого незначительного перерыва в работе, чтобы свергнуть ткача в ужасающую нужду».²

Даже «Северная пчела» — этот сторожской пес царского самодержавия — писала, на основании сведений французских газет, о печальной судьбе «лионских фабричных». «Они люди трудолюбивые, в которых постоянный, сидячий образ жизни, кажется, препятствует развитию тела и духа. Прочие жители статны и высокого роста, кануты же (ткачи — А. М.) малоги. Получаемая ими плата за труд не всегда сообразна с ценой съестных припасов... и погону они часто находятся в самом стесненном положении». Газета добавляет, что «живут они обыкновенно в верхнем этаже, а многие даже на чердаках.

очень вредных для здоровья», что «они всегда с нетерпением ждут воскресенья, чтобы покинуть свою тюрьму», т. е. мастерскую.¹

О крайней скудности питания лионских рабочих сообщает Трюшон. Буржуазный исследователь не в состоянии скрыть того факта, что они принуждены довольствоваться овощами и хлебом, что мясо и вино являются для них недоступными предметами роскоши». Он констатирует, что с 1803 по 1828 г. ввоз вина и скота в Лион остался на одном уровне, несмотря на то, что за эти 25 лет «население города увеличилось с 93 тыс. до 146 тыс. человек», причем это «увеличение падает почти целиком на рабочий класс». «За редкими исключениями, условия существования рабочих по шелку представляются крайне тяжелыми». Таков вывод, к которому приходит Трюшон.

«Оптимист» Виллерме, наблюдавший лионских ткачей в 1836 г., решаете однако отрицать то, что признают другие буржуазные современники. Поражавшую их всех физическую хилость рабочих по шелку он объясняет не условиями их труда и существования, которые он всячески прикрашивает, а тем, что эта профессия не требует особой силы, в виду чего «многие из тех, кто не могут быть кузнецами, плотниками, портвыми рабочими, становятся ткачами».³ Цитирующий эти слова «социалист» Фурньер хотя и признает косвенным образом буржуазную тенденциозность показаний Виллерме, сам старается однако доказать, что «крайняя нужда не была постоянным уделом лионского рабочего класса», что его положение *улучшалось* из года в год.⁴ Между тем, даже Тарле вынужден признать факт острой нужды, притом *растущей* нужды, лионских ткачей. «Рабочий шелковой мануфактуры в Лионе, — цитирует он относящиеся к 1837 г. путевые записки Стендаля, — зарабатывает ежедневно сумму денег, на которую он может купить гораздо меньше мяса и хлеба, чем его предок, рабочий времен Кольбера, министра Людовика XIV, мог купить на ту сумму, которую тогда зарабатывал».⁵ Мы увидим сейчас, что этот типичный для Тарле словесный «радикализм» служит завесой, за которой он старается скрыть свое подлинное лицо буржуазного фальсификатора истории рабочего класса.

¹ «Северная Пчела», 15 XII 1831. Новости заграничные.

² Truchon, op. cit., p. 199, 201 (подчеркнуто мною.—А. М.)

³ Villermé. Tableau sur l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie, t. I (Industrie de la soie Fabrique de Lyon), t. II (De la santé des ouvriers). (Paris, 1840).

⁴ Fournière, op. cit., p. 146 — 148.

⁵ Тарле, ук. соч., стр. 238 — 239.

¹ I. Perdu. Les Insurrections lyonnaises (1831—1834), p. 16—17.
² I. Augier. Le Canut («Les Français peints par eux-mêmes. Encyclopédie morale du XIX siècle. Province», t. I, p. 286, Paris 1841).

III. КРИЗИС ИЛИ ПОДЪЕМ ПРОИЗВОДСТВА В ЛИОНЕ? ВОССТАНИЕ КАК ОТВЕТ НА ПРОВОКАЦИЮ КАПИТАЛИСТОВ

Еще в 1844 г., в своей знаменитой «Истории десятилетия», Луи Блан утверждал, что шелковая промышленность Лиона переживала в интересующий нас период серьезные затруднения, вызванные ростом иностранной конкуренции и сужением рынков сбыта.¹ Вся последующая буржуазная литература характеризует момент восстания как момент низкой экономической конъюнктуры. В действительности, осенью 1831 г. наблюдается прямо противоположное. Упадок производства в период кризиса 1827—1829 гг. и следовавшей за этим кризисом депрессии сменяется известным подъемом. Это неопровержимо доказано на основании обширного документального материала Ф. Потемкина.² Буржуазные историки, игнорируя статистические данные и показания современников, утверждают другое. Ссылка на мнимый кризис служит для них средством замаскировать подлинные классовые мотивы поведения лионских предпринимателей осенью 1831 г.

Вот, что пишет по этому поводу Тарле: «Между тем, в виду недостатка сбыта, а прежде всего вследствие массы безработных в городе, предприниматели понизили (по уговору между собою) сдельную плату».³ Еще определеннее выражается он в другом месте: «Нужно сказать, что далеко не все эти фабриканты были сколько-нибудь крупными капиталистами. Не только с иностранною, но и со своею лионскою, конкуренциею каждому из них приходилось очень и очень считаться. Понижение цен на материи многим из них представлялось единственным выходом из положения; а так как экономить в производстве на сырье было невозможно, — сырец, напротив, все дорожал, — то представлялось более возможным экономить на рабочих руках, другими словами, понижать расценку, сводя ее к „голодной плате“».⁴

Что это, как не прямая апологетика капитализма под видом «объективного», «научного» анализа обстановки?

¹ Louis Blanc. Histoire de dix ans (1830—1840), t. I, p. 345 (Bruxelles 1844).

² Ф. Потемкин. Причины восстания лионских рабочих в 1831 г. («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга IV, М. 1929).

³ Тарле, ук. соч., стр. 243.

⁴ Там же, стр. 236 (подчеркнуто мною.—А. М.) В действительности, как показал еще архибуржуазный экономист середины XIX в. Уге («Philosophie des manufactures», t. II, p. 377), французский шелк-сырец не дорожал, а дешевел, с 31 фр. в 1822 г.—до 20,5 в 1831 г.

Но Тарле не оригинален в этом вопросе. Он только повторяет академика Левассера, автора «классической» фальсификации истории французского пролетариата с 1789 г. по 1870 г. Еще за 25 лет до Тарле Левассер пытался оправдать «объективными» условиями классовую политику капиталистов Лиона: «Мануфактуристы, находясь в стесненном положении, в которое их поставила революция (1830 г.—А. М.), не были расположены увеличивать заработную плату...»¹ Так пишется история! Левассер находит возможным писать о «вызывающем поведении подмастерьев и хозяев мастерских в отношении фабрикантов», совершенно умалчивая о том, что восстание явилось ответом на провокацию предпринимателей.

Свидетельства современников из среды буржуазии решительно опровергают выводы «ученых» апологетов капиталистического рабства. 10 ноября 1831 г., стало-быть, накануне восстания, крупный лионский торговец шелком-сырцом Буше писал в Париж министру торговли: «Рабочие, видя, что фабриканты получили заказы, и что все они заняты в производстве, но по низким сдельным расценкам, собрались в октябре, чтобы обсудить, какими средствами заставить их увеличить их заработка». Это свое показание Буше повторяет и после ликвидации восстания, 18 декабря. «Каждый рабочий имел больше работы, чем мог бы справиться по своим силам»; «кредит совершенно восстановился»; появилось «изобилие денег». Но, несмотря на повышение спроса, повышения расценок не последовало. То же самое утверждает в записке от 26 ноября 1831 г. бывший фабрикант Мореля: «На этот раз дело было не так — работа была, только она низко оплачивалась...»²

На каком же низком уровне стояла тогда заработная плата, если сами капиталисты признают, что она была мала! По словам Луи Блана, в ноябре 1831 г. лионские рабочие получали только четвертую-пятую часть того, что они зарабатывали в годы, предшествовавшие кризису 1827—1829 гг.; некоторые категории ткачей вырабатывали не более 18 су (около 34 коп. в день).³

К показаниям Буше и Мореля, впервые извлеченным из архивов Потемкиным, добавим еще одно, не менее категоричское, притом давно опубликованное и все же упорно замалчиваемое всеми буржуазными историками. Мы имеем в виду следующее место из письма министра торговли и земледелия гра-

¹ E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, t. II, p. 7 (Paris 1904).
² Там же, стр. 94—193. (Курсив мой.—А. М.)
³ Луи Блан, ук. соч., стр. 377. Левассер (op. cit., t. II, p. 7) оспаривает конечно эти данные Луи Блана.

фа д'Аргу к военному министру маршалу Сульту, отправленному с войсками в мятежный Лион:

«Когда префект впервые заговорил о тарифе, он заявил, что лионская фабрика не страдает от тех перерывов в работе, которые поразили другие мануфактуры, что все рабочие руки заняты, что для нескольких тысяч станков, для которых имелись заказы, не доставало рабочих, так что жаловались только на слишком низкую оплату труда.¹ Положение было таким образом гораздо менее плачевным, чем в тех городах, где мастерские были закрыты; эти города страдали, не нарушая порядка; нельзя не сожалеть, что в Лионе, где работа имела в изобилии, гораздо более сносное положение привело к такому исходу».

Лионские рабочие жаловались не на отсутствие работы, а «только» (! — А. М.) «на слишком низкую оплату труда!» Таково категорическое утверждение министра буржуазной монархии, сделанное в совершенно официальном документе. Нужно ли говорить о том, с каким цинизмом представителя режима «обогащайтесь» защищает этот «пэр Франции» произвол предпринимателей. «Он [фабрикант] не может работать себе в убыток... Не подлежит сомнению, что он платит рабочему все, что может платить...» «Никакая сила в мире» не может заставить мануфактуриста считаться с каким-то мнимым обязательным тарифом заработной платы, если он ему невыгоден. Лионские промышленники могут сохранить свое место на мировом рынке только ценою удешевления своей продукции, что может быть достигнуто лишь уменьшением себестоимости производства. а стало быть, — откровенно заявляет министр, — снижением заработной платы.²

¹ То же самое показывал префект в своей оправдательной записке, составленной и опубликованной в конце декабря 1831 г. «Последние политические события, (революция 1830 г. — А. М.), оказавшие в общем столь вредное влияние на торговые дела, почти не дали себя почувствовать, должен сказать, в лионской промышленности. Работы было достаточно, благодаря крупным заказам, сделанным Америкой». По сравнению с 1829 г., годом наивысшего подъема производства, гол. протекший от июля 1830 г. до июля 1831 г., дал продукции только на 15000 кг. меньше. Накануне восстания «не только все рабочие были постоянно заняты, но продолжительность их рабочего дня была значительно большей, и все-таки шесть тысяч станков оставались в бездействии за отсутствием рабочих рук». (Подчеркнуто мною — А. М.) «Несмотря на такое положение, рабочие жаловались, они жаловались на слишком низкую оплату труда; «они вызвали всеобщее сочувствие, и все честные фабриканты признавали, что это несчастные, работая по 10 часов в день, не могли даже заработать себе на жизнь». (Bouvier-Dumontard Evénements de Lyon. Historique du tarif. Premier article.—«Le Constitutionnel», 23 XII 1831).

² Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. II, p. 510—511 (Paris 1859) (подчеркнуто мною.—А. М.).

Монополии на мировом рынке французское шелковое производство не имело ни до ни после 1831 г. Но жалобы лионских предпринимателей и их адвоката графа д'Аргу на растущую опасность иностранной конкуренции, жалобы, повторяемые буржуазными историками, лишены были всякого основания. «Не только в период первого восстания, — констатирует специально исследовавший этот вопрос Потемкин,¹ — но и позднее, например, на новогодней и пасхальной ярмарках 1834 г., положение лионских негоциантов было блестящим». Экспорт шелковых материй из Франции колоссально превышал импорт. В 1830 г. ввезено было на 2,8 млн. франков, вывезено на 111.1. в 1831 г. ввоз составил 2,4 млн. франков, вывоз — 119.3. При этом за 6 лет, с 1827 г. по 1832 г., год восстания, 1831, был наиболее благополучным. Эти цифры настолько красноречивы, что даже отдельные буржуазные историки вынуждены признать полную неосновательность жалоб лионских мануфактуристов на иностранную конкуренцию. «Говоря правду, — заключает Алязар, невольно разоблачая маневр предпринимателей, — иностранная конкуренция — предлог, а не реальность. Фабриканты ссылаются на нее, чтобы держать заработную плату на крайне низком уровне».² «Иностранная конкуренция — отмечает Трюшон — не причинила мануфактуре (шелковой промышленности Лиона — А. М.) никакого серьезного ущерба; но боязнь этой конкуренции, вызывая непомерное снижение заработной платы, создает нищету рабочей массы».³ То, что Трюшон называет «боязнью конкуренции», было на деле хищническим стремлением предпринимателей к еще большему повышению нормы прибыли, имманентно присущим капитализму. Послушаем еще мнение Шарлети. «Шелковое производство — категорически утверждает этот известный историк Лиона — не пострадало от революции (1830 — А. М.); его процветание в 1831 г. было признанным фактом и отмечалось как исключение для всей Франции. Но если в Лионе не было недостатка в работе, зато жаловались, что она там плохо оплачивается. Со времени прекарных лет империи снижение расценок там не прекращалось...» «Но конечно — спешит добавить профессор, ныне ректор парижского университета — соглашение (о тарифе — А. М.), заключенное между сторонами (между предпринимателями и рабочими — А. М.) не имело никакой законообязательной силы».⁴ Еще бы!

¹ Потемкин, ук. соч., стр. 183—186.

² Alazard. Les Causes de l'insurrection lyonnaise de novembre 1831 («Revue historique», Sept.-Déc. 1912, t. 111, p. 54).

³ Truchon, op. cit., p. 195.

⁴ Charléty. La monarchie de Juillet (1830—1848), p. 65—66 (Paris [1921]).

IV. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЛИОНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

Лионское восстание 1831 г. было по преимуществу восстанием ткачей, точнее *шелкоткачей*. Именно они составили главную массу восставших. Иначе, конечно, и не могло быть в промышленном центре, основу которого составляло производство шелковых материй, большинство населения которого было так или иначе связано с этим производством.¹ Но участие в движении приняли и другие группы рабочих: каменщики, столяры, сапожники, ситцепечатники, грузчики, кожевники, пильщики, шляпники и другие. Анализ такого документа как список убитых и раненых в ноябрьские дни 1831 г. не оставляет никаких сомнений в этом факте,² о котором ни один буржуазный историк однако не заикается.³ О том же свидетельствуют и другие данные, как например, сообщение парижского корреспондента немецкой «Всеобщей газеты», который упоминает о «многочисленных шляпниках и каменщиках», действующих совместно с рабочими по шелку.⁴ Прокурор Вильфранша (близ Лиона) доносил 23 ноября в Париж, что в восстании принимают участие «более 30 000 рабочих». Лионский прокурор писал, что восстание, поднятое рабочими по шелку, превратилось в восстание всего рабочего населения этого города.⁵

В восстании участвовали не только *рабочие*, не только *полупролетарии* (ремесленники-одиночки), но и *мелкие буржуа* в лице хозяйчиков, владельцев мастерских с несколькими станками, эксплуататоров наемной рабочей силы. Этот факт с очевидностью вытекает из всех показаний современников. Но, как увидим ниже, позиция мелкобуржуазных элементов, участвовавших в ноябрьском восстании, была *принципиально иной*, отличалась гораздо большей умеренностью, чем позиция пролетарской и полупролетарской массы. Буржуазные историки, сознательно умаляя роль рабочего класса, первое место в событиях отводят «хозяевам мастерских», среди которых они *не различают* полупролетариев от мелких предпринимателей. Алязар,

¹ «Из 130 тыс. жителей, населяющих Лион и его окрестности, — писал несколько лет спустя один современник, — не менее 90 тыс. человек заняты в шелкоткацком производстве» («Les Français peints par eux-mêmes. Province», t. I, p. 285).

² Потемкин, ук. соч., стр. 170—171.

³ В виде исключения это признает Фурньер, по словам которого из всей массы лионских рабочих уклонились от участия в движении только носильщики и крючники, хорошо оплачиваемые и организованные в замкнутые корпорации (op. cit., p. 158).

⁴ Allgemeine Zeitung (Augsburg), 10/XII 1831, s. 1377.

⁵ Festy, L'Insurrection de Lyon en 1831 d'après des documents inédits («Annales des sciences politiques», Paris 1910, p. 87).

например, утверждает, что именно ткачи-хозяева «руководили движением и придали ему такую силу размаха». Классовый смысл этого утверждения станет особенно ясен, если вспомнить, что в отличие от других буржуазных историков Алязар считает «хозяев мастерских» «настоящими фабрикантами в теперешнем смысле слова».¹ К сожалению ошибочные утверждения по вопросу о социальном составе лионских повстанцев встречаются и в марксистской литературе. Так, Моносов заявляет, что «большинство восставших были «хозяевами мастерских» и являлись представителями скорее беднейших слоев мелкой буржуазии, нежели пролетариата». В другом месте он объявляет восстание 1831 г. «выступлением *мелких буржуа-ремесленников*», противопоставляя ему восстание 1834 г. как выступление рабочих. Такое противопоставление совершенно ошибочно. Противоречая самому себе, это признает и сам Моносов: в предисловии к своей книжке он говорит, что оба эти восстания представляют собой «ранние выступления пролетариата». Но он *не различает* позицию рабочих и позицию хозяйчиков, считая, что в ноябре 1831 г. они «были одинаково несознательными в смысле понимания значения восстания».² В действительности, дело обстояло далеко не так. Послушаем, например, что говорит по этому поводу граф д'Аргу, бывший в момент восстания министром торговли и земледелия.

«Надо признать, — писал он маршалу Суэту, — что хозяин мастерской, работающий на дому, владелец станков, представляет больше гарантий порядка, чем то более многочисленное население рабочих подмастерьев, население текучее, которое беспрестанно кочует между Лионом и Авиньоном или Ниомом и на которое трудно влиять. Весьма вероятно, что его требовательность в отношении мастеров и привела к тому, что толкнула их на те или иные выступления, и что, когда хозяин был приведен в отчаяние, его рабочие не замедлили предаться эксцессам».³

Вот как характеризует буржуазный историк Париже этот «беспокойный элемент» лионского населения:

«Все зло произошло от того, что быстрое скопление станков, преимущественно станков, вырабатывающих узорчатые ткани, вызвало приток многочисленных подмастерьев, простых подручных, имеющих только преходящую связь с мастерской... Новоприбывшие принесли на фабрику новые нравы. Это уже не прежний подмастерье, который живет в мастерской и делит с хозяином радости и горести его жизни. Перед нами текучая масса рабочих, которые хотят жить вне мастерской, сохраняя свою независимость; жадные до материальных удовольствий, они стремятся всегда в ту мастерскую, где находят более высокую оплату труда; они посещают общественные собрания, интересуются политикой и социализмом, почти поголовно принадлежат к тайным обществам, которые создались в большом числе во время

¹ A la zard, op. cit., p. 49, 63.

² С. Моносов. Два восстания лионских рабочих, стр. 3, 22, 75 (изд. «Пролетарий», 1923.).

³ Guizot, op. cit., t. II, p. 507—508.

реставрации в делах борьбы за торжество принципов революции. Это те подмастерья, которые смотрят на фабриканта как на своего врага, как на эксплуататора: разве не они действительно первыми страдают от безработицы и от уменьшения заработной платы? Они-то и несут главную ответственность за мятежи, которые разразились в эпоху, когда все страсти были до крайности возбуждены падением реставрации и установлением либерального правительства».¹

Если отбросить преувеличенное представление о мощности тайных обществ Лиона в рассматриваемую эпоху, если оставить в стороне нелепое обвинение в «жадности», брошенное по адресу рабочих, борющихся против хищнической эксплуатации со стороны предпринимателей, то портрет революционно настроенного, начинающего осознавать свое положение и свои права подмастерья, нарисованный его классовым врагом, безусловно соответствует действительности.

Иначе смотрит на этот вопрос Алязар. Для обоснования своего тезиса о передовой роли «хозяев мастерских» в дни восстания последний не жалеет красок, чтобы изобразить их бедственное положение. Он старается создать впечатление, что им жилось не только лучше, но пожалуй даже хуже, чем подмастерьям. Последние, по его мнению, более обеспечены, так как их заработок более гарантирован, нежели доходы хозяев, которым приходится тратить на содержание станков, на освещение мастерской, на общую квартиру, на оплату подручных, выполняющих подсобные работы.² Этот историк слепо доверяет преувеличенным жалобам двух «хозяев мастерских», которые были отправлены в Париж к главе правительства, а также показаниям молодого лионского адвоката Жюля Фавра, будущего палача Коммуны.

Что хозяева мастерских страдали от растущего гнета со стороны крупного капитала, это бесспорно. Особенно сильно задел их новый налоговый закон, который привлек к обложению массу ткачей-одиночек, до сих пор не подлежавших патентному сбору.³ Не случайно, что движение началось в предместьях, где было особенно много таких новых налогоплательщиков. Правда, там же была сосредоточена и основная масса рабочих. Борьба за тариф — обязательный минимум заработной платы — объединит на время некоторые мелкобуржуазные элементы с пролетарской и полупролетарской массой Лиона, провокационное поведение «фабрикантов» толкнет эти элементы на участие в восстании. Но большая часть мелкой буржуазии, осо-

бенно торговцы и лавочники, останется, как это вынужден признать и Алязар, совершенно в стороне от движения. Другие — владельцы мастерских, эксплуатирующие наемных рабочих — приложат все усилия к тому, чтобы удержать его в рамках уважения к собственности, «порядку», властям.

V. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЛИ „ТОЛЬКО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ“ ВОССТАНИЕ?

В исторической литературе существует прочно установившаяся традиция, согласно которой лионское восстание 1831 г. совершенно лишено было политического характера. Начало этой традиции было положено современниками, самим правительством буржуазной монархии, представители которого утешали себя тем, что ноябрьские события мол не политический «бунт», а только (!) социальная «анархия». Именно так определял их Казимир Перье в циркуляре к префектам от 25 ноября и в речи в Палате от 17 декабря. «Кажется несомненным, что лионский мятеж носит чисто анархический, а не политический характер», — писал еще до этого выступления премьер-депутат Магюль префекту департамента Од.¹ За то же ручался своему начальству и лионский префект Бувьё-Дюмоляр. Рохау² и Грегуар,³ Вейль⁴ и Чернов,⁵ Левассер⁶ и Фести,⁷ Шарлети⁸ и Алязар,⁹ Гомон¹⁰ и Люка-Дюбретон,¹¹ Сэ¹² и Тарле¹³ — эти и другие буржуазные историки, старые и новые, повторяют в своих трудах, общих и специальных, научных и

¹ Jeanjean: L'Insurrection de Lyon en novembre 1831. Nouveaux documents inédits («Révolution de 1848». Bulletin d. l. Société d'Hist. d. l. révolution de 1848, Mars-Avril 1914, p. 6), 62, 75).

² Рохау. История Франции от низвержения Наполеона I до восстановления империи. 1814—1852, часть I, стр. 371—372 (СПБ, 186).

³ Грегуар. История Франции в XIX в., т. I, стр. 514 (рус. изд. М. 1893), т. II, стр. 22 (М. 1894).

⁴ Weill. Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870, p. 109. (Paris, 190).

⁵ Tchernoff. Le Parti républicain sous la monarchie de juillet, p. 298 (Paris, 1905).

⁶ Levasscur, op. cit., t. II, p. 9.

⁷ Festy, op. cit. p. 111.

⁸ Charléty, op. cit., p. 67.

⁹ Alazard. Le Mouvement politique et social à Lyon entre les deux insurrections de novembre 1831 et d'avril 1834 («Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1911, t. XVI, p. 27).

¹⁰ Gaumont. Histoire générale de la coopération en France, t. I, p. 114 (Paris, 1924).

¹¹ Lucas-Dubreton. La Restauration et la monarchie de juillet, p. 180 (Paris, [1926]).

¹² Сэ. La Vie économique en France sous la monarchie censitaire (1815—1848), p. 129 (Paris 1927).

¹³ Тарле, ук. соч., стр. 261.

¹ E. Pariset. L'Industrie textile. La Fabrique lyonnaise au XIX siècle, p. 373 (Lyon, 1907) (подчеркнуто мною.—А. М.).

² Alazard, op. cit., p. 62—64.

³ Потемкин, ук. соч. стр. 206—207.

популярных, этот тезис, движимые одной и той же классовой работой — смазать значение этого раннего выступления пролетариата и представить его вообще неспособным к самостоятельной политической борьбе. Впрочем, также разделяются они сплошь и рядом и с последующими выступлениями рабочих. Сопоставляя три лионских восстания — 1831, 1834, 1849 гг., Алязар, например, усматривает между ними следующую разницу: первое — движение «индустриальное, экономическое», второе — «республиканское и социальное», третье — «исключительно «социальное».¹ Методологическое убожество этой «схемы» хорошо характеризует уровень буржуазной исторической науки нашего времени, которая впрочем и сама иногда готова признать, что она — наука «особого рода», «наука несовершенная», наука, которая «не в состоянии формулировать законы», а только описывает отдельные факты, всегда будто бы индивидуальные и неповторимые».²

Особенно резко подчеркивает тезис о полном аполитизме лионских рабочих Тарле, автор самой подробной на русском языке работы о восстании 1831 г. Буржуазный фальсификатор истории пролетариата, во всех своих трудах стремившийся доказать имманентную неспособность рабочего класса к самостоятельной политической борьбе,³ остается верен себе и в анализе этого движения. Прикрываясь как всегда «радикальной» трактовкой событий, он сознательно преувеличивает значение этого, по его словам, «первого во всемирной истории чисто рабочего революционного восстания»,⁴ чтобы смазать значение последующих более зрелых классовых боев пролетариата, чтобы тем резче оттенить характеризующие его в 1831 г. значительные черты незрелости, степень которой он же преувеличивает. Вот как изображает Тарле положение в Лионе после ухода войск и перехода города в руки восставших. «Рабочие были в полном бездействии», «не было и речи о попытке организации новой власти», «сама рабочая комиссия, единственный организационный центр восстания, на другой же день после победы, 24 ноября, опубликовала заявление, обращенное к префекту» и содержавшее уверения в преданности монархии и конституции. «Правда, в первые два дня слышались кое-где слова о республике, но продолжения и последствий это не имело. А между тем следует отме-

тить, что вне рабочей среды была сделана попытка, ни малейшего успеха не имевшая, провозгласить новое правительство. Об этом стоит упомянуть именно затем, чтобы еще более подчеркнуть полную аполитичность лионской рабочей массы. В одной из зал ратуши семь человек, во главе с редактором газеты «La Gazette» («Собирательница колосьев»), объявили ссби утром «временным главным штабом» и под эгид нелегитимным названием они продолжали оставаться несколько часов. За это время они выпустили прокламацию «К лионцам», в которой предлагают избрать новые власти, отвернуться от «министерского шарлатанства» и завоевать себе новую, настоящую свободу. Эта прокламация была выслушана рабочими с удивлением и равнодушием» и ни малейшего впечатления не произвела. «Временный главный штаб» исчез немедленно и бесследно».¹

Так выглядит под пером Тарле поведение лионских рабочих после победы восстания. В своем стремлении доказать их «полную аполитичность», он игнорирует такие показания основных источников (например рассказ префекта), которые этому противоречат, зато всецело доверяет таким сравнительно второстепенным документам, которые это подтверждают (например рассказ Монфалькона). Уверяя читателей в своем знании литературы предмета, он обходит однако полным молчанием большое исследование Леви-Шнейдера,² который еще в 1910 г. (за 18 лет до работы Тарле!) дал интересный документальный материал о попытке установления в Лионе нового правительства в дни восстания. А этот материал должен был бы заставить Тарле пересмотреть свои выводы, во всяком случае подробнее рассказать о составе и деятельности «временного штаба», которому он посвятил всего несколько строк. Ведь даже писавший в начале 40-х годов Луи Блан, о котором так пренебрежительно отзывался наш бывший академик, сообщает по этому важнейшему вопросу гораздо больше, чем работавший в архивах Тарле, приводит имена членов «временного штаба», упоминает о борьбе внутри этого органа, закончившейся победою его умеренного крыла.³ Возвращаясь к Леви-Шнейдеру, отметим, что этот буржуазный историк, вопреки собранному им довольно богатому материалу, приходит, хотя и с другого конца, к тем же выводам, что и Тарле. В каждом народном движении, говорит

¹ Alazard, op. cit., p. 209.

² Sée (Henri) *Matérialisme historique et interprétation économique de l'histoire*, p. 71, 125 (Paris, 1927). Его же. *Science et philosophie de l'histoire*, p. 125, 169 (Paris, 1928).

³ Г. Зайдель. Тарле и его школа («Классовый враг на историческом фронте», Гиз, 1931, стр. 22—37).

⁴ Тарле, ук. соч., стр. 1 (подчеркнуто мною.— А. М.).

¹ Там же, стр. 261.

² См. обзор Леви-Шнейдера («Revue historique», juillet-août 1930, p. 375—376) новейших работ по истории Лиона, в котором этот солидный буржуазный исследователь изображает Тарле — разумеется, в очень снисходительной форме — в незнании этой его статьи и ряда других исследований по истории Лиона.

³ Louis Blanc, op. cit., t. III, p. 354—356.

он, всегда выплывают на сцену в качестве «смутьянов» какие-нибудь «ничтожные авантюристы», «никому неизвестные», «не имеющие готовых планов действия», и на определенный момент захватывают руководство, вопреки всякой логике». Такие люди появились и в дни лионского восстания. Но они просчитались. *«Интриганы (?! — А. М.), собравшиеся в городской ратуше, чтобы придать восстанию политический характер, действовали в пустопорожном (?! — А. М.) пространстве».*¹

Несколько фактов из истории третьего дня восстания, приводимые префектом, самым решительным образом противоречат этому положению о всеобщей аполитичности восставших. Днем 23 ноября в префектуру явился *пролетарский отряд*. Вот как описывает это посещение сам префект:

«Около 2 часов дня я увидел из окна префектуры отряд вооруженных людей, с барабанщиком во главе, который остановился у входа. Барабан пробил дробь, и один из этих людей стал читать прокламацию, текст которой, расклеенный по всему городу, был мне вручен в тот самый момент. Она началась примерно следующими словами: «Вероломные магистраты, покрытые кровью народа, не могут больше властвовать над нами; гора трупов отделяет их от нас. Граждане, созовем наши собрания, дадим городу Лиону и департаменту Роны действительное народное представительство. Довольно министерского шарлатанизма!..»

За чтением «мятежной прокламации» последовала сцена, которую Бувье-Дюмоляр описывает следующим образом:

«Банда числом около тридцати, дурно выглядевших, одетых в лохмотья людей, ворвалась в префектуру. Я спустился в свой кабинет, чтобы принять их. Они вошли с надменным видом и, не снимая шапок, потребовали от меня оружия. «Оружия? У меня его нет», сказал я. Они ответили, что если у меня его нет, то следует разоружить «первый легион» (составленный из фабрикантов квартала Терро), что они хотят покончить с этими аристократами, и что *этот бой решительно есть война тех, у кого ничего нет, против тех, которые что-нибудь имеют*.

«Положение становилось критическим. К счастью, вожди рабочих, которых я вызвал по-утру, прибыли в этот момент... Я спросил их, пойдут ли они на свержение законной власти, захотят ли они подпасть под позорное иго кучки безвестных бунтовщиков, после чего прочел им вслух мятежную прокламацию, которую держал в руках. Они впали в величайшее негодование. «Протестуйте же со всей решительностью против этой гнусной выходки!» — воскликнул я, спеша использовать это благоприятное унастроение. «Докажите, что если ваши рабочие и могли быть ослеплены нуждой, они никогда не хотели быть бунтовщиками, а главное, что их начальники хорошие граждане и хорошие верноподданные». И тут же я предложил им написать и подписать, под повторные возгласы «да здравствует король!», тот протест, который и появился затем во всех газетах».

¹ Lévy-Schneider, op. cit, p. 265—267 (подчеркнуто мною.— А. М.)

² Bouvier-Dumolard. Evénements de Lyon (Quatrième article). Ma situation après la retraite des troupes («Le Constitutionnel», 26/XII 1831).

«Тщетно пытался бы я дать хотя бы слабое представление об энтузиазме и теплоте этой сцены, при которой присутствовали гг. Терм, бывший первый заместитель мэра, Фэй и Валуа, советники префектуры, помощник военного интенданта Моризо, жена начальника жандармерии и некоторые другие лица. Предвидя, чем закончится эта сцена, люди, которые требовали разоружения первого легиона, могли удачливее».

Мелкобуржуазные «начальники секций» общества взаимопомощи лионских ткачей сыграли роль заслона, прикрывшего носителей «законной» власти от покушений со стороны рабочих передовиков, которые стремились вывести восстание за пределы вопроса о «тарифе».

Около того же времени старый республиканец Росср. член «временного штаба», сделал, правда неудачную, попытку арестовать префекта, который уже однажды (21 ноября) был арестован, но затем освобожден «хозяевами мастерских».

Третий, не менее важный, факт. Верно ли, что расклеенная вечером 23 ноября революционная прокламация, призывавшая к свержению «министерского шарлатанства», выдвигавшая *политические* требования (всеобщего избирательного права, вооружения масс и пр.), была встречена рабочими «с удивлением и равнодушием», как утверждает Тарле? «Есть показания, свидетельствующие о том, что все прокламации долго и оживленно

комментируются при свете факелов». Известно также, что когда вечером того же дня один из влиятельнейших членов «временного штаба» такч Фредерик, обходя городские караулы, стал срывать со стен это антиправительственное воззвание (под которым, без его ведома, было поставлено и его имя), — «в уличной толпе нашлись достаточно решительные пролетарии, которые арестовали Фредерика и отвели его в ратушу». ¹ Ни Тарле ни Леви-Шнейдер конечно ни словом не упоминают об этом аресте: еще бы — он портит им всю картину «полной аполитичности» масс.

Еще один факт, который умышленно опускает Тарле, грубо искажая историю восстания. В ночь с 23 на 24 ноября префект сделал попытку завладеть ратушей, но должен был отказаться от этого плана, так как здание оказалось занято вооруженным отрядом «волонтеров Роны», которые охранялись *сотнями пролетариев*, — «несколькими сотнями бродяг», как выражается Бувье-Дюмоляр. Об этом отряде, образовавшемся еще до восстания (для поддержки революционного движения за пределами тогдашней Франции, в Савойе), упоминает и один из участников военного похода против Лиона, генерал Кастеллан, утверждающий, что большинство его командиров «были известны своими республиканскими взглядами». ²

Тарле ни словом не заикается о разногласиях внутри организационного центра восстания, попросту отождествляя *первый «временный штаб»*, выпустивший *революционную* прокламацию от 23 ноября, со *вторым*, образовавшимся утром 24-го из одних почти *соглашательских* элементов. Леви-Шнейдер, подробно рассказавший о борьбе *внутри руководства восстанием*, стремится представить дело так, будто «политики» не имели никаких корней в массах. Описывая бурную сцену, разыгравшуюся вечером 23 ноября в одной из зал Ратуши, он с удовлетворением отмечает, что приведенный республиканцем Россэ отряд вооруженных рабочих поддержал *умеренную* часть «временного штаба» во главе с Лякомбом, которая прикрывала представителей старой власти и отказывалась порвать с префектом. *Мелкобуржуазным «политикам»*, стремившимся закрепить результаты победоносного восстания ликвидацией всего старого аппарата власти, пришлось ступать перед *аполитично-настроенной рабочей массой и ее вождями*. Так изображает дело Леви-Шнейдер. ³

¹ Потемкин. Лионское восстание («Борьба классов», 1831, № 8—9, стр. 119—120.

² «Journal du maréchal de Castellane», 1804—1862, t. II, p. 473 (Paris, 1895).

³ Lévy-Schneider, op. cit., p. 242—243.

Он же непомерно преувеличивает роль одного из этих «политиков», Перенона, сторонника свергнутой в 1830 г. династии Бурбонов. ¹ Что легитимисты Лиона заигрывали в этот момент с *рабочими*, стремясь использовать в своих целях их недовольство, — это не подлежит сомнению, это подтверждают документы. ² Но что в лионских событиях надо искать — как утверждали «фабриканты» ³ — «руку карлистов», с этим не соглашается даже буржуазный исследователь Алязар. ⁴

Относя, подобно Тарле, владельцев мастерских к нескольким станками и подмастерьями к *трудовым* элементам, стремясь, подобно Тарле, доказать полную *аполитичность* рабочей массы, Леви-Шнейдер не может осмыслить *социальной основы* борьбы действительно происходившей внутри руководящего ядра восстания. Он признает, что «временный штаб», образованный утром 24 ноября и утвержденный префектом, существенно отличался от того, который действовал накануне и получил свои полномочия от баррикадных бойцов, он признает, что этот второй штаб, прекративший свое существование 29-го, был простой ширмой, в которой представители «законной» власти еще нуждались для того, чтобы не оказаться «лицом к лицу» с вооруженным народом, ⁵ — но не может, не хочет понять того, что *за двумя разными тактическими линиями, борющимися в лагере восстания, стояли две разных социальных группы*.

Один из новейших историков восстания 1831 г. Жак Пердю открыто признает этот факт:

«Во время битвы хозяева мастерских были увлечены пролетариатом... После победы они спешат ввести в берега действия этой массы, которая к тому же сама не проявляет достаточной уверенности в том, какое приращение сделать из своей победы. В предместьях Круа-Русс разногласия между хозяевами мастерских и подмастерьями выливаются в бурные сходы. Первые хотят предоставить свои силы в распоряжение властей; вторые выдвигают различные требования, например, требование возмещения в размере 7 млн. в пользу жертв восстания, а также нуждающихся рабочих». ⁶

Правильное наблюдение не спасает впрочем Пердю от неверной общей оценки восстания, которое он, вслед за открыто буржуазными историками, считает «случайным, аполитич-

¹ В своей статье Леви-Шнейдер занимается этим персонажем почти столько же, сколько «временным штабом» в целом.

² «Le Constitutionnel», 29/XI 1831.

³ «Le Constitutionnel», 13/XII 1831 (Sur les causes des troubles de Lyon).

⁴ Alazard. Les Causes de l'insurrection lyonnaise en novembre 1831, p. 77—79.

⁵ Lévy-Schneider, op. cit., p. 224.

⁶ J. Perdu. Les Insurrections lyonnaises, p. 34 (подчеркнуто мною.— А. М.).

ным, местным», лишенным цели, вызванным к жизни «исключительными обстоятельствами». ¹

Распря между пролетарскими и мелкобуржуазными элементами Лиона в дни восстания доходила до того, что они выставили друг против друга патрули. Об этом факте сообщали в Париж со смешанным чувством удовлетворения и страха очевидцы буржуа. «Мы находимся в состоянии полной анархии, — писал один из них 23 ноября (письмо помечено 7 час. вечера), — партия победителей, рабочие, принудив генерала Рогэ с войсками к отступлению, раскололись. Одни, люди без роду и племени, которым нечего терять, и которых считают действующими по указке карлистов, высказались за смену властей, потерявших по их словам доверие населения. Другие, здоровая часть города, стоит за сохранение префекта, как человека, защищавшего их притязания перед фабрикантами и торговцами... Из-за этого раскола мы ждем сегодня в ночь перестрелки между патрулями того и другого лагеря; это будет еще более ужасной гражданской войной, чем та, которая только что имела место в Лионе... Надо надеяться все же, что префект сумеет восстановить порядок, если его поддержат в этом добрые граждане и наименее преступные из рабочих». ² Пресловутая умеренность победоносных инсургентов, которая так восхищает буржуазных историков, ³ и которую некоторые современники готовы были приписать... вмешательству богоматери Фурвьера, «странной покровительницы» Лиона, объясняется тем и только тем, что в условиях полной неорганизованности рабочей массы — массы не фабричных, а мануфактурных рабочих — руководство движением перешло в руки мелкобуржуазных хозяйчиков и идеологически к ним близких кустарей-одиночек, пользовавшихся еще преобладающим влиянием в таких организациях эпохи как общества взаимопомощи (других тогда не существовало).

Мы имеем на этот счет совершенно определенные свидетельства очевидцев. Вот что писал 5 декабря 1831 г. лионский корреспондент большой немецкой консервативной газеты, выразивший не только свое мнение, но конечно и мнение тех буржуазных кругов, в которых он вращался:

«После двух дней кровопролитных сражений и последовавшей затем мертвой тишины, беспокойного ожидания порядка вновь восстановлен в нашем городе, и только кипшащие войсками улицы, следы бивуаков на площадях, сильные патрули свидетельствуют о необычном состоянии Лиона... Если не считать трех первых тревожных дней, понедельника, вторника и

среды, то в течение почти десяти дней мы не имели в городе ни одного солдата. Тем не менее, порядок и спокойствие нарушены за это время не были, дела возобновились, и властям всюду оказывалась поддержка. Всякий, кто был свидетелем двухдневных боев и дня разрушений, ждал, по меньшей мере, на долгое время остановки всей общественной жизни, взрывов ненависти, ищущей утolenия в новых кровавых сценах, вооруженной огнем и мечом разъяренной реакции со стороны победоносных рабочих. Поэтому все, что могло бежать, бежало из города; робкие души даже в соседних департаментах, даже в Швейцарии и Италии, искали себе надежного убежища. Нельзя не признать прогрессом нравов во Франции тот факт, что эта до крайности озлобленная масса рабочих, к которой присоединилась, как всегда бывает в таких случаях, самая низкая сволочь без роду и племени, дала себя после такого кровопролития уговорить настолько, что 18 предназначенных к разрушению домов остались нетронутыми. А ведь в эти дни весь главный штаб гражданской гвардии состоял из трактирщиков, проволочных мастеров, ткачей и тому подобных. Люди, которые обычно сносят к классу необразованных, сумели внушить возмущенной черня уважение к приказам властей...» ¹

Так объясняла себе буржуазия умеренность, проявленную восставшими рабочими. Движение удержалось в рамках, не сопровождалось серьезными покушениями на общественную и частную собственность буржуазии только потому, что мелкобуржуазные элементы сумели быстро овладеть положением, сумели возглавить движение, чтобы его обезглавить. Их удерживало. — писал потом, наученный опытом 1848 г., академик Луи Рейбо, — удерживало опасение, как бы, «экспроприровав фабриканта, они не были в свою очередь экспропрированы подмастерьями и учениками». Иначе конечно не могло бы быть: «насилие порождает насилие». Но именно поэтому «хозяева мастерских» оказались такими «робкими в победе», такими нерешительными, способными только «жаловаться на свою судьбу». Победа или поражение — в обоих случаях «издержки борьбы должны были в конечном счете пасть на них». ²

Префект имел полное основание писать: «Рабочие подмастерья одни только взялись за оружие; хозяева же мастерских вовсе не участвовали в восстании. Именно у них я искал себе опору, только у них я мог ее найти...» ³

Что брожение рабочих не улеглось и после 24 ноября, после образования второго «временного штаба» во главе с соглашателем Бюиссоном, проволочным мастером, имевшим в одном из пригородов Лиона недвижимую собственность, — это признает и Леви-Шнейдер. Он же сообщает, что попытка разоружить ра-

¹ «Allgemeine Zeitung» (Augsburg), 12/XII 1831, S. 1384 (подчеркнуто мною.— А. М.).

² L. Reybaud. Etudes sur le régime des manufactures. Condition des ouvriers en soie, p. 137 (Paris, 1839) (подчеркнуто мною.— А. М.).

³ «Le Constitutionnel», 26/XII 1831.

¹ Ibidem, p. 47—48. 86.

² «Journal des Debats», 27/XI 1831 (подчеркнуто мною.— А. М.).

³ Festy, op. cit., p. 110—111.

боках, предпринятая еще до занятия Лиона войсками, встречало сопротивление рабочих, среди которых распространялись листовки антиправительственного содержания. «Чтобы сломить это сопротивление, — указывает он, — мэр и префект объявили 26 ноября о введении в действие тарифа, начиная с 13 декабря».¹

Тарле утверждает, что разоружению рабочих, к которому было приступлено 29 ноября, «никакого сопротивления оказано не было».² По еще 6 декабря, значит уже после военной оккупации Лиона, генерал Кастеллан, командовавший бригадой в армии Сульга, отмечал в своем дневнике, что «рабочие не сдают или почти не сдают оружия». Как мало «умиротворено» было в этот момент рабочее население Лиона, которое по Тарле безропотно и немедленно покорилось своей участи, видно из того, что в тот же день Кастеллан упоминает о двукратной стрельбе по солдатам одного из полков своей бригады. «Рабочие, — добавляет он, — держат самые зловещие речи». 9 декабря он же заносит в дневник: «Разоружение подвигается крайне медленно». 14-го: «Разоружение идет лучше; рабочие сдали часть похищенного ими оружия». Часть! Тревога не покидает Кастеллана. Запись в дневнике от 17 декабря гласит: «Лион совершенно спокоен, только власти не решаются взимать недоплаченные налоги с бедняков; продажа с торгов мебели, принадлежащей рабочему, вызвала бы немедленный взрыв мятежа. Обложение, придуманное Лафитом, породило всеобщее недовольство: это настоящий источник возмущений».³

Факты, сообщаемые Кастелланом, находят свое подтверждение в секретном бюллетене от 7 декабря специального правительственного комиссара, присланного из Парижа. «Предместья, — писал он, — не расположены сдавать оружие», в городе «тихо», но «не спокойно», поговаривают о новом восстании, назначая его на 15 декабря, «рабочие озлоблены», почти никто из них не работает, делаются попытки разложить солдат. Тот же комиссар сообщал о многочисленных арестах, которые производятся ежедневно. «Все спокойно, если это можно назвать спокойствием», — доносил 8 декабря новый лионский префект.⁴ Не так-то легко было сломить волю к борьбе, таившуюся в рабочей массе, еще недавно державшей в своих руках второй по его значению город Франции. А ведь армия, оккупиро-

вавшая Лион, насчитывала в этот момент 20 000 штыков, 600 сабель, 80 артиллерийских орудий!

Только искажая прямые показания источников, только извращая бесспорные исторические факты, можно утверждать, что лионские повстанцы 1831 г. проявили полный аполитизм. Наиболее последовательно это положение, господствующее во всей буржуазной литературе, проводит стоящий на ее правом крыле Тарле. Именно поэтому мы уделили здесь столько внимания его контрреволюционной «концепции» восстания. Это было тем более необходимо, что ее полностью разделяет один из новейших буржуазных историков социализма во Франции, Эрнст Поссе, ученик небезызвестного биографа Энгельса, профессора Густава Майера. Объявляя лионское восстание 1831 г. «самостоятельно-пролетарским, хотя и неполитическим выступлением», Поссе «обосновывает» это свое мнение прямой ссылкой на Тарле, «доказательства» которого сочувственно цитирует на двух страницах.¹ Удивляться этому конечно не приходится.

Буржуазную легенду о полной аполитичности, проявленной лионскими рабочими в 1831 г., повторяют и мелкобуржуазные историки этого восстания — «социалист» Фурньер,² Поль Луи,³ наш соотечественник Чернышевский⁴ и другие. В плену у этой легенды оказались и некоторые марксистские историки, как например Моносов.⁵ Что восставшие не противопоставили буржуазии никакой сколько-нибудь определенной и законченной социально-политической программы, это бесспорно, но делать отсюда вывод об их совершенном аполитизме все же невозможно.

VI. ОТКЛИКИ ВО ФРАНЦИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Лионское восстание произвело огромное впечатление на умы современников, впечатление, которое не ограничилось непосредственной ареной борьбы. «Еще десять лет назад, — писал в начале 40-х годов один буржуазный публицист, — гкач был

¹ Dr. Ernst Posse. Der Marxismus in Frankreich 1871—1905 S. 19—22 (Berlin, 1930).

² Fournière, op. cit., p. 159.

³ П. Луи. История социализма во Франции, стр. 124 (русск. изд. Грават).

⁴ Н. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 92, 97—98 (Пгр., 1918).

⁵ Моносов, ук. соч., стр. 25, 27, 29. — В своем докладе на I Всесоюзной конференции историков-марксистов (28/XII 1928), увлекшись противопоставлением июньского восстания 1848 г. Лионскому 1831 г., я ошибочно характеризовал последнее как «восстание голода», против чего справедливо возражал Потемкин («Труды I Всесоюзной конференции историков марксистов», т. II, стр. 221, 222, 233).

¹ Lévy-Schneider, op. cit., p. 254.

² Тарле, ук. соч., стр. 262 (подчеркнуто мною, — А. М.).

³ «Journal du maréchal de Castellane», t. II, p. 473, 474, 476.

⁴ Jeanjean, op. cit., p. 79—80.

почти неизвестен во Франции и в Европе; его известность вышла за пределы нескольких коммун департамента Роны, обычного местожительства рабочих этой профессии. Но со времени событий, последовавших за июльской революцией 1830 г., т. е. с времени ноября 1831 г. и апреля 1834 г., ткач выступил на авансцену, обратил на себя внимание своим участием в печальных событиях, заливших кровью второй город королевства».

Взрыв рабочего восстания вызвал настоящую панику в рядах буржуазии. «Биржа, правительство, все находится в ужасной тревоге», — писал из Парижа 25 ноября корреспондент немецкой «Всеобщей газеты»: «По слухам рабочие Тарара и Сент-Эльенна и даже часть национальной гвардии Лиона также принимают участие в восстании. Опасаются, что к нему присоединятся и крестьяне департамента Дромы». ² «О возмущении в Лионе носят здесь весьма неприятные слухи», — сообщал в тот же день (25/XI) корреспондент «Санкт-петербургских ведомостей»: «Сказывают, что оно распространилось до Гренобля и в большей части южной Франции, а в Лионе учреждено Временное правительство... Как в министерствах внутренних дел и военном приметна необыкновенная деятельность и из оных отправляется так сказать курьер за курьером в южные департаменты, а также фонды внезапно понизились (сегодня продаются они тремя процентами ниже вчерашнего курса), то должно полагать, что дело сие важнее, нежели хотели бы в том сознаться». ³ «Вы остановились не мятеж, а революцию: еще 24 часа, и мы отсюда (из Парижа) уехали бы, все было готово», — говорил в декабрьском номере «Литературного молару», ⁴ бывшему в момент восстания префектом в Лионе.

Что острая тревога, пережитая в эти дни французской буржуазией, имела под собой достаточно серьезные основания, показывает не только размах событий в Лионе, но и сочувственное отношение к ним трудящихся масс других городов. Фаталистическая установка Тарле — «не было и не могло быть никакой надежды на дальнейшее распространение во Франции восстания» — явно противоречит показаниям историков. Ведь, сам же он приводит данные полицейских донесений, согласно которым уже 24 ноября среди парижских рабочих слышались разговоры о том, что «нужно последовать примеру лионских товарищей». «26 ноября, — добавляет Тарле, — в городе появи-

лись прокламации, наклеенные ночью и утром, в которых рекомендовалось парижским рабочим последовать лионскому примеру. Эти попытки продолжались и дальше...» ¹ Генерал Каstellан, участник похода на Лион, сообщает, что в Шалоне маршал Сульт и его войска были встречены возгласами «долой министров! долой Луи-Филиппа! да здравствует республика! в воду Сульта!» К этим возгласам примешивался возглас «да здравствуют лионские рабочие!» Военный министр был до такой степени напуган (этим приемом), что заговорил даже о возвращении в Париж, но герцог Орлеанский убедил его отказаться от этого шага и продолжать свой поход. ² Непокойно было и в отдельных пунктах ближайших к Лиону департаментов, в частности в Марселе, где было произведено много арестов.

Тревога, испытанная буржуазией в дни восстания, имела своим следствием резкое усиление в ее среде реакционных настроений. Особенно заметно это было в Лионе, где по словам иностранного наблюдателя «многие собственники» находились во власти «самого безграмотного страха». «Они хотя теперь, — писал он 12 декабря, — одним взмахом уничтожить свободу печати, институт национальной гвардии и другие существенные пункты хартии; в железной палке Наполеона они усмагривают теперь единственное средство держать Францию в узде...» ⁴

Классовый характер восстания не ускользнул от буржуазии, которая вынуждена была признать в нем выступление рабочих. Как ни кратковременна была их победа, нельзя было скрыть того, что в течение нескольких дней они держали в своих руках «второй город королевства». Этот неприятный для господствующего класса факт замолчать который было невозможно, внушал самое серьезное беспокойство за будущее. «Незачем утаивать, ибо к чему служат притворство и умолчание? Лионское восстание открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом неимущим... Варвары, угрожающие обществу, — не на Кавказе и не в татарских степях; они в предместьях наших фабричных городов...» Так оценивал положение преданный до конца июльской монархии «Журналь-де-Деба». Вывод: «Современное общество погибнет от руки своих пролетариев, если оно не постарается всеми возможными способами уделить им частицу собственности, или если оно делает их активными и вооруженными гражданами до того, как

¹ «Les Français peints par eux memes. Province», t. II, p. 283.

² «Allgemeine Zeitung», 1/XII 1831, S. 1341.

³ «С-Петербургские ведомости», 4/XII 1831, стр. 1:01.

⁴ Цитировано у Тарле, ук. соч., стр. 238.

¹ Тарле, ук. соч., стр. 258, 261.

² «Journal du maréchal de Castellane», II, p. 463—466.

³ Jeanjean, op. cit., 74, 75, 79.

⁴ «Allgemeine Zeitung», 20/XII 1831 S. 1416 (подчеркнуто мною А. Ч.).

делает их собственниками.¹ Другой капиталистический орган «Тан» призывал к «священному единению» всех собственников вокруг правительства. «Когда под угрозу поставлена собственность, нет больше политических разногласий, нет больше сторонников министерства, сторонников оппозиции... Нельзя допустить того, чтобы дух мятежа распространился дальше, рабочие выступления заразительны. А Лион один из центральных пунктов страны». ² «Оппозиционная» газета «Конституционалист» упрекала правительственный орган «Монитор» в недооценке серьезности ситуации, созданной лионскими событиями. «Общество поражено в самом сердце, всему социальному строю грозит гибель, если заразительный пример выступления лионских рабочих, пример их успеха найдет подражателей. Сегодня возмущение само наложит узду на свою ярость, завтра оно может перейти границу, перед которой теперь остановилось, впоследствии оно не будет знать ни узды.

¹ «Le Temps» 3/XII 1831.

² «Journal des Debats», 8/XII 1831.

ни закона...»¹ Не менее пессимистические выводы делал в «Европейском обозрении» Шатобриан, этот литературный борец легитимизма: «Промышленная собственность так же мало защищена, как и собственность поземельная. Попробуйте-ка теперь, после лионской истории, добиться того, чтобы фабрикант был хозяином у себя на фабрике...» «Неужели нам придется, — спрашивал писатель, — держать 20-тысячный гарнизон в каждом фабричном городе, ставив вооруженного часового подле каждого аршина материи?» Свою статью Шатобриан заканчивал конечно клеветническими выпадами против коммунизма, как отрицания всякой культуры, как торжества всеобщей уравниловки.²

Международная реакция высказалась устами своего вожда австрийского министра князя Меттерниха. 10 декабря 1831 г. он писал из Вены своему другу баварскому министру князю Вреде:

«... Одним из важнейших событий сегодняшнего дня я считаю не Лионское восстание (ибо в такой стране, как Франция, где все общественные связи распущены, одним возмущением больше или меньше, не существенно), но позицию правительства по отношению к этому восстанию; последняя представляется мне столь ошибочной, что я не вижу, каким образом оно выпутается из этого дела. Если судить по поведению префекта, то о репрессиях, повидимому, нет речи; но если репрессий не будет, знают восстание рабочего класса оправдано, а следовательно дан и новый толчок к разложению буржуазного общества. Я позволю себе надеяться, что как бы ни окончились события, пример [Лиона] будет иметь мало привлекательного для наших немецких либератов. В Германии мы имеем еще натиск среднего класса на трон и высшие сословия; во Франции, где оба эти элемента почти исчезли, чернь восстает теперь против среднего сословия. Это только логично, но это приводит к такому ряду последствий, которые не легко преодолеть».³

Итак, основатель и руководитель «Священного союза» европейских монархов должен был признать в лионских событиях выступление новой силы, «восстание рабочего класса». Правда, он утешал себя тем, что это возможно только в стране конституции, притом «незаконной», где власть не опирается, как в полуфеодальной Австрии, на «божественное происхождение», не имеет «тысячелетнего опыта».

Тревога, испытанная правительством царской России, нашла свое отражение в дневнике П. Г. Дивова, видного чиновника

¹ «Le Constitutionnel», 30/XI 1831.

² Цитировано в «Allgemeine Zeitung», 30/XII 1831, S. 1455—1456 (подчеркнуто мною.—А. М.).

³ V. Bibl. Metternich in neuer Beleuchtung. Sein geheimer Briefwechsel mit dem bayerischen Staatsminister Wrede. Nach uneröffneten Dokumenten aus den Archiven in Wien u. München. S. 284 (Wien, 1924) (курсив мой — А. М.)

дипломагического ведомства, которым управлял тогда граф Нессельроде. «Новое правительство, утвердившееся во Франции после изгнания законных наследников престола, Бурбонов, — отмечает он 17 декабря 1831 г., — должно было постоянно бороться с волнением умов, происходившим в этой стране». «Весьма затруднительное положение» этого правительства «усугубилось восстанием в Лионе». «Оно было подавлено и стоило тысячи жертв, но это еще более увеличило стремление народа к республиканскому образу правления, и следовательно к анархии».¹

Особенно сильное впечатление произвели лионские события в Англии, правящие классы которой переживали трудные дни. В тот момент, — отмечает Маркс, — когда «ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона», «сельский пролетариат Англии пустил красный петуха».² Боевые выступления сельских рабочих и деревенской бедноты, поджигавших замки надменной аристократии, которая отказывалась от какой бы то ни было реформы существующей политической системы, дополнялись революционными выступлениями в городах, где рабочая масса уничтожала дома наиболее ненавистных торгов. нападала на представителей власти, на консервативно настроенную часть крупной буржуазии. Черные тучи нависли над буржуазно-помещичьей Англией. Из разных концов страны приходили известия о насилиях «черни» над личностью и собственностью «благородных джентльменов», которые дрожали в своих, превращенных в крепости, замках и особняках. За три недели до лионского восстания в Бристоле имели место крупные волнения, происходили кровопролитные схватки народа с полицией и войсками. «Каждый, понимающий нынешнее положение наших дел, — писала близкая к панике газета «Морнинг-Геральд», — не может скрыть от себя, что он сидит на бочке с порохом, вокруг которой пылает огонь».³ Неудивительно, что господствующие классы Англии крайне нервно реагировали на то, что произошло в Лионе. Вот что писал 29 ноября 1831 г. лондонский корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты»:

«Неслыханные события в Лионе, поскольку они стали здесь известны, не произвели пока никакого впечатления на товарную биржу; зато они произвели сильнейшее впечатление на публику. Подобно тому, как подлоги в Нормандии послужили сигналом к аналогичным преступлениям в Англии, подобно тому как июльские дни в Париже явились здесь точкой

во всеобщему требованию реформы, так и июньское восстание может послужить сигналом к чему-то такому, что произойдет здесь у нас. Правда, английский народ мало знаком с употреблением оружия, а в присутствии сколько-нибудь значительной военной силы, особенно если она состоит из кавалерии и артиллерии, очень осторожен. Но наши вооруженные силы явно недостаточны, если принять во внимание территорию страны и ее заграничных владений, а главное если принять во внимание то обстоятельство, что большую часть этих сил поглощает Ирландия. Между тем, массы немощных людей, живущих исключительно работой своих рук, особенно в фабричных районах, конечно, гораздо многочисленнее у нас, чем во Франции. Не удивительно, что, хорошо сознавая это и помня о недавних событиях в Бристоле, все те, кому есть что терять, с тревогой взирают на будущее».⁴

Так отнеслись к Лионскому восстанию те кто стоял по ту сторону баррикады во Франции и за ее пределами. Характерно, что ни один буржуазный историк не захотел однако поставить вопрос так широко, — рассмотреть отклики на это событие в других странах. Тарле счел возможным ограничиться анализом позиции немецкого публициста Берне, признанного представителя тогдашнего европейского радикализма, проявившего в письме из Парижа от 1 декабря 1831 г. одновременно и полную растерянность мелкого буржуа пред небывалым явлением и страх за будущее всей Европы, которой угрожает начавшаяся «война бедных против богатых».⁵ Но о впечатлении, произведенном лионскими событиями на правящие классы Европы, в частности тогдашнего гегемона капиталистического мира, Англии, — ни слова. Так далеко заглянуть не пожелал ни Тарле, ни один из его собратьев.

III ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ

Лионское восстание 1831 г. было предвестником новых классовых битв между капиталом и трудом».⁶ Остальные черты, обнаруженные этим первым массовым вооруженным восстанием рабочих против буржуазии, всецело объясняются тем, что его участниками были не фабрично-заводские пролетарии, а рабочие мануфактурного производства, находившиеся еще почти целиком под идеологическим влиянием попугачиков — мелкобуржуазных «хозяев мастерских». Последние сумели парализовать боевую энергию восставших масс, остановить развертывание их политической активности, удержать их от наступательной тактики и свести на-нет одержанную ими победу. Иным был бы ход

¹ «Allgemeine Zeitung», 9, XII 1831, S 1370—1371 (подчеркнуто мною. — А. М.)

² Берне ук соч., т II, стр. 102—103.

³ Н. А укин (Антонов). Новейшая история Англии Европы стр. 419 (М 1923) (подчеркнуто мною. — А. М.)

¹ Из дневника И. Г. Дивова («Русская старина», 1899, т 100 (гр. 337).

² К. Маркс Капитал, т I, стр 470 (Гиз, 1928).

³ «С.-Петербургские ведомости», 17/X 1831, стр 10-8

и исход событий в Лионе, если бы восставшие рабочие руководились самостоятельной классовой партией, имели собственную политическую организацию. Но в 1831 г. даже такие экономические организации, как общества взаимопомощи, существовали только в зародыше, не было ни настоящих профессиональных союзов ни настоящих рабочих кооперативов, не говоря уже о политической партии.

Буржуазный историк Фести, автор большого исследования о рабочем движении в первые годы июльской монархии, настаивает на том, что ноябрьские события 1831 г. в Лионе были только «изолированной вспышкой», «не больше чем предупреждением». «Всякое рабочее выступление, — утверждает он, — было парализовано нищетой рабочего класса, продолжающейся экономической депрессией, следствием которой и была эта нищета». Вопреки мнению почтенного исследователя, мы полагаем, что растущее обнищание пролетариата, этот неизбежный продукт капиталистического развития, служит не тормозом, а наоборот, стимулом классовой борьбы масс. Собранный самим же Фести материал отнюдь не создает впечатления оторванности интересующего нас восстания от других фактов рабочего движения во Франции этого периода.¹

Если июльская революция 1830 г. свидетельствовала о пробуждении политической активности рабочего класса, сломленной термидорианцами и Директорией, зажатой в тиски военной диктатурой Бонапарта, а затем Реставрацией, — то лионское восстание 1831 г. открыло собой новую эпоху в рабочем движении не только Франции, но и всего мира. Именно так оценивал это восстание Энгельс:

«Но между тем как естественно-научное мировоззрение могло развиваться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующие положительные знания, — уже значительно раньше совершились исторические события, обусловившие собой решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своего апогея. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории более развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю тщивость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщем благополучии народа, которое будто бы явится следствием свободной конкуренции. Невозможно уже было не считать с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который явился их теоретическим, правда, крайне несовершенным, выражением...»²

¹ Festy, op. cit., p. 120—121.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг (К. Маркс и Ф. Энгельс: Сочинения т. XIV, стр. 25—26, ИМЭ, 1931). (подчеркнуто мною. — А. М.)

В свете этой оценки ясно видна грубая ошибка, допущенная в 1929 г. Потемкиным, который проглядел действительное значение лионского восстания, усмотрев в нем «скорее одно из последних и поздних движений «мануфактурного периода», чем первое или исходное движение пролетариата XIX—XX вв. Отойдя от марксистско-ленинской оценки этого события, он не понял того, что лионские рабочие 1831 г., будучи заняты в мануфактуре, выступали не в мануфактурный период капитализма, а в период промышленной революции, в период торжества фабричного производства. Сближая восстание 1831 г. со стачками и вооруженными выступлениями шелкоткачей, происходившими в XVIII в., упуская из виду различие между Францией кануна буржуазной революции и Францией эпохи господства буржуазии, Потемкин недооценивал это восстание, приходил к выводу о том, что его «главное значение» заключается «в обнаружении капиталистами классового характера борьбы». ¹ Впоследствии, в 1931 г., Потемкин дал правильную оценку всемирно-исторического значения восстания 1831 г., опираясь на приведенные выше высказывания Энгельса». ²

Если лионские инсургенты 1831 г. не выступали достаточно решительно и последовательно против существующего политического строя, то второе лионское восстание, происходившее в 1834 г. и нашедшее живой отклик в других городах, открыто выдвинуло требования политической свободы, демократической республики, права рабочих на организацию. А следующее массовое восстание рабочих — июньские дни 1848 г. — выбрасывает уже лозунг завоевания власти, проходит фактически под лозунгом диктатуры пролетариата. Пролетариат терпит новое кровавое поражение, но вместе с ним терпит поражение и весь домарксовский социализм, открывается новый период в истории рабочего движения, период большей зрелости и сознательности пролетариата. «Хозяева мастерских», которые в 1831 г. возглавили движение, чтобы его обезглавить, мелкие производители, которые составляли, по мнению буржуазных исследователей, «мозг и сердце всего лионского рабочего движения»³, теряют наконец свое влияние на рабочую массу, которая отделяется от них идеологически и организационно, присоединяется к Интернационалу, усиливает стачную борьбу не только против фабрикантов, но и против этих пособников последних. При этом ведущая роль в рабочем движении Лиона все более и

¹ Потемкин, ук. соч., стр. 211—212.

² Потемкин: Лионское восстание «Борьба классов», 1931, № 8—9, стр. 121).

³ S. Maritsch. Histoire du mouvement social sous le second Empire à Lyon, p. 248—251 (Paris, 1930).

более переходит от ткачей к металлистам, вообще к рабочим индустриальных гигантов.¹ И это относится не только к Лиону.

Новое вооруженное восстание пролетариата — 18 марта 1871 г. — приводит к его первой победоносной диктатуре, Парижской коммуне. Но, взяв в свои руки государственную власть, рабочий класс Франции, в силу ряда объективных и субъективных причин, — неблагоприятного международного положения и отсутствия правильного руководства в лице собственной выдержанной партии, — не смог удержать эту власть за собою. Коммуна была подавлена в неслыханной до того бойне, восставший пролетариат был разоружен и обескровлен, торжествующая буржуазия объявила, что с социализмом покончено навсегда.

Буржуазный историк Жанжан, автор интересной публикации документов о лионском восстании 1831 г., иронизирует по поводу оценки значения восстания, которую давал в начале 80-х годов под впечатлением еще свежего опыта Коммуны, Тюроданжен. «Для того, кто умел видеть дальше несколько тесных рамок парламента или партий, не было ли это первое выступление на сцену вооруженного социализма самым грозным симптомом?»² Цитируя эти слова автора книги, которую он находит в целом столь замечательной», Жанжан считает их сильно преувеличенными и утверждает, что социальная проблема, поставленная этим восстанием, сводилась всего только к требованию административного регулирования уровня заработной платы, к требованию постоянного вмешательства государства (буржуазного государства. — А. М.) в отношения между трудом и капиталом. Осуждая Тюроданжена за его враждебное отношение к подобному нарушению «законов экономики», противопоставляя ему тогдашнего лионского префекта Бувье-Дюмолара как человека, опередившего свой век», Жанжан приходит к заключению, что вопрос, волновавший в 1831 г. рабочих Лиона, благополучно разрешен был потом «законодателями третьей республики» (буржуазной республики. — А. М.), ее законом 27/ХП 1892 г., установившим государственный арбитраж в конфликтах между предпринимателями и коллективом рабочих и служащих.³ Это чудовищное утверждение, это изумительное «открытие» служит ярким примером того, до чего может прийти извращение исторических фактов, проводимое в угоду классовым интересам буржуазии ее учеными апологетами.

Вопреки мнению этих господ, мы считаем, что проблема.

¹ Matitsch, op. cit., p. 239, 247

² Thureau Dangin. Histoire de la monarchie de juillet t. II, p. 6, (Paris, 1884).

³ Jeanjean, op. cit., p.

поставленная лионским восстанием 1831 г., проблема освобождения пролетариата и всего трудящегося человечества до сих пор не решена в странах, где господствует капитал. где все средства производства и вся политическая власть принадлежат буржуазии. Место лионского восстания в истории пролетариата определено «Программой Коммунистического Интернационала», который, как гласит «Введение», «продолжает славные героические традиции международного рабочего движения», в частности и традиции «французских повстанцев 1831 г.»¹

Сто лет, отделяющие нас от лионских событий, показывают гигантский путь, пройденный за это время пролетариатом, от первой открытой схватки с классовым врагом в масштабе одного города, почти не организованной, слабо руководимой, потерпевшей неудачу, до победоносного строительства социализма на территории шестой части света. Рабочий класс, который в 1831 г. еще только становился «классом для себя», держит теперь в своих руках политическую власть в этой гигантской стране, уже вступившей в период социализма. Но борьба не кончена. В то время, как трудящиеся СССР, под руководством своего авангарда ленинской партии, оружием своей классовой диктатуры уничтожают самую почву, рождающую капитализм, классы и классовую борьбу, готовятся к концу второго пятилетнего плана великих работ добиться построения бесклассового общества, — пролетарии капиталистических стран еще стоят перед задачей свержения диктатуры буржуазии. В такой момент, когда то в одном, то в другом пункте капиталистического мира, потрясаемого небывалым экономическим кризисом, рабочий класс, развивая свое контр наступление, все чаще и чаще меняет «оружие критики» на «критику оружием», дает вооруженный отпор фашистским и иным защитникам капитала, — изучение опыта вооруженных восстаний пролетариата, даже неудачных, приобретает особое значение, становится необходимой составной частью морального и материального вооружения пролетариата к предстоящим ему решающим боям. Но изучение этого опыта должно вестись с единственно правильных, марксистско-ленинских позиций, оно должно сопровождаться непримиримой борьбой со всеми извращениями революционной теории пролетариата. Тогда и только тогда это будет действительно научным, действительно поучительным познанием той страницы революционного прошлого рабочего класса, которую составляет лионское восстание 1831 г.

¹ «Программа и устав Коммунистического Интернационала», стр. 11 (М. 1931, изд. 3-е).

Предлагаемая вниманию читателей книжка Фромана,¹ отрывки из которой печатались в дни столетней годовщины лионского восстания в центральном органе нашей братской французской коммунистической партии, обладает значительными достоинствами, вполне оправдывающими ее русский перевод. Несмотря на скромные размеры брошюры, несмотря на отсутствие в ней ученого аппарата, автор дал небольшое исследование, притом написанное очень живо, обличенное в популярную форму, доступную для широких масс. Книжка основана на сравнительно большом числе документов, архивных и печатных, на материалах газетной прессы и брошюрной литературы эпохи. Наряду с этими первоисточниками, автор обнаруживает неплохое знание литературы предмета. К книжке приложена краткая библиографическая справка, в которой Фроман дает сжатые характеристики некоторых использованных им работ. Если он преувеличивает ценность буржуазного исследования Фести, называя его «замечательной книгой», и не останавливается на его методологических дефектах, то к Фурньеру он удачно применяет слова, сказанные одним французским товарищем по поводу всей жоресовской серии («социалистическая история»): «Чистейший ревизионизм в области истории». Фроман подчеркивает, что Фурньер «полон нежности к сен-симонистам», этим противникам классовой борьбы и революционных методов, что он сознательно не делает разницы «между рабочим и хозяином мастерской». Относительно Леви-Шнейдера, этого «буржуазного профессора, который старается конечно быть «в стороне от схватки», Фроман справедливо замечает, что тот «несоразмерно преувеличивает» роль, сыгранную в дни рабочего восстания авантюристом Переноном, вольным или невольным агентом легитимизма. Надо было однако несколько подробнее остановиться на этом исследовании, весьма характерном для буржуазной историографии новейшего времени.

Под характеристикой, которую Фроман дает работе Тарле, подпишется каждый историк-большевик.

«Эта большая псевдонаучная статья столь же пухлая, столь леопутная, как и предыдущая (Леви-Шнейдера. — А. М.), далека от оригинальности первой. Тарле претенциозно качается открытием некоторых документов, уже опубликованных в 1910 г. Фести и частью использованных Леви-Шнейдером, работы которого он не знает. В первой части автор (Тарле. — А. М.) задерживается на некоторых цифрах, более или менее точных. Общества взаимопомощи «обрисованы»

¹ Pierre Froment. L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831. Paris, 1931 (в серии «Histoire du mouvement ouvrier»)

² Froment, op. cit., p. 94—95

в десяти строках. Что касается второй части, то она кишит грубыми ошибками, преподносимыми серьезным и убежденным тоном совершенного гротеска. Правительству восставших он уделяет ровно 16 строк и с видом знатока относит его образование к 24 ноября. Подобно своим предшественникам, этот меткий буржуа социал-демократического пошиба,¹ загроможденный под историка Института Маркса — Энгельса, не видит, само собой разумеется, совершенно отчетливого различия, которое, особенно после победы, обнаруживается между хозяевами мастерских и подмастерьями. А ведь это «образованный» марксист, который открыл... который впервые использовал... у которого столько заслуг... который зовется Тарле. Третья часть его работы самая «замечательная». Мы находим там статью из «Журналь де Деба», но столь характерная статья почтенного «Тан» ускользает от его внимания, и, что совсем непростительно, он не делает даже намека на Бланки.

«Если мы задержались так долго на этом, с позволения сказать, труде, полном выдумок, то лишь потому, что некоторые товарищи, не знакомые с предметом, могли бы с первого взгляда принять глубокое невежество за глубину, ученую болтовню за научное произведение, одним словом, черное за белое».

Марксистско-ленинский анализ событий, революционная увязка с современностью выгодно отличают книжку Фромана. чуждую нарочитого «академизма» буржуазных исследователей, скрывающих свои классовые цели под маской «чистой», «объективной» науки. Сам участник революционной борьбы пролетариата он стремится извлечь из прошлого уроки для будущего, использовать опыт неудачного восстания в интересах победоносного реванша. «Мы, пролетарии, — заявляет он, — не должны давать ослепить себя легендой о 1831 г. Точное знание прошлого поможет нам избежать совершенных некогда ошибок. Как своей нерешительностью, своим недостатком энергии после первых успехов лионский пролетариат 1831 г. позволил буржуазии, которую он пощадил из прекраснодушия и предрассудков, воспрянуть, восстановить свое положение, как он был обойден, обманут, как его вновь заковали в цепи, — все это мы должны знать, все это мы можем смело слышать, ибо наше конечное торжество неизбежно». Главный урок лионских событий 1831 г. автор правильно формулирует следующим образом: «Не было партии, которая могла бы объединить между собой эксплуатируемые массы отдельных пролетарских центров. Еще не существовало партии, способной связать крестьян и рабочих, осуществить союз трудящихся».²

Фроман проводит большей частью весьма удачные аналогии между явлениями прошлого и настоящего. Так, рассказы-

¹ Этот пункт характеристики едва ли применим Тарле, хотя и вышел из мелкобуржуазной среды, хотя и вращался в молодости в кругах «легального марксизма», но почти во всех своих работах выступает в качестве представителя «либерального», а не «демократического» крыла буржуазной историографии.

² Froment, op. cit., p. 92 (курсив мой. — А. М.).

ван о сооружении пояса укреплений вокруг Лиона под впечатлением событий 1831 г., он с полным основанием видит в этих укреплениях прототип сооружений, воздвигаемых в настоящее время военным министерством на северной и восточной границах Франции и направляемых «прежде всего против сосредоточенных в этом районе рабочих масс». ¹ Другой пример: «Стремясь к еще большему понижению заработной платы,—пишет Фроман,—фабриканты ссылаются на иностранную конкуренцию. Отрицательное влияние которой они всячески преувеличивают. даже тогда, когда их дела находятся в цветущем положении. Не следует однако верить их бесконечным жалобам. Они пользуются этим предлогом — иностранной конкуренцией — точно так же, как в наши дни их потомки кричат о советском или ином «демпинге». ² Еще один пример. Говоря об отрицательном влиянии на рабочих технических изменений, вносимых в производство капиталистами, Фроман добавляет: «Предприниматели наших дней, усердно предающиеся рационализации, поступают точно так же». ³ В облике тогдашнего мэра Лиона доктора Приюель Фроман справедливо усматривает черты сходства с нашим современником Эррио, долголетним мэром этого города. «Оба превосходно умеют эксплуатировать горячую привязанность лионцев к своему городу». ⁴ Соглашательски настроенные мелкобуржуазные руководители второго «временного штаба» в Лионе в ноябрьские дни 1831 г., эти «сознательные или бессознательные агенты буржуазии», напоминают автору современных реформистских «вождей» рабочих организаций. Цитируя характерные слова председателя второго «временного штаба» Бюиссона, который, растянувшись на канapé, говорит префекту: «Любезный Дюмоляр, вы видите, обстоятельства сближают людей». — Фроман замечает: совсем как сегодня «обстоятельства» сближают Фердинанда Бюиссона с Тардьё, Блюма с Устриком». ⁵ К чести Бюиссона надо однако отметить, что вскоре он осознал свою предательскую роль в 1831 г. и погиб смертью революционера на лионских баррикадах 1834 г. Лидеры социал-фашизма, если и найдут себе смерть в революционном восстании, то уж конечно по ту сторону баррикады.

К сожалению, Фроман не всегда остается на высоте своего марксистско-ленинского анализа событий. На протяжении своей работы он делает ряд методологических, а значит и политиче-

ских ошибок, иногда очень грубых, о которых мы должны предупредить здесь читателя. Прежде всего, общая характеристика лионского восстания, которую дает автор, вызывает серьезные возражения. Можно ли без всяких оговорок расценивать это движение как «первое чисто рабочее выступление»? ¹ Мы уже видели, что нет. Бессознательно Фроман повторяет здесь парочито-преувеличенную оценку Тарле, не замечая того, что материал его собственной книги, особенно дополнительной главы, опровергает эту оценку. Целую главу посвящает Фроман первым экономическим организациям лионских рабочих и ремесленников, но из интересного материала, который он даст, никак не следует вывод, что общество взаимопомощи того времени — это «уже настоящий синдикат новейшего типа». ² Сам того не замечая, Фроман повторяет здесь социал-реформиста Фурньера. ³

Сколько нибудь широкие рабочие синдикаты — профессиональные союзы — начинают складываться во Франции только со второй половины 60-х годов, под непосредственным влиянием Интернационала. В обществах взаимопомощи, о которых рассказывает Фроман, преобладали ремесленные мастера, господствовал мелкобуржуазный дух. Такую же методологическую путаницу, путаницу правооппортунистического порядка, проявляет автор и в самой ценной части своего труда, в главе «о двух тенденциях в лионском рабочем движении 1831 г.». Показав на нескольких ярких примерах ведущую роль пролетарских элементов в этом восстании, он делает неожиданный вывод, что обе тенденции, революционная и соглашательская, выражают «умонастроение двух частей рабочего класса — «хозяев мастерских» и «подмастерьев». Но ведь «хозяева мастерских» — не рабочие, а одни полупролетарии, другие мелкие буржуа! Это признает как будто и сам Фроман. «Хозяин мастерской, — пишет он немного ниже. — не есть, как подмастерье, настоящий пролетарий, это — ремесленник. Разумеется он считает себя рабочим, ибо он беден, ибо его жестоко эксплуатирует фабрикант, но у него есть собственный станок, станки... В общем, это мелкие предприниматели, которых экономическая эволюция, концентрация промышленности отбрасывает в ряды пролетариата. Большинство из них добиваются только «реформы злоупотреблений». Они борются против «политизации» движения и даже не помышляют о том, чтобы приступить к созданию нового порядка на место того установленного беспорядка». ко-

¹ Froment, op. cit., p. 72

² Ibidem, p. 10.

³ Ibidem, p. 11.

⁴ Ibidem, p. 64

⁵ Ibidem, p. 92.

¹ Froment, op. cit., p. 6, (курсив мой.—А. М.)

² Ibidem, p. 16.

³ Fournière, op. cit., p. 152.

торый они так бережно охраняют». ¹ Но если это так, а это так значит *нельзя* причислять «хозяев мастерских» к рабочему классу, значит *надо* признать, что двум тенденциям, двум тактическим линиям, о которых говорит Фроман, соответствовали *не две разные части одного (рабочего) класса, а два разных класса*. Революционеры опирались на пролетарскую массу подмастерьев, помощников, учеников, «реформисты» — на хозяйчиков, вышибателей пота, а также находившиеся под их влиянием группы мастеров-одиночек и рабочих. Так и только так разрешается этот вопрос.

Не свободен Фроман и от ошибок «лево»-оппортунистического порядка. Можно ли, например, согласиться с таким его объяснением позиции лионских рабочих в июльские дни 1830 г.? «Эта бескровная революция, совершенная почти исключительно буржуазией, не получила бы никакой помощи со стороны рабочих, если бы они не были вовлечены в нее *извне*». ² Сопоставьте с этим то, что писал в 1878 г. Энгельс:

«Парижские рабочие, поддержанные рабочими больших провинциальных городов, постоянно со времен великой революции были силой в государстве. В течение уже, примерно, девяноста лет они образуют боевую армию прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицу, вооружались чем могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение на долгие годы решала последующую судьбу Франции. От 1789 г. до 1830 г. буржуазные революции побеждали руками рабочих...» ³

Анализ революционной прокламации, вышущенной «временным штабом» восставших 23 ноября, приводит Фромана к недопустимым преувеличениям, к методологически и политически ошибочным выводам. Возражая буржуазным историкам, либо игнорирующим (Тарле), либо недооценивающим (Леви-Шнейдер) этот важный документ, который свидетельствует о *политических* требованиях лионских повстанцев, — Фроман впадает в противоположную крайность, увлекается настолько, что теряет всякую историческую перспективу и находит в упомянутом воззвании то, чего в нем нет и не могло быть. Речь идет о комментариях, которыми он сопровождает второй абзац прокламации, гласящий:

«Наши защитники выберут окончательных синдиков, чтобы с представителями всех имеющихся корпораций возглавлять представительство города и департамента Роны».

Читатель согласится, что текст этого параграфа не дает

¹ Froment, op. cit., p. 89, 91 — В другом месте (p. 8) противоречит самому себе, он называет „хозяина мастерской“ «старшим рабочим».

² Froment, op. cit., p. 18 (подчеркнуто мною — А. М.).

³ Ф. Энгельс. Европейские рабочие в 1877 г («Борьба классов», 1931, № 6—7, стр. 142) (подчеркнуто мною.— А. М.)

Фроману решительно никаких оснований давать ему следующую фантастически преувеличенную оценку:

«Впервые в истории здесь формулирована идея рабочего представительства. Лион должен был управляться (советом рабочих), избираемым всеми корпорациями. Это — взятие власти пролетариатом, это — диктатура пролетариата, осуществляемая организацией, который *наполняет* советы. Это коммунистическая демократия, демократия для грядущих: пролетарские элементы будут отныне единственной основой государственного аппарата». ¹

Каким образом пролетариат первой трети XIX в., едва начинающий «выделяться из общей массы мелкобуржуазного народа» (Ленин), не имеющий ни самостоятельной политической программы, ни самостоятельной политической партии, может выдвигать идею своей классовой диктатуры, может добиться завоевания и удержания власти, — это абсолютно непонятно. Добавим, что цитированное только-что место из книги Фромана с несомненностью свидетельствует о наличии во французской секции Коммунистического Интернационала еще не изжитых до конца мелкобуржуазных синдикалистских предрассудков. Чем как не *синдикализмом* является это представление о диктатуре пролетариата, как о какой-то рабочей власти профессиональных союзов? Ведь корпорации рабочих и ремесленников, о которых говорится в воззвании лионских повстанцев, представляли собой — конечно только в зародыше — будущие профессиональные союзы и уж конечно никак не подходили на «организм, напоминающий советы». Автор должен был бы, кажется, знать, что идея диктатуры пролетариата была впервые формулирована Марксом в уставе Союза коммунистов в 1847 г., что эта диктатура была впервые осуществлена Коммуной 1871 г., что орган власти, именуемый Советом рабочих депутатов ставший «международной формой диктатуры пролетариата», был впервые создан политическим творчеством масс в русскую революцию 1905 г., что этот орган не совпадает с органами профессиональных или каких-либо других рабочих объединений.

Фроман этого не понимает. Он продолжает восхищаться мнимой диктатурой пролетариата, выдвинутой якобы уже в 1831 г.:

«Смелое предвосхищение будущего, предвидение грядущего, далеко превосходящее по своей смелости программы парижских коммунаров, которые будут формулированы 40 лет спустя. В самом деле, если «Центральный комитет национальной гвардии» предвещает «советы солдатских депутатов», то Парижская коммуна была не более чем демократическим собранием с мелкобуржуазным якобинским большинством...»

Столько же ошибок, сколько утверждений! Коммуна 1871 г. далеко оставила за собой *все без исключения* рабочие восстания.

¹ Froment, op. cit., p. 51 (подчеркнуто мною — А. М.)

которые были до нее, в том числе и лионское 1831 г. ибо не смотря на всю теоретическую путаницу, царившую в головах ее руководителей, была первым в истории правительством рабочего класса, «первой на деле осуществила диктатуру пролетариата» (Ленин). Этого факта не опровергнуть никому. Что касается противопоставления Фромана Центрального комитета национальной гвардии, как пролетарского органа власти, совету Коммуны, как органу мелкобуржуазной диктатуры, то такое противопоставление ни на чем не основано, совершенно неправильно.¹ Оба органа были органами пролетарской диктатуры, их параллельное существование было только параллелизмом, а не двоевластием, выражением организационного дефекта, а не социального конфликта. Мелкобуржуазные якобинцы, о которых говорит Фроман, во-первых, не составляли большинства в совете Коммуны, во-вторых, имелись и в Центральном комитете национальной гвардии. Вопреки этим и другим попутчикам Коммуны, ведущая роль оставалась в руках пролетариата, который и осуществлял свою диктатуру, правда, с ошибками и промахами, обусловившими его поражение и в свою очередь обусловленными отсутствием у него выдержанной классовой партии. Но в 1871 г. в Париже рабочий класс покусился на политическую монополию эксплуататорских классов — государственную власть, в 1831 г. в Лионе об этом не было и речи. Ошибочность утверждений Фромана ясна. Политический характер этих ошибок очевиден.

Отступает Фроман от марксистско-ленинской диалектики и при разборе следующего, третьего абзаца воззвания лионских повстанцев от 23 ноября, который содержит довольно определенный протест против военно-полицейско-бюрократического централизма буржуазной государственности, довольно определенное требование широкого местного самоуправления для провинции. Послушаем, что пишет по поводу этого пункта Фроман:

«Манифест протестует против централизации, жертвой которой являлся «провинциальный народ», и выражает глубоко партикуляристские инстинкты, сильные «коммуналистические и федералистские стремления лионцев. Эти тенденции во многом повлияли на Прудона, федералистская система которого, перейдя к русским большевикам через посредство Маркса (см. его манифест по поводу Парижской коммуны — «Гражданская война во Франции»), заменила в управлении СССР царскую политику централизма».²

Читая подобные «откровения», не знаешь, чему больше удивляться — грубым методологическим ошибкам автора или

¹ Аналогичное противопоставление находим в работе О. Вайнштейна. Парижская коммуна и пролетариат в революции 1871 г. «Известия ОГН Академии наук», 1930, № 7—8, стр. 481, 486).

² F r o m e n t, op. cit., p. 51—52.

«либерализму» редакции, пропустившей такой явно ревизионистский пассаж без единого примечания со своей стороны. Напомним соответствующее место из классического труда марксистской литературы, из книги Ленина «Государство и революция». Пусть читатель не посетует на нас, если выдержка окажется немного длинной. Ленин начинает с цитаты из «Гражданской войны во Франции» Маркса и переходит к критике ревизионистских упражнений Бернштейна по вопросу о соотношении марксизма и анархизма.

«Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти-паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины...

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни kautскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс центрист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и пр. всей нации, всему обществу, разве это не будет централизм? Разве это не будет самый последовательный демократический централизм? И притом пролетарский централизм?

Бернштейну престо не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военной силой могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему».¹

Вот какого рода ошибку делает в данном случае Фроман! Из того, что в состав Советского Союза, продолжающегося на территории шестой части света дело Коммуны, входит несколько федеративных республик, включающих в себя автономные

национальные районы, отнюдь конечно не следует, что конституция и строительство единственной пока страны пролетарской диктатуры чужды централизму, основаны на федерализме.

Фроман не свободен от противоречий. С одной стороны, он находит в «мятежной прокламации» от 23 ноября 1831 г. не больше, не меньше как идею диктатуры пролетариата, с другой стороны, он же подчеркивает, что «в целом пролетариат еще не созрел тогда для своей исторической миссии». Это последнее утверждение безусловно правильно. Но нельзя согласиться с автором, когда он утверждает, что отсутствие в этой прокламации «ближайших (т. е., очевидно, экономических. — А. М.) требований рабочих» оставит их равнодушными.¹ О равнодушии пролетарских элементов к этому воззванию, как мы видели, не может быть речи.

Столь же необоснованным представляется нам аналогичный упрек, который Фроман делает автору или авторам республиканского обращения «К рабочим Лиона», появившегося 25 ноября в газете «Собирательница колосьев». Каких же «чисто рабочих лозунгов» можно было ожидать от этих мелкобуржуазных демократов, — «социальных республиканцев», как их называет Фроман,² — лозунгов, которые обеспечили бы им влияние на массы?

Странное впечатление производят те несколько мест в работе Фромана, где он каждое признание факта классовой борьбы между предпринимателями и рабочими, исходящее от органов буржуазной прессы, готов объявить каким-то «бессознательным марксизмом». Так, по поводу цитируемой им и другими историками статьи из газеты «Журналь де-Деба», давшей действительно очень яркую характеристику лионских событий, наш автор замечает:

«За шестнадцать лет до „Коммунистического манифеста“ автор дает почти марксистскую оценку этой „революции протетариата“»³

К словам той же статьи «демократия пролетариев и республика — две совершенно разные вещи» Фроман делает следующее примечание:

«Подобно этому, Ленин противопоставляет „социалистическую демократию трудящихся“, осуществляемую советами, „буржуазной демократии эксплуататоров, капиталистов и богатей“».⁴

¹ Froment, op. cit., p. 53.

² Ibidem, p. 60.

³ Ibidem, p. 76.

⁴ Ibidem, p. 78.

Еще одно замечание — по вопросу о том, как расценивает Фроман характер репрессий, которым был подвергнут Лион после ликвидации восстания. Сравнительно небольшой масштаб этих репрессий он объясняет тем, что «восстание, будучи массовым движением», делало невозможным преследование «всех виновных».¹ Но такое объяснение ничего не объясняет. Лионские дни 1848 г. или Коммуна 1871 г., если не выходить за пределы Франции, были конечно не менее массовыми движениями, чем лионское восстание 1831 г., однако они были потоплены в море крови. Что свирепствовать в таком роде готовились и в 1831 г. в Лионе, показывает письмо герцога Орлеанского королю от 1 декабря этого года, написанное с похода. Заверяя отца в том, что «царство законов» будет восстановлено «без изъятий и исключений», наследник престола добавлял: «для этого нужно нанести страшный удар и сделать это подходящим образом». Правда, тут же он выражал надежду, что достигнуть желательного результата удастся «без пролития крови».² Если действительно так и получилось, если при «умиротворении» Лиона не было учинено массового кровопускания, то конечно потому, что оккупация города войсками правительства не встретила серьезного вооруженного отпора со стороны восставших. Политика соглашательского «временного штаба» сделала свое дело, разложила ряды ноябрьских бойцов, усылила бдительность масс и обезглавила их. В том же направлении действовала и политика властей, начиная с самого Луи-Филиппа, поспешившего дать крупный заказ лионским шелковым мануфактурам. С своей стороны, герцог Орлеанский, находясь под Лионом, не брезгал, как показывает его письмо от 1 декабря, даже прямым подкупом, чтобы только как-нибудь «деорганизовать» — как он выражался — рабочие стачки.³ Было обещано также проведение ряда «реформ». Наиболее активные, наиболее скомпрометированные участники событий стали массами покидать город. Если бы Лион не был, как побаивался король, сдан без боя, — я не говорю: без сопротивления, сопротивление, как мы видели, рабочими оказано было, — то предпологалось его «оцепить, блокировать, атаковать». Дело обошлось без этого, как и мечтал Луи-Филипп,⁴ которому крайне не хотелось рисковать «стойкостью» своих солдат, а также «раздувать» это столь неприятное для правящей буржуазии и новой династии событие.

¹ Froment, op. cit., p. 73.

² Duc d'Orléans Lettres (1825—1842) publiées par ses fils, p. 52 (Paris, 1889).

³ Ibidem, p. 53.

⁴ Guizot, op. cit. t II, p. 505—506 (письмо королю Маршалу Суэту от 29/XI 1831).

Мы перебрали основные недостатки, вскрыли важнейшие методологические ошибки работы Фромана. Они искупаются все же в достаточной мере теми несомненными достоинствами, о которых мы говорили выше. Если отбросить нелепые преувеличения, антиленинские установки, которые в ней встречаются, и о которых читатель теперь предупрежден, то эта книжка, почти единственная научно-популярная книжка по истории первого массового вооруженного восстания рабочих против буржуазии, займет подобающее ей место в наших библиотеках, особенно школьных и вузовских, удовлетворит существующую потребность, заполнит имеющийся пробел. «От первого рабочего восстания до первой победоносной революции пролетариата прошло 86 лет, в течение которых рабочие всех стран боролись, закалялись, организовывались. Через неудачи и поражения они пришли к победе. Жертвы ноября, ваша могила ждет памятника! Но самый прекрасный, единственный достойный вас памятник сооружается теперь трудящимися Советского Союза, которые строят социалистическое общество без классов, без эксплуатации человека человеком, общество, к которому смутно стремились и вы. Скоро оно охватит весь мир».

Так кончает свою работу Фроман.¹ Эта политическая насыщенность, эта увязка исследования революционного прошлого пролетариата с классовыми задачами борющегося пролетариата наших дней, с его исторической миссией достаточно оправдывает в наших глазах предлагаемый здесь русский перевод книжки французского коммуниста, как бы значительны ни были встречающиеся в ней отдельные ошибки. В опыте вооруженных восстаний пролетариата лионское 1831 г., *первое в истории*, занимает далеко не последнее место. Марксистско-ленинское изучение этого восстания с особенным учетом его *слабых сторон* представляет в настоящее время несомненный актуальный интерес, имеет несомненное политическое значение.

«Дело лионских рабочих, дело освобождения человечества от ига капитала непобедимо. Сто лет спустя пролетарии Франции и всего мира почтительно склоняются перед своими славными предшественниками и клянутся довести их дело до конца».²

¹ Froment, op. cit., p. 85—86

² I. Bruhat, Lyon, novembre 1831 («Cahiers du Bolchevisme» № 14, 15/XI 1931)

СТО ЛЕТ НАЗАД...

29 июля 1830 г. правительство республики совместно с префектом полиции и военным губернатором Парижа, готовилось к травле рабочих, которые собирались 1 августа манифестировать против войны и в память Жореса.¹ В то же самое время председатель совета министров Андре Тардьё, к которому присоединились президент республики Думерг и председатель палаты депутатов «социалист» Фернанд Буиссон, произносил большую речь в ознаменование революции 1830 г.

В этом нет ничего удивительного: революция 1830 г. была победой буржуазной собственности, победой капитализма. Король Карл X стремился восстановить старую аристократию, опорой для которой служило крупное землевладение. 25 июля 1830 г. он решился нанести удар и подписал свои знаменитые «ордонансы». Третий, и наиболее важный, из этих указов видоизменял избирательную систему таким образом, что плательщики патента исключались из числа избирателей. Право голоса отнималось у всей средней буржуазии как промышленной, так и торговой. Отныне избирателями могли быть только крупные земельные собственники, только «ультра-роялисты». Но в то время как эти последние ликовали, «либералы», представлявшие интересы задетой ордонансами буржуазии, готовились под руководством банкира Лафитта оказать сопротивление перевороту. Они обратились за помощью к народным массам Парижа, которые вмешались в конфликт, непосредственно их не затрагивавший. Рабочие вступили в борьбу за своих хозяев. Так разыгрались три июльских дня, «три славных дня»,² которые закончились победой Лафитта и установлением власти Луи-Филиппа, короля лавочников. Вот эту буржуазную революцию и

¹ Французский социалист-реформист, убитый военщиной за свою пацифистскую пропаганду накануне империалистической войны 1914—1918 гг.
(Прим. ред.)

² Так именуется революция 27 - 29 июля 1830 г в буржуазной литературе.

(Прим. ред.)

Франции, но и всего мира. Оно открыло собою столько ожесточенных и классовых битв открыто победив увы, непродолжительной. Оно произвело огромное впечатление на умы, оно заставило выпрямиться собственные фигуры пролетариев.

«Сколько десятилетий, — читаем в современной брошюре написанной перепуганным милым буржуа захватывающий рассказ о поражении нанесенном национальной гвардии и гарнизону безоружными рабочими Лиона, будет повторять и восхищать население мастерских! Эта революционная традиция перейдет от отца к сыну от сына к внуку. Последний с гордостью скажет когданибудь: Мой предок был в числе победителей Лиона».

отмечает Тардьё в день ее столетнего юбилея под аплодисменты всех Эррио¹ и Брюмов².

В свою очередь и мы имеем свои юбилеи. Я говорю о трех днях лионского восстания, о трех славных днях пролетарской борьбы. Июль 1830 г. был восстанием парижского «народа». Ноябрь 1831 г. был восстанием лионского пролетариата против тех для которых он совершил июльскую революцию.

Это было первое чисто рабочее восстание³. На этот раз рабочие были не просто участниками борьбы, толпой восстания были их собственными. Лионское восстание 1831 г. является поворотным пунктом в истории рабочего класса не только

¹ Вождь одной из «левых» буржуазных партий Франции, радикалов ныне премьер (*Прим. ред.*)

² Один из вождей социалистической партии Франции, ныне министр (*Прим. ред.*)

³ Автор несколько преувеличивает классово-пролетарский характер лионских событий 1831 г. См. предисловие (*Прим. ред.*)

ТКАЧИ

Судьба лионского рабочего, этого человека машины, состоит в том, чтобы плакать слезами готода, день и ночь создавая для богачей горы материй, сотканных из золота, шелка и слез.

Бланки.

В 1831 г. лионская шелковая промышленность была самой значительной отраслью французской индустрии. Более 20 департаментов заинтересованы в производстве шелка. Экспорт шелковых изделий составляет больше половины всего французского промышленного экспорта.

Организация труда в этой промышленности состояла из следующих трех элементов: 1) «фабрикант», который сам ничего не фабрикует; это предприниматель, капиталист; он покупает шелк-сырец и снабжает сырьем начальников мастерских, которым дает заказы; 2) хозяин (начальник) мастерской, который является не кем иным, как старшим рабочим.¹ Владея в среднем 2—6 станками, он должен платить за них, содержать их в исправности за свой счет, что так выгодно «фабриканту». С помощью членов своей семьи, он тьст на одном из своих станков, поручая остальным работающим у него рабочим. Эти последние, так называемые подмастерья, живут и едят чаще всего вместе с хозяевами, получая от них зарплату в размере половины суммы, выдаваемой «фабрикантом» за штуку обработанной материи.

Между капиталистами, с одной стороны, и хозяевами мастерских, которых поддерживают рабочие — подмастерья, с другой, существует резкая вражда. Нищета восстанавливает рабочий класс против предпринимателей, его смертельных врагов. Перед лицом «фабрикантов», которые дают заказы хозяину мастерской и оплачивают его поштучно, хозяин мастерской и его подмастерья вполне солидарны между собой, они всегда действуют единодушно.² Все это приводит к тому, что в Лионе скорее, гораздо скорее, чем в других местах, рабочие приходят

¹ В этом вопросе автор явно неправ и противоречит самому себе (сравни последнюю главу). См. предисловие (*Прим. ред.*)

² В этом вопросе автор ошибается. См. предисловие. (*Прим. ред.*)

к осознанию своих классовых интересов, к осознанию антагонизма между капиталом и трудом.

Поскольку вся жизнь Лиона зависит от его промышленности, в особенности от шелкового производства, матейшие экономические перемены, сжатие рынков сбыта, колебание цен на сырье и стоимость произведенного продукта. — все это отзывается самым непосредственным образом часто с большой силой на положении города и на настроении умов в нем».

В 1831 г. в Лионе насчитывалось 750 «фабрикантов» на 40 000 рабочих по шелку. В эту последнюю цифру входят 8000 «начальников мастерских» и 30 000 подмастерьев. Сюда надо присоединить еще и учеников (ученичество продолжается около трех лет).

Перед нами громадная армия, которая с высоты предместья Круа-Рус и кварталов Сен-Жорж, Бротто и Гильотеры держит в грозном кольце блокады промышленную и торговую буржуазию, населяющую полуостров, часть города, зажатую между двумя реками, от Перраш до Терро.

Многие рабочие живут еще в квартале Сен-Жорж, в узких улочках с темными дворами. Воздух здесь отравлен ядовитыми испарениями. Пахнущие сыростью витые лестницы открывают доступ в мрачные жилища, где ютятся целые семейства.

Со времени Реставрации (1814 г.) вздорожание жизни и особенно жилой площади, выгоняет рабочих из этих старинных

квартилов и заставляет их селиться в громадных шестизэтажных казармах, воздвигнутых для них в предместьях Круа-Рус. Эти казармы сыграют роль крепостей в дни восстания.

Рабочий день в Лионе более продолжителен, чем где либо. 15 часов работы, не считая перерывов для принятия пищи. Зарплата такова, что рабочий с трудом покрывает свои самые необходимые потребности. Впоследствии сам префект будет вынужден признать, что «эти несчастные, работая по 18 часов в день, не могли прокормить себя».

Стремясь к еще большему понижению заработной платы, фабриканты ссылаются на иностранную конкуренцию, отрицательное влияние которой они всячески преувеличивают даже тогда, когда их дела находятся в цветущем положении. Не следует однако верить их бесконечным жалобам. Они пользуются этим предлогом — иностранной конкуренцией — точно так же, как в наши дни их потомки кричат о советском или ином «демпинге». Конечно кризис в соседних странах вызывает частич-

ную приостановку станков в Лионе; так было например в 1825—1826 гг. Конечно иностранная конкуренция существует, но она не может причинить лионскому «фабриканту» никакого серьезного ущерба: лионские шелка пользуются всеобщим признанием.

Между тем условия труда и существования лионских рабочих ухудшаются до такой степени, что это отмечают даже военные власти. При производстве рекрутского набора рабочие Лиона поражают своим болезненным видом, своей хилостью.

Труд шелко ткачей изнурителен по самой своей природе. Процедура по обработке коконов не только очень трудна, но и крайне вредна для здоровья. Занятые в этом производстве женщины оплачиваются еще хуже, чем мужчины. Они умирают молодыми — туберкулез косит их. Малолетние дети, занятые у колеса, которое приводит в движение уток, находятся в полусогнутом положении: от этого их позвоночник искривляется, и они хиреют.

Но и для взрослых рабочих труд у станка также служит источником многих профессиональных заболеваний.

«В усовершенствованиях, которые вносятся за последние годы в станки, — признается один буржуа, отнюдь не склонный к особой нежности по отношению к рабочим, — изобретатели гораздо больше заботятся об интенсификации труда, нежели о том, чтобы облегчить его условия для рабочих».

Предприниматели наших дней, усердно предающиеся рационализации, поступают точно так же.

Бледный цвет лица, слабо развитое телосложение, рост большею частью ниже среднего — таков физический облик лионского рабочего. Это кандидаты на бюро благотворительности, на койку в госпитале для бедных, на братскую могилу.

В то время как рабочие зарабатывают так мало, что постоянно находятся на грани голодной смерти, газеты описывают роскошь лионской буржуазии, роскошь, которая обеспечивает по их словам активность этого большого населенного города. «Заказы богачей — вот двигатель торговли». — так говорят и в наши дни. Но ведь это абсурд: лионская промышленность живет тем, что выбрасывает свои продукты в Европу, в Америку, в Азию; лионские же богачи со всей своей роскошью потребляют их в ничтожном размере.

Но предприниматель не только эксплуатирует рабочего, он оскорбляет его чувство семьянина, его домашний очаг; проституция — неизбежный спутник рабочей семьи в Лионе, она входит составной частью в условия труда. Фабрикант соблазняет дочь рабочего, потом которого он обогащается. Это явление возмущает даже некоторых буржуа.

Разврат — спутник нищеты. — нищет лионский адвокат Жюль Фавр,¹ — рабочий борется с мужеством отчаяния, но нищета душист его, толкает к разорению, к позору. Я говорю об его дочерях, о том, что мы не оплачивая их достаточно, чтобы они могли жить на свои заработки, толкаем их на путь проституции, отдаем их тело в жертву похоти того, кто больше заплатит. Их обвиняют в испорченности, в разврате те, кто испытывает лишения, на которые обрекает их низкий уровень заработной платы, лишения, которые делают еще более обольстительными окружающие их соблазны! Их обвиняют в разврате те, кто спекулирует на их нищете, чтобы попирать их невинности, осквернять их красоту. И так изо дня в день! Работница, которая хочет сохранить свою честь, должна питаться хлебом и водой, носить грубую одежду и вдобавок находится под постоянной угрозой безработицы. Если бы я лично не был свидетелем этой позорной эксплуатации, этой бессовестной спекуляции на голоде невинных девушек, я никогда не поверил бы этому».

Ничто не изменилось: предприниматели попрежнему смотрят на рабочих как на скот, на их дочерей как на орудие наслаждения.

Глухая ненависть против эксплуататоров растет среди этих несчастных ткачей, доведенных до отчаяния голодовкою. Мрачная ярость овладевает ими, в общем тихими и склонными к мистицизму. Их терпению приходит конец. Они образуют крепкую корпорацию, самую замечательную, самую развитую, какая существовала в ту эпоху. Но готовы ли они к борьбе?

ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ

Лионское общество взаимопомощи дало сигнал к борьбе за освобождение рабочих.

Фабричное эхо

Проходит несколько лет, и среди начинающих мастерских зарождается мысль о необходимости какой-то организации. После страшного кризиса 1826 г. один из них, по имени Шарнье, «возмущенный зрелищем отвратительной эксплуатации пассивности рабочего класса», прилагает все усилия к тому, чтобы добиться его объединения «для борьбы с произволом предпринимателей и за повышение заработной платы».

«В течение ряда лет. — рассказывает он, — я употреблял время, уходящее на ожидание доступа в клетку («клеткой» рабочие называли узкое помещение, где они получали заказы и сдавали готовую работу), на беседы с начальниками мастерских по вопросу о целях и формах организации. Дело шло попросту о том, чтобы образовать группы в 20 человек (статья 291 Уголовного кодекса не допускала более крупных обществ), группы, которые поддерживали бы связь между собою. Цель организации должна была заключаться в том, чтобы сделать не возможным те бесчисленные и разорительные злоупотребления, жертвами которых мы являемся. Я начинал с указания на то, что обещания фабрикантов не исполняются, что они заставляют нас заводить дорогие стоящие станки. Обещания предпринимателей, — говорил я, — как вы знаете, никогда почти не исполняются. Покажем же им, что мы умеем считать. Объединимся, осознаем свое положение. Создадим очаг пропаганды. Усвоим ту мысль, что наши интересы и наша честь требуют нашего единства. Объединимся, если не ради любви к ближнему, то ради наших собственных интересов. Я чувствую, что эгоизм не может быть уничтожен одним ударом. Я буду постоянно повторять вам, что мы должны любить товарищей ради самих же себя.

«Вы знаете, как много робких душ среди ткачей. Робость, как вам хорошо известно, есть отличительная черта ткача. Никакая другая профессия не располагает к такой замкнутости как наша. В этом сказывается влияние нашей сидячей, чтобы не сказать отшельнической, жизни. Она так же уродуется, как уродуется наша физическая природа. Чтобы исцелить нас от

¹ Впоследствии один из палачей Парижской коммуны 1871 г. (Прим. ред.).

этого двойного уродства, надо привить нашей профессии дух *корпорации*. Для достижения этой цели есть только один путь — *ассоциация*.

«В ассоциации мы сможем найти исцеление всех наших бед. Мы узнаем, что бедняк не есть какое-то низшее существо. Когда все мы проникнемся сознанием нашего человеческого достоинства, прочие жители города, славу и богатство которых мы издавна составляем, перестанут употреблять слово «тыка» в презрительном или оскорбительном смысле».

Впоследствии Шарнье напишет, что в обществе взаимной помощи, этой «массонской ложе рабочих», он видел средство борьбы против буржуазии, борьбы для завоевания «обеспеченности заработной платы, для внушения рабочим недоверия и ненависти к высшей буржуазии, у которой только одна цель — притти к власти, дабы злоупотреблять ею в своих интересах. Результаты июльской революции. — пишет он. — оправдали мои предвидения».

Как видим, Шарнье отдавал себе ясный отчет в намерениях буржуазии и ее политических сообществ: «добиться власти

чтобы использовать ее для своего обогащения. А ведь сколько рабочих ошибались и еще ошибаются на этот счет.

По плану Шарнье ассоциация должна была состоять из 15 «районов» или «рот» по 20 человек в каждой ячейке, управляемой (начальником роты), или «синдиком», при двух секретарях. Совокупность этих 15 «синдиков» и центрального бюро — в составе директора (Шарнье), двух вице-директоров (Бувери и Массона-Сибю), секретаря и казначея (Шабу) — должна была составить «большой совет».

К марту 1828 г. Шарнье собрал более 100 сторонников, но в организации начались внутренние раздоры, и 6 апреля после бурного заседания Шарнье вышел из нее. Он вступил в нее вновь в 1832 г.

Раздоры не привели однако к распаду ассоциации: около 40 ее членов группировались вокруг одного из вице-директоров — Бувери, человека справедливого и благородного.

28 июня 1828 г. общество взаимопомощи было окончательно оформлено; эта дата была объявлена исходным пунктом «первого года Возрождения». К 1831 г. ассоциация из тайной и нелегальной становится гласной, приток новых членов усиливается, — этому способствует тесное общение между начальниками мастерских, которое поддерживается совместной службой в национальной гвардии. За этот год число членов достигает 240. Организационная структура общества, которая не меняется до самого конца, такова: «Ложа» во главе с президентом делится на четыре «пятерки», каждая из которых управляется «индикатором». Над «ложами» — так называемые «централы», состоящие из 22 делегатов, представителей 11 малых лож, переизбираемых ежегодно; каждая центральная ложа управляется бюро во главе с председателем. Президенты всех «централов» образуют «Руководящий совет» ассоциации.

К 1834 г. она будет насчитывать 12 центральных лож, и в ноябре 1831 г. их только две с 400 членами не более. Накануне восстания ассоциация объединяет лишь 5% всей массы начальников мастерских. Что касается подмастерьев, то они начнут объединяться только с ноября. «Общество подмастерьев феррандинцев» будет организовано лишь в феврале 1832 г. Начальники мастерских все еще рассматриваются подмастерьями как представители рабочего класса.

Общество взаимопомощи — «мюнюэлисты» — является инструментом борьбы против предпринимателей, обществом «сопротивления угнетению». Это уже настоящий синдикат современного типа¹. Он свидетельствует о пробуждении классового сознания рабочих.

¹ Это сильное преувеличение (см. предисловие (Прил. р. 1))

ГОД ПЕРВЫЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Деспотизм, изгнанный из замков, нашел прибежище в банковских конторах.

Шарнье

В Лионе революция 1830 г. не была простым отголоском парижской революции; последняя носит в этом городе еще более ярко выраженный характер буржуазной революции. Еще до получения известий из столицы, буржуа и мелкие буржуа Лиона, познакоившись с содержанием ордоннансов,¹ приходят в движение, восстают. Их движение протекает независимо от Парижа. 29 июля происходит большое собрание в Бротто. «Отдельные рабочие появляются там и сям. скорее как зрители, чем как участники событий». Собрание обсуждает методы воздействия на них. Если рабочие Лиона, особенно ткачи и шапочники, примут участие в этой революции, то лишь потому, что их толкнул на это — можно сказать принудил к этому — фабриканты. Действительно, последние рассылают своих приказчиков по мастерским снимать с работы рабочих.

«Они останавливают все станки. — писала потом одна газета, — и приказывают рабочим с оружием в руках выйти на улицу для поддержки движения, грозя лишением работы тем, кто не примет в нем участия». Некоторые фабриканты, чтобы заставить рабочих выйти на улицу, доходят до того, что велют резать материю, находящуюся в работе. Впрочем, так действовали и предприниматели некоторых других больших городов, не только Парижа, но и Бордо, Нанта, Лиможа и т. п. В Париже почти все хозяева типографий рассчитали своих рабочих, которые сыграли затем выдающуюся роль в борьбе против войск Карла X. Примеру типографщиков последовали многие другие предприниматели.

Движение нарастает, исход событий решается 31 июля. Толпа восставших разбирает мостовую площади Терро и за-

¹ Чрезвычайные декреты правительства Карла X, нарушавшие конституцию (хартию) в пользу землевладельческого дворянства и ущемлявшие права буржуазии, ограничивавшие «свободу» печати и распускавшие еще не успевший собраться парламент (Прим. ред.)

крывает доступ на набережную Рец громадной баррикадой, сделанной из опрокинутых тележек и лодок. Войска начинают брататься с народом. Королевские власти, осажденные в ратуше, капитулируют без борьбы, но продолжают существовать до 2 августа, рядом с «Временной административной комиссией», образованной восставшими буржуа.

Эта бескровная революция, совершенная почти исключительно буржуазией, не получила бы никакой помощи со стороны рабочих, если бы они не были вовлечены в нее извне. Чтобы разрыть мостовую площади Терро и соорудить баррикаду на набережной Рец, нужны были мозолистые руки. И вот рабочие были использованы буржуазией Лиона как средство устрашения противника.

Рабочие надеются, что новое правительство улучшит их судьбу. Временный мэр города Прюнель торжественно заверяет их в этом: «Отныне для Лиона начнется новая эра процветания. Наша промышленность не встретит больше никаких затруднений; новые рынки сбыта откроются для продуктов нашего производства».

В действительности вместо улучшений их ждет еще большее усиление нищеты. Уже 1 августа 1830 г. Анфантен¹ пишет сен-симонистам: «Только что совершившийся переворот не заслуживает названия революции; ничто существенное неизменилось в современной социальной организации». Буржуазии остается столь же эгоистичной как и прежде, эксплуатация — столь же жестокой как и до того. «Фабричное эхо» следующим образом оценивает положение вещей: «Раньше ситые поедали слабых, теперь слабые поедаются сильными».

В довершение всех бед, в конце 1830 г. разражается острый промышленный кризис. Безработица растет. Но рабочие не хотят больше нести издержки кризиса. Происходят собрания. Расклеиваются афиши вроде следующей:

ДРУЗЬЯ!

Когда стоял вопрос о свержении прежнего правительства, нам надавали обещаний, которые так и остались невыполненными. Сборы пожертвований, которые делались по домам и дали немалые суммы, остались в руках тех, кто занимался этими сборами. Так называемые бюро благотворительности (мы бы назвали их бюро безработицы) суть

¹ Ученик Сен-Симона, «отец» основанной им «церкви» — полурелигиозной общины сен-симонистов. (Прим. ред.)

другая гласит: «Друзья, неужели мы останемся безмолвными свидетелями того, как наши дети умирают от голода? Будем ли мы дольше терпеть рабство? Пора объединиться, чтобы свергнуть это крупного капитала, который хочет занять место наших бывших владык. Дадим клятву сбросить его. Лучше умереть, чем оставаться под ярмом капиталистов. Победить или умереть — да будет нашим девизом!»

Опубликование этого манифеста повлекло за собой арест 15 рабочих.

В феврале 1931 г. 4000 рабочих шелкового производства подписывают петицию на имя Палаты депутатов. Они жалуются в ней на недоступность и пристрастие Совета приюда¹ и предлагают проект реформы. В разных концах города происходят собрания.

Принятый в марте новый закон о налоге еще более ухудшает положение рабочих. Закон 26 марта 1831 г. внезапно увеличивает свыше всякой меры налоги, лежащие на трудящихся города и деревни, — прямой налог с окон и дверей, иначе жилищный. «Податное бремя всей массы лионских рабочих, — отмечает префект департамента Роны, Бувье Молар — возросло теперь втри, а то и в пять раз». Зато налог на напитки уменьшен на 40 000 000 франков. Рабочие и крестьяне должны покрыть значительную часть этих миллионов, от уплаты которых уклонились крупные собственники виноградников и винных складов Бордо и Бургонии.

«Достаточно сказать, — пишет Бланки, — что масса налогов разложена таким образом, что никогда не задевает богача и тяготеет исключительно над бедняком, что бездельники практикуют гнусный грабеж трудящихся масс». «Из одного необязательного налога, — говорит Бувье дю Молар, — сделали три обязательных, которые падают на рабочий класс и так плотно окружают его, что он не в состоянии ускользнуть ни от одного из них.

Против этого кричаще несправедливого увеличения налогового гнета восстают «справедливость, разум, конституционная хартия, благоразумие». Особенно благоразумие. Префект бепокоится за Лион. Он предвидит волнения, «сильное недовольство» со стороны «легко возбудимого населения» рабочих кварталов и тот момент, когда оно уяснит себе и поймет значение нового закона.

¹ Иначе «Советы добросовестных» — посреднические комиссии по улаживанию конфликтов между трудом и капиталом, состоявшие из представителей от предпринимателей и от соглашательски настроенных мастеров (Прим. ред.)

не больше чем пустые слова, которые бросаются с целью обмануть тех, кто не в состоянии судить об их действительном содержании. Многие из нас обращались туда, но ничего не добились (как видите, ничто не изменилось). Никакой помощи не получил и я, обремененный большой семьей и уже целый месяц лишенный возможности найти работу.

Товарищи подмастерья, этому надо положить конец. Довольно им издеваться над нами! Друзья, будем стойко стоять, поддерживая друг друга, и если у нас хватит сил, мы сбросим постылое иго кучки негодяев и честолюбцев, которые сделали революцию только для того, чтобы обогатиться.

Образуются сборища. Клич: «Работы или хлеба!» раздается по улицам. Буржуа клеветают, утверждая, что волнения подстрекаются карлистами, сторонниками павшей династии. Одна из листовок отвечает на эти инсинуации словами: «Нищета не нуждается в постороннем двигателе, чтобы просить хлеба!»

СЕН-СИМОНИСТЫ И „ДРУЗЬЯ НАРОДА“

Мы отправимся в Лион, туда, где готовятся новые дела.

Сен-симонисты¹ много занимались положением рабочих, естественно, что они обратили свои взоры на Лион, индустриальный центр того времени, самый процветавший город Франции.

«Мы оставим Париж, заявляют они, этот город потребления и роскоши, город развлечений, искусств и праздников... Иной воздух нужен нашей здоровой груди, иной ветер нужен нашим лицам работников. Мы пойдем искать воздуха, которым дышат, ветра, который тует в самом крупном очаге производства, составляющем гордость европейского континента, туда, где миллион рук по 14 часов в день движется в одном направлении, с одной целью — производства.

«Теоретическая политика для нас кончается; мы вступаем в период практической политики. Мы будем практиковать ее в Лионе, там, где готовятся новые дела».

19 апреля 1831 г. орган сен-симонистов «Глобус» сообщал о предстоящем отъезде на юг группы, которая должна была состоять из следующих лиц: Лоран (начальник группы), Пьер Леру и Жан Рейно.

После остановки в Маконе, где изложение новых идей было выслушано с живым интересом, группа прибыла в Лион, где начала свою работу с «подготовительных лекций», прочитанных Леру и Жаном Рейно.

3 мая в зале Лекреи состоялся первый «урок». «Густая толпа» теснилась в зале, «речь ораторов производила глубокое впечатление». В этой первой лекции Лоран изложил 1) «несостоятельность существующего положения вещей», 2) «то, что достаточно теории, чтобы организовать человечество для прогресса».

¹ Ученики и последователи одного из трех «великих утопистов», Сен-Симона (1768—1825) сделавшие социалистические выводы из его учения и пытавшиеся на практике осуществить свой социальный идеал без классовой борьбы и революции. (Прим. ред.)

Тем временем и заработная плата начинает снижаться. В годовщину трех славных дней 1830 г. когда генерал Рогэ объявляет, что «29 июля было для Лиона днем торжества и ликования», в городе расклеивается плакат такого содержания:

«Как дети, мы довольствуемся тем, что оплачиваем свою судьбу. Лишенные хлеба и работы, мы протягиваем руку нашим деспотам, но встречаем одно только презрение. Неужели в нашей памяти не осталась ничего от великой недели (июля 1830 г.)?»

Ницета подготавливает рабочих к восприятию идей тех, кто говорит о промышленной реорганизации и социальной реформе.

Второе собрание, на котором говорил Пьер Леру, привлекло «огромную массу слушателей», но только 1500 человек нашли себе место в зале Лотереи; в продолжение двух часов все три двери здания осаждаются все расгущей толпой».

«Я сделал [] попыток, — пишет директор Лотереи, — в целях [] числа осаждающих здание людей ввести часть их в залу, чтобы заполнить ее до отказа; но напор был так силен, нетерпение так велико, вторжение так стремительно, что приратники принуждены были запереть двери и немедленно забаррикадировать их, а меня чуть не задушила теснившаяся у входа толпа».

В виду такого наплыва слушателей следующие «уроки» происходят уже в цирке Бротто, который может вместить 3000 человек: в эти дни цирк «набит до отказа».

К моменту отъезда сен-симонистов в Париж их «церковь» прочно заложена в Лионе.

Пропаганда учеников Сен-Симона находит превосходную почву среди ткачей. Они целиком солидарны с красноречивым и беспощадным обвинительным актом, который сен-симонисты произносят против существующего общественного строя, против этой «господствующей анархии». Они бешено аплодируют сен-симонистам, когда те на своем пламенном языке, своей резкой речью клеймят конкуренцию, антагонизм интересов, промышленную анархию во всех ее формах, этот неизбежный результат догмата свободы хозяйственной деятельности, которой новая монархия считает своим долгом отстаивать во всей его полноте. Они аплодируют, когда сен-симонисты прославляют труд, бичуют праздность и требуют отмены всех привилегий рождения. Они аплодируют и тогда, когда сен-симонисты разъясняют следующее положение своего учителя, составляющее основу учения школы: «Все социальные учреждения должны иметь своей целью улучшение морального, интеллектуального и физического состояния самого многочисленного и самого бедного класса общества». Они аплодируют, когда ораторы укоряют носителей режима в неблагодарности по отношению к народу, победителю июльских дней.

Сен-симонистская пропаганда затронула повидимому большое число рабочих по шелку, особенно начальников мастерских. Шарнье например весь пропитался ею. Нищета делает почти всех их бессознательными сен-симонистами.

Надо однако сказать, что это учение, которое всего ждало от эволюции, не удовлетворяло в достаточной мере пролетариат, которые начинали склоняться к убеждению, что вне революции для них нет спасения. Сен-симонистские пропагандисты не столько обращали их в свою веру, сколько способ-

ствовали их умственному развитию, расширяя массу новых идей.

С другой стороны, в растущей республиканской партии появляется левое крыло, которое не довольствуется задачей превращения буржуазного режима июльской монархии в другой буржуазный режим, демократическую республику. Эта фракция, которая не удовлетворяется переменой раскола в старой буржуазной похлебке и решительно борется за социальные вопросы, представлена преимущественно «Обществом друзей народа». Насчитывая среди своих членов Бюшеза,¹ Распайя² и Бланки,³ это общество находится под влиянием учения сен-симонистов, осваивает их критику существующего строя, их идеи реорганизации и ассоциации, но отличается средствами, которые оно выбирает для осуществления своего идеала. Проникнутые идеологией 1793 г. «друзья народа» верят в действительность революционных действий.

Уже в сентябре 1830 г. они выпускают манифест, в котором ставят своей целью «непосредственную защиту всех интересов низших классов общества, улучшение их физического и морального состояния». В заключение они предлагали рабочим союз против общих врагов, аристократов и привилегированных.

В 1831 г. общество, считая недостаточным пропаганду, которую возбуждаемые против него преследования косвенно вели в пользу этих идей, приступило в июле к изданию брошюр; некоторые из них касаются социального положения пролетариата. Их тон резок и горяч; названия глав гласят: «Отчего народ гибнет от голода», «Не деньги ли правят нами», и т. п.

Мы увидим, как столкнутся между собою оба направления после одержанной рабочими победы.

¹ Мелкобуржуазный социалист, сторонник «мирного» преодоления капитализма через потребительскую и производственную кооперацию, впоследствии (в 1848 г.) открыто примкнувший к буржуазии. (Прим. ред.)

² Популярный в рабочем классе коммунист-утопист, врач по профессии, «сочетавший» свой утопически-коммунистический идеал с религиозным мистицизмом. (Прим. ред.)

³ Выдающийся революционер коммунист, борец за диктатуру трудящихся, «вечный узник» всех буржуазных правительств, оставшийся однако утопистом, неспособным возглавить массовое рабочее движение. (Прим. ред.)

ПРОЛОГ

Мы хотим хлеба

Начальники мастерских решили созвать общее собрание для обсуждения мер к улучшению своего положения. Первое такое собрание, на котором присутствовало 400 человек, состоялось 8 октября в предместьях Круа-Русс по инициативе и под председательством Бувери, одного из руководителей общества взаимопомощи. На этом собрании было постановлено потребовать от предпринимателей увеличения расценок и заставить их принять обязательный «тариф».

Разные средства предлагаются для того, чтобы добиться удовлетворения от фабрикантов: петиции к властям, уличные демонстрации, прекращение работ...

Собрание выбирает временное бюро, иначе «временную комиссию», в составе председателя Бувери, товарища председателя и четырех секретарей. В то же время закладываются основания замечательной организации следующего типа.

Город Лион и его окрестности со своими 8000 начальников мастерских разбиваются на 40 групп по территориальному принципу. Каждая группа именуется «ротой» или «секцией» и состоит из 200 начальников мастерских, которые распределены по 2 взводам, или «центуриям». Каждая секция выбирает двух делегатов под названием «центурионов» или «начальников секций». Делегаты всех секций образуют «Комиссию начальников в мастерских города Лиона и его предместий (она именуется также «Комиссией рабочих»)». Эти 80 членов получают название «рабочих комиссаров», иначе «синдикатов» — термин, заимствованный из практики обществ взаимопомощи. Остается добавить, что каждая полурота или «центурия» делится на 10 отделений или «декурий», которыми командуют «декурионы».

«Корпорация рабочих по шелку — читаем в одной современной брошюре — получила тайную организацию, состоящую из декурий и центурий. Достаточно было одного часа, чтобы собрать их в любом пункте».

В этой чисто военной организации легко узнать руку Бувери, который служит когда-то в армии командиром батальона.

10 октября состоялось второе собрание. 1200 начальников мастерских толпились во дворе и в танцевальном зале кафе Орсьер. К этому дню еще не все кварталы прислали своих делегатов; налицо только 23. Собрание пригласило кварталы, еще не представленные, произвести выборы своих уполномоченных к 13 октября, с тем чтобы комиссия в полном составе могла приступить к редактированию петиции, которую решено было представить префекту. Петиционеры должны были потребовать, чтобы делегация от предпринимателей, совместно с делегацией от начальников мастерских, обсудила вопрос об увеличении расценок на обработанные шелковые материи.

Возбуждение в Лионе так велико, что 11 октября командующий войсками генерал Рогэ берет на себя инициативу уступок рабочим. Он вызывает товарища председателя Совета прядомов и дает ему понять, «что было бы желательно увеличить заработную плату рабочих, так как в противном случае порядок в городе может быть нарушен». Собеседник генерала немедленно отправляется в свое бюро и созывает Совет прядомов.

Совет, «принимая во внимание общеизвестный факт, что многие предприниматели действительно слишком низко оплачивают работы, заявляет, что было бы желательно установить минимальный тариф почасовой оплаты».

Утром 12 октября Буассе, временно исполняющий обязанности мэра Лиона, созывает 12 наиболее значительных фабрикантов и такое же число начальников мастерских из состава их комиссии. Собрание вырабатывает проект тарифа.

13 октября 80 комиссаров секций выбирают свое постоянное бюро, которое принимает теперь имя «Центральной комиссии». Состав ее следующий: Бувери — председатель, Фальконнэ — товарищ председателя, члены — Гилло, Лабори, Розье, Массон-Сибю, Бернар, Шарнье, Маррель, Лавалэ и Боннар.

14 октября Центральная комиссия поручает четырем своим членам составить адрес на имя префекта. 22 комиссара выделяются для выработки минимального тарифа.

15 октября префект собирает под своим председательством членов Торговой палаты, а также мэров Лиона и его предместий — Круа-Русс, Вэз, Гильотьеры. Собрание принимает тариф «как печальную необходимость, из страха перед возможностью эксцессов со стороны возбужденных и ожидающих тарифа масс».

16 октября состоялось новое общее собрание начальников мастерских. Здесь были зачитаны проекты петиций к префекту: большинство высказалось в пользу петиции, составленной Бернаром.

18 октября «Центральная комиссия» отправляется в префектуру с петицией на имя Бувье дю Молара. «Настал час, — гласит петиция, — когда рабочий класс, под давлением гнетущей необходимости, хочет и должен положить конец своим страданиям». Следуют жалобы на «бесстыдное поведение столь многих фабрикантов, для обогащения которых рабочие встают до зари и работают до глубокой ночи над заказами, оплату которых они не стесняются ежегодно уменьшать».

21 октября, под председательством префекта, мэров Лиона и его предместий, а также членов Торговой палаты и членов Совета приюдомов, состоялось первое собрание смешанной комиссии, составленной из наиболее известных предпринимателей и такого же числа делегатов от рабочих. Присутствующие предприниматели заявляют, что для заключения соглашения о выработке тарифа они не имеют необходимых полномочий от своих собратьев. Рабочие делегаты отвечают, что они уполномочены вступать в соглашение только с фабрикантами, которые снабжены соответствующими полномочиями. Заседание закрывается и переносится на другой день. Между тем сотни рабочих наводняют квартал, где находятся наиболее значительные фирмы. Раздаются крики: «В Рону фабрикантов!».

24 октября фабриканты собрались для выбора делегатов в смешанную комиссию.

25 октября состоялось заседание этой последней. В то время как здесь идут прения, 8000 начальников мастерских, разбитых на 40 рот, спускаются из предместий по направлению к префектуре (на площадь Якобинцев). Они идут молча, без оружия, даже без палок. «Рабочие, — пишет Монфалькон, — ограничиваются демонстрацией своих сил». Каждые 200 начальников мастерских, составляющие секцию, построены в два ряда, по 100 человек в каждом. Во главе каждой из двух «центурий» шествует соответствующий «центурион», держа в руках маленький жезл, символ его власти. «Центурии» разбиты на «декурии», впереди каждой декурии идет ее декурион. Бесконечной лентой извиваются колонны демонстрантов. Они сходятся на площади Белькур с возгласами «Да здравствуют рабочие!» Перед нами голодная толпа рабочих, которая пришла узнать об ожидающей их судьбе.

«Жутко было смотреть, — пишет один фабрикант, — на впалые щеки, изможденные лица, тщедушные фигуры боль-

шинства этих несчастных; казалось, что энергия покинула эти слабые недоразвитые существа; но они были организованы, они составляли компактный кулак, а массы сознают свою силу».

Они имели столь жалкий вид и так долго проявляли столь полную покорность, что внушали фабрикантам одно презрение. Но в этот день, 25 октября 1831 г., что-то изменилось. Рабочие своей организацией, своей дисциплиной поражают и пугают буржуа.

«У них собственные командиры, — отмечает один буржуазный современник. — которые командуют марши и контрмарши с ловкостью и точностью настоящих генералов».

Действительно, когда начнется восстание, рабочим достаточно будет перевести на военную ногу свою промышленную организацию, чтобы образовать совершенно готовую армию. Между тем распространяется слух, что обсуждение тарифа в смешанной комиссии откладывается на два дня. Рабочие бросятся к префектуре с криками: «Никаких отсрочек!» Префект, дрожа от волнения, торопит фабрикантов: «Спешите, кончайте!» Последние признавались потом, с каким удивлением выслушивали они «ясные, точные, нередки красноречивые речи этих импровизированных уполномоченных» (рабочих делегатов).

Четыре часа продолжается обсуждение тарифа, который наконец принимается. Принимается он под давлением рабочих, ибо — признается один журналист, сен-симонист Мишель Шевалье — есть что-то непреодолимое в голосе, даже мирном, 100 тыс. человек, которые требуют себе хлеба».

После принятия тарифа начальники мастерских расходятся по домам, «сохраняя все тот же образцовый порядок, который вызывает такое удивление очевидцев».

Энтузиазм, охвативший предместье Круа-Русс, неопишум. В городе зажигается иллюминация. Ткачи вешают чучела фабрикантов, показавших себя противниками тарифа, складывают о них песню мщениа.

26 октября тариф еще не был опубликован. Рабочие собираются на площадь Терро; патрули национальной гвардии проходят по улицам.

«Я пойду свое ружье. — говорит один фабрикант, — и если у меня не хватит пуль, штык живо выручит меня».

27 октября тариф расклеивается наконец по городу. Он должен вступить в силу 1 ноября.

Пока шли переговоры, о которых мы говорили выше, рабочие по шелку успели опубликовать проспект еженедельной газеты «Фабричное эхо». Редакция этого листка, первого серьезного рабочего журнала, констатирует происходящее снижение зарплаты. «Беззащитные перед лицом крупных пред-

принимателей несчастные рабочие избирают теперь средством защиты своих прав — гласность».

Журнал, создаваемый по инициативе Фальконнэ, товарища председателя «Центральной комиссии», будет посвящен защите интересов рабочих шелкового производства. Первый номер «Фабричного эхо» — он вышел 30 октября — содержит резюме переговоров, которые привели к подписанию тарифа, и воспроизводит этот документ.

Между тем фабриканты начинают протестовать. Они грозят закрыть свои конторы и магазины, чтобы заставить рабочих пойти на уступки. «Пусть они хорошенько подумают о том, что делают, — предостерегает предпринимателей «Фабричное эхо». — ведь может случиться, что им придется держать закрытыми свои заведения дольше, чем им этого хотелось бы».

В том же номере от 30 октября газета сообщает, что начальники мастерских, убежденные в том, что в единении сила, объединились в ассоциацию, «которая должна помогать тем, кто останется без работы по вине эгоистической спекуляции некоторых фабрикантов». Согласно уставу этой «Общей ассоциации начальников мастерских города Лиона и его предместий», ее члены «клятвенно обязуются отказываться от работы на предпринимателя, который не захочет признавать минимальный тариф». Тот же устав предусматривает взносы на случай стачки. Наконец «каждый член ассоциации должен иметь таблицу принятого тарифа на видном месте в своей мастерской». Членские взносы с начальников мастерских, определенные пропорционально числу станков, будут внесены весьма многими. «Фабричное эхо» от 13 ноября сообщает, что «лишь ничтожное меньшинство ткачей отказалось вступить в ассоциацию».

Итак, тесные рамки общества взаимопомощи раздвинуты, оно уступило место «обществу сопротивления», в которое вошли все или почти все начальники мастерских как организованные, так и неорганизованные. Так создается единый боевой фронт трудящихся...

Власти начинают находить положение серьезным. Муниципальный советник Артэ-Дюфур пишет: «Ободренные паникой, которая заметна среди фабрикантов, рабочие побросали работу и волнуются. Они выбрали комиссаров для обхода мастерских и не дают работать по расценкам ниже тарифа. Вот уже 10—12 дней, как поступки не готовых материй почти прекратилось. В предместьях Круа-Русс — многолюдное сборище, там открыто раздаются самые ужасные угрозы. Дело дошло до того, что для восстановления нормального порядка безусловно потребуются энергичная демонстрация с нашей стороны».

2, 3 и 4 ноября рабочие собираются на площади Круа-Русс. Власти опасаются восстания. Национальная гвардия получает приказ быть наготове. По городу расклеивается объявление за подписью префекта. «Сборище, насчитывающее около сотни рабочих по шелку обоего пола, опять образовалось вчера и позавчера на Круа-Русс. Эти смутьяны — плохие граждане, они отказываются от работы и не повинуются дисциплине... Префект приглашает «честных людей» не присоединяться к группам, дабы не мешать репрессивным мерам полиции».

5 ноября 104 фабриканта принимают докладную записку на имя Палаты депутатов. В оправдание снижения заработной платы они ссылаются на конкуренцию, протестуя против тарифа и обвиняют ткачей, «новая организация которых явится несомненным источником беспорядков в городе», в том, что они создают себе искусственные потребности — выражение, вызвавшее сильнейшее возмущение рабочих.

Переходя в наступление, фабриканты отказываются давать работу даже по расценкам ниже тарифа; на угрозу стачки они отвечают локаутом.

10 000 человек собрались на площади Белькур. Очевидцы отмечают вызывающее тревогу поведение батальонов предместья. На оскорбительные замечания фабрикантов по поводу их более скромных мундиров начальники мастеровских отвечают угрозами.

Действительно национальная гвардия центральных кварталов почти сплошь состоит из буржуазии, зато на периферии и на окраинах города как например в Круа-Руссе и на Гильотере она носит чисто рабочий характер. Батальоны этих районов перейдут на сторону восставших. Как увидим ниже многие из вождей восстания принадлежат к национальной гвардии предместья Круа-Руссе.

После окончания смотра рабочие собравшиеся на площади Круа-Руссе, решают с завтрашнего дня бросить работу и всю массу двинуться в город, чтобы потребовать исполнения принятого тарифа.

«Круа-Руссе» пишет очевидец Барон, превратился в сборный пункт рабочих по шее, которые устремлялись сюда со всех концов города и предместий по приглашению своих синдикатов.

Один из них принимает пришедших к нему рабочих у стола на котором лежат пистолеты. Другой на требования рабочих отвечает следующими словами «Если у вас нет хлеба в брюхе мы напоим его штыками». Начиная с 1 ноября Совет предостеров подвергает ослушению фабрикантов, которые не соблюдают тарифа. Но 17 го на заседании Совета оглашается письмо префекта, который заявляет, что тариф не больше чем протестное обязательство и не имеет законной принудительной силы. С этого дня Совет перестает осуждать неисполнение тарифа а фабриканты совершенно перестают с ним считаться.

Заседание 17 ноября было чрезвычайно бурным. Возмущение рабочих которые так радовались принятию тарифа, растет с каждым часом.

20 ноября прои ходит смотр национальной гвардии под командой ее нового начальника, генерала барона Ордонно

станков и отливают их в наперстках, делая из них пули; есть и такие, которые довольствуются тем, что разбивают этот свинец на бесформенные куски; некоторые вырезают себе пули в виде медных кружочков. Рань, нанесенные этими снарядами, будут почти всегда смертельными. Те, у кого нет ружей, заняты тем, что перетаскивают булыжник мостовой на верхние этажи домов, разламывают черепицы на крышах.

Площадь Круа-Русс кишит восставшими. На каждом шагу баррикады из камней. Национальная гвардия этого района перешла на сторону рабочих. Беглым шагом спускаются они по направлению к городу богачей. Бой принимает ожесточенный характер. Безоружные рабочие бросаются на отряды регулярных войск, на вооруженных фабрикантов, дерутся камнями и кулаками. Мостовые разобраны, повозки опрокинуты, на каждом перекрестке воздвигаются баррикады. На некоторых стратегических пунктах рабочие занимают дома и распускаются в них у окон или на крышах.

На холме Сен-Себастьян 66-й линейный полк отступает пропуская вперед национальную гвардию. Здесь, как и в других местах, первый выстрел раздастся со стороны вооруженных буржуа. В полдень колонна солдат и национальных гвардейцев во главе с префектом и генералом Ордонно взбирается на высоты Круа-Русс. Ее встречают стрельбой, градом черепиц и камней. Колонна отступает. Префект и генерал предлагают перемирие. Их отводят в марию. Дю Молар обращается с речью к собравшейся под окнами толпе. Их единственным ответом на все мои увещания — писал он потом, — были крики. «Работы или смерть! Мы предпочитаем погибнуть от пули нежели от голода!»

Между тем перестрелка возобновляется. Дело ясное! Вмешательство префекта не более как маневр, рассчитанный на то, чтобы усыпить бдительность рабочих, дать генералу Рогэ время стянуть войска для подавления восстания. «Мщенье, мщенье, нас предади!» «Смерть им, смерть им! Расстрелять их!» — кричат возмущенные рабочие.

Префекта арестуют. У него отнимают шагу. Один из начальников секций Каррье спасает его от грозившей расправы тем, что уводит в отель Малого Лувра, куда его и запирают. Четыре трупа бросаются под окна помещения, куда он заключен. «Вот четыре жертвы, необходима пятая, которая отомстит за них!» — кричат в толпе.

Что касается генерала Ордонно, то и он обязан своей жизнью великодушию одного из начальников секций по имени Бернар. Пленного генерала запирают в помещение одного кафе. Около 10 часов вечера префекта выпускают на свободу; он

БИТВА

Лучше умереть от пули, чем от голода

21 ноября

С 7 часов утра в предместьях Круа-Русс образуются сборища. Группы рабочих обходят мастерские, удаляя из них товарищей, которые еще работают. Около 10 часов отряд национальной гвардии, составленный из фабрикантов, появляется на месте действия. Завязывается спор. Офицер возмущается: «Нечего церемониться с этой сволочью!» Национальные гвардейцы бросаются вперед с примкнутыми штыками. Их встречают градом камней. Рабочие дают отпор и разоружают одних, в то время как другие поспешно отступают.

После этого рабочие, взявшись за руки, спускаются по холму. Безоружные, они идут к властям требовать исполнения тарифа. Раздается песнь:

Вперед, друзья,
Против пушек!
Сквозь огонь и штыки батальонов
Бежим навстречу победе!

По дороге рабочие натываются на взвод первого легиона национальной гвардии, взвод чисто буржуазный, составленный из одних фабрикантов и их приказчиков. Последние открывают огонь, рабочие падают, другие возвращаются на Круа-Русс с криками: «К оружию, к оружию! Наших братьев убивают!»

Каждый дом дает бойцов, вооруженных кирками, лопатами, молотками, палками, стойками от станков. Некоторые имеют ружья, те, у кого их нет, получают их из рук мелких торговцев.

На каждой улице воздвигаются баррикады; в постройке их принимают участие женщины и дети. На одной из этих баррикад водружается черное знамя, знамя нищеты, с надписью: Жить работая или умереть в бою.

Группы рабочих проносят буханку хлеба на острие штыка с криками: «Хлеба или свинца». Так как рабочим не хватает снарядов, то они пьют себе пули из своих оловянных ложек и вилок; другие отбивают свинцовые части от своих Жаккаровских

двергаются нападению со стороны разъяренной голы. Бабы протыкаются штыками. Одиночные национальные гвардейцы обезоруживаются. Здание управления по сбору налогов со съестных припасов (октруа) поджигается. Посты, занятые национальной гвардией и линейными войсками, атакуются и становятся добычей пламени.

Бой все более и более приближается к центру города. Женщины и дети овладевают казармой Доброго пастыря. Большой отряд линейных войск и большое число национальных гвардейцев, находящихся в этой казарме, поднимают ружья прикладами вверх и дают себя обезоружить. Улицы, площади, набережные ошетиняются баррикадами. Набат гудит с колокольни церкви Святого Павла. Три оружейных лавки взламываются, найденное там оружие расхищается. Рабочие, у которых в начале борьбы были только палки, теперь вооружены ружьями. Пролетарии всех профессий, всех районов — Сен-Жюста, Сен-Жоржа, Бротто, Гильотьеры — присоединяются к рабочим по шелку, на деле доказывая солидарность всех трудящихся. «Это уже не мятеж, это революция». — признается очевидец.

Рабочие, прибывшие из Гильотьеры, поджигают помещские караульного поста на площади Белькур. Они поговаривают о том, чтобы поджечь также и дома, в которых, по их расчетам, находятся буржуа, но ограничиваются тем, что вырывают фонарный столб. С криками «Да здравствуют рабочие!» они несут его к началу ведущего в Гильотьеру моста, чтобы укрепить им сооруженную там баррикаду.

В предместьи Бротто набат раздается с колокольни церкви Сен-Потэн. Рабочие захватывают пост национальной гвардии у моста Моран. Выход на мост баррикадуется. Перед ним вырывают траншею. — все это для того, чтобы предохранить себя от натиска артиллерии и кавалерии противника. Отсюда восставшие подвергают яростному обстрелу набережную Роны.

В 8 часов утра отряд 13-го линейного полка получает задание занять высоты Кармелитов, чтобы оттуда взять в штыки плато Круа-Русс. Наткнувшись на баррикалы, окруженный со всех сторон восставшими, попав под обстрел из домов, занятых рабочими, отряд вынужден сдаться. С этого момента все дороги, ведущие из Круа-Русс в Лион, освобождены от неприятеля.

Массы рабочих, ободренные успехом, в изобилии снабженные теперь ружьями и снарядами, отнятыми у национальных гвардейцев и солдат, показываются со всех сторон. Отряд драгун уничтожается огнем восставших. Во избежание новой атаки последние вырывают фонарные столбы и укрепляют ими дворы домов. Одни разбивают двери отбоями громадных

дает обещание добиться прекращения военных действий и соблюдения фабрикантами тарифа.

На следующий день, около 4 часов утра, главнокомандующий генерал Рогэ представляет рабочим требование освободить генерала Ордонно. Они действительно освобождают его, но только в обмен на своих пленных товарищей в частности на одного из вождей по имени Бюри.

22 ноября

Около 5 часов утра колонна в 350 рабочих появляется на площади Круа-Русс. Это рабочие из Гильотьеры и Бротто, которые совершили переход в 16 километров через Сенг-Фуа Сен-Жюст, мост Сен-Рамбер, чтобы прийти на помощь своим товарищам. К восставшим прибывают подкрепления также из окрестных деревень. Прибытие подкреплений поднимает дух у жителей Круа-Русс.

Прокламация генерала Рогэ, отпечатанная за ночь, приглашает национальных гвардейцев взяться за оружие, но только несколько сотен из них отвечают на призыв. Офицеры подвергаются оскорблениям и угрозам. Дезертирство принимает всеобщий характер. Большинство фабрикантов, вместо того чтобы лететь на помощь порядку, запирают свои двери на двойной замок. Некоторые национальные гвардейцы открыто заявляют о своем намерении перейти на сторону восставших. Афиша Рогэ срывается со стены. Барабанщики, которые бьют тревогу,

телег, пользуясь ими как гараном. Другие устраиваются на крышах и обстреливают оттуда войска под прикрытием труб.

Очевидцы подчеркивают героизм, проявленный детьми рабочих.

«Бросалось в глаза, — отмечает Барон, — что самыми смелыми и самыми бешеными среди рабочих были наиболее юные из них. Дети строят баррикады».

Монфалькон пишет: «Эти маленькие негодяи обнаруживали полное равнодушие к опасности, а подчас и полное презрение к смерти». Относительно женщин он же сообщает: «Жены рабочих, новые спартанки, шипали корпию на набережной, перетягивали раненых на месте сражения, поддерживали дух бойцов и благословляли их на борьбу».

К вечеру в некоторых пунктах города раздаются крики: «Добро здравствует республика!» На площади Селестен толпа теснится вокруг Мишель-Анжа Перье и Пекле, сотрудников журнала «Собирательница колосьев». В той же группе находятся Дрижар-Дегарнье, Дервьё и Лякомб, один из наиболее известных начальников секций. Маленькая группа, выкинувшая лозунг республики, направляется к ратуше.

Движение, сначала чисто экономического характера, начинает принимать политическую окраску. Но Перье и Пекле вскоре после этого гяжело раненые исчезают со сцены. Восстание теряет в них двух вождей, которые лучше других могли бы придать ему политический характер. Но в то время как республиканцы, которых можно было бы назвать «социальными», республиканцы типа «Друзей народа» дерутся на стороне рабочих, республиканцы чисто политические, буржуазные республиканцы сражаются в рядах фабрикантов, в рядах национальной гвардии.

Тем временем в руках рабочих оказываются все предместья, все улицы, которые идут от Терро до Круа-Руес, почти весь город, за исключением четырехугольника, заключенного между Новой улицей и улицами, параллельными площади Терро. Этот четырехугольник еще занят войсками правительства; последние держат в своих руках еще и набережную Сен-Венсен и примыкающие к ней улицы, а также пороховой склад Серэн — пункт, для удержания которого стянуты большие силы.

Арсенал Энэ, окруженный со всех сторон массой рабочих, будет занят ими лишь после отступления войск, около 6 часов утра следующего дня.

Большинство национальных гвардейцев (партии порядка) расходятся по домам обескураженные. Солдаты линейных войск оказывают восставшим все более и более слабое сопротивление. Отдельные солдаты и даже унтер-офицеры переходят на сторону рабочих.

К 7 часам вечера последние завладевают пороховым складом. Правительственные войска и горсть национальных гвардейцев, поддерживающих их, отброшены на площадь Терро и площадь Комедии; они выбились из сил и не получают провизанта. Власти сохраняют за собой в Лионе только один пункт, отрезанный со всех сторон — ратушу. С высоты холмов это здание кажется огненным кольцом.

Национальная гвардия, — пишет центральный комиссар Прат, — деморализована. Линейные войска отказываются сражаться».

Отступление решено. Полночь. Здание налогового управления у моста Лафайет продолжает пылать. Красные блики пляшут на темных фасадах домов, расположенных по набережной Реф. По мостовой раздается черный топот ног отступающих войск. Штыки блестят при лунном свете. Клич «к оружию! к оружию!» гремит по набережной Сен-Клер. Набатный звон разносится со всех колоколен. Окна ошестиниваются инсургентами. «Смелее, братья, победа за нами!»

Ожесточение борьбы так велико, что, расстреляв свои патроны, рабочие выбрасывают из окон всю свою мебель на проходящие внизу войска. Один солдат был ранен в плечо горячей чугунной печкой, упавшей из окна. Окруженные со всех сторон баррикадами, против которых даже артиллерия оказывается бессильной, разбитые войска с трудом пробиваются в Монтессю.

Бой кончен. Лион и его предместья во власти рабочих.

Нам говорили: «Будьте рабами».

Мы отвечаем: «Будем бойцами».

«Победа за нами! Победа за нами!» Этот крик торжества разносится по извилистым улицам, взбирается по крутым склонам, распространяется по темным гушикам.

Борьба была кровопролитной. Число убитых и раненых с обеих сторон достигает 1000 человек.

Рабочие уносят своих павших в бою товарищей. Раздается песнь:

Барабанщики, мы хороним наших братьев,

Барабанщики, бейте траурный гимн ..

По пути все головы обнажаются: «Спите спокойно, жертвы Ноября».

Понесем их, убитых,

Обнажим наш оголовы!

Вечная память вам, кого мы оплакиваем,

Вам, мученики работы!

ЛИОН ВО ВЛАСТИ РАБОЧИХ

Час гордости и могущества, час реванша за
столько лет унижений!

Бланки.

23 ноября

Префект, который в афишах, адресованных к «главным рабочим», именует себя их «отцом», не собирается однако ждать своих детей. Нельзя было — писал он потом — оставаться дольше в ратуше. Он оставляет свои ордена и облачения и удирает, скользя вдоль стен.

Он убегает под защиту решеток здания префектуры, где и остается, дрожа от страха. Прочие «законные власти» поступают точно так же: они убегают от восставших, сверкая пятками.

Бенуа, генеральный секретарь мэрии, уходит последним. «Власти испарились, я иду спать».

За исключением врачей и санитаров госпиталя, в ратуше остается только связка ключей, оставленных на чьем-то вышитом мундире.

Власти оставляют нечто вроде завещания, в котором они констатируют следующие факты:

1. Уход войск.

2... Что мы вынуждены были допустить занятие караульного поста ратуши войсками восставших, которые одержали верх во всех пунктах города.

3... Что в настоящий момент в городе царит полная дезорганизация, что восставшие господствуют над всеми властями, что законы и должностные лица бессильны.

Итак, Лион остался без правительства.

Тем временем около 3 часов утра рабочие захватывают ратушу. Первыми появляются в ней землекопы из Гильотьеры, прибывшие через мост Моран; за ними ткачи из Круа-Русс под командою одного из своих синдиков Ляшапелля. Последний, уже заставляющий повиноваться себе мэра Круа-Русс, водворяется в помещении бюро штаба национальной гвардии вместе с несколькими другими рабочими, в том числе Фредериком и Шарпантье. Эти лица образуют нечто вроде временного

правительства. Они стараются помешать хищениям и грабёжам, которые начинаются вокруг ратуши. Перед зданием фирмы Ориоль образуется толпа. Отсюда в нас стреляли вчера. — Кричат в толпе. — очистим этот дом и подожжем его». Из окон дома выбрасываются мебель, товары, бухгалтерские книги, документы, ценные бумаги, из которых складывается огромный костер. Разрушения не сопровождаются однако грабежами. Люди, покрытые лохмотьями, бросают мешки с золотом в Рону. Два вора, схваченные на месте преступления, медленно расстреливаются.

Около 7 часов утра на месте действия появляется другой синдик — Лакомб. Он только-что завладел арсеналом и требует передачи себе командования караульным постом рабочих, установленным в ратуше. Ляшапелль делится с ним этим командованием: в дальнейшем однако Лакомб забирает его целиком в свои руки.

Между тем другие лица, все мелкие буржуа, за исключением одного Гилло, появляются в ратуше с намерением дать политическое, антидинастическое, руководство рабочему выступлению. Они говорят о республике, о смещении властей».

Так складывается новое правительство, которое будет именоваться «временным штабом»: социальный состав его отличается исключительной пестротой. С одной стороны, вожди рабочих по шелку, единственной целью которых является добиться осуществления тарифа; это — Лакомб, Лашапелль, Фредерик Шарпантье, Гилло, Шабрие и др. С другой стороны, мелкие буржуа, большей частью республиканцы, республиканцы типа «друзей народа», которые становятся — как писал потом один из них — «на сторону тех, кто лишены всякой собственности, против тех, кто ею обладает». Из них назовем Россет, старого политического заговорщика, Дрижар-Дегарнье, торговца мелким скобяным товаром, который раздавал воевавшим рабочим охотничьи ружья из своего магазина, шапочника Дервьё, кондитера Фильоль, Гранье, редактора газеты «Собирательница колосьев», которого привел с собою переодетый рабочим учитель Перенон, легитимист¹ по своим взглядам; он убедил Гранье последовать за ним следующими словами: «Идем в ратушу. Рабочие вас любят, они знают, что вы для них сделали, ваши советы могут быть им полезны».

Люди типа Гранье сделают попытку свергнуть «законную власть» и президиум штаб в открытое революционное правительство. Но в этот момент они кажутся объединенными под единым руководством Лашапелля.

Что же делается в это время в префектуре? Бувье — Дюмоляр начинает с того, что выпускает довольно жалкую прокламацию, которая выдает его тревогу. Затем, осознав ошибку, допущенную им оставлением ратуши в руках воевавших, он посылает туда Буассе, Готье и Прата. «Но мятежники слишком сильны, и мэр не мог их выставить вон». — напишет он потом. В действительности Буассе и его помощники даже не пытаются вновь водвориться в ратуше, ибо никто уже не признает их власти. Им остается одно — укрыться в маленьком отдаленном кабинете, откуда они избегают высовываться».

Лакомб ведет себя как автономная власть и присваивает себе звание мэра. В качестве вождя Коммуны он сосредоточивает в своих руках всю гражданскую, военную и даже судебную власть. Импровизированный революционный трибунал приговаривает грабителей: иных — к тюрьме, иных — к расстрелу. В помещение временного штаба доставляются письма, адресованные мэру, префекту, генералу Рогэ.

Около 10 часов утра новое правительство выпускает прокламацию, оглашаемую под барабанный бой многочисленных

¹ Странник легитимной («законной») монархии Бурбонов, царствовавшей во Франции до революции 1830 г. и являвшейся политическим представителем крупного помещичьего землевладения.

рабочих патрулей, которые обходят все кварталы города. Прокламация заканчивается словами: «Винювные в кражах и грабежах будут караться смертью». Национальная гвардия приглашается, сняв мундиры, оказывать рабочим вооруженную помощь в борьбе против всяких хищений. Лионские рабочие питают отвращение к дорого стоящему мундиру, «под галунами и ненужными нашивками которого скрываются лохмотья». Вот почему они отменяют его; их примеру немедленно последует население окрестных деревень.

С этим стремлением обуздать люмпен-пролетариат — этих паразитов, эти подонки низших слоев старого общества (Маркс), которыми кишат большие города, — мы встретимся и в позднейших революциях.

«Когда французские рабочие, — писал Энгельс, — ставили во время революций на стенах домов слова: Смерть вора», когда они расстреливали воров, то делали это конечно не из любви к собственности, но в ясном сознании того, что необходимо прежде всего избавиться от этих бандитов. Рабочий вождь, который пользуется услугами этих бандитов или опирается на них, показывает этим свое предательство».

Если арестованные за долги выпускаются на свободу, то уголовные преступники остаются в тюрьме. Более того, когда последние делают попытку бежать, рабочие стреляют в них, убивая двоих.

Главный прокурор Дюлоа следующим образом резюмирует создавшееся положение:

«Вот уже третий день, как мы побеждены восстанием, которое начало было рабочими шелкового производства, а кончилось тем, что охватило весь рабочий класс. С самого начала оно приняло очень серьезный характер... вся та часть нашей национальной гвардии, которая состоит из рабочих разных профессий, дезертировала, покинув знамена правительства... гарнизон оказался слишком слаб... префект находится в подчинении у победившей партии, муниципальные власти подвергаются тем же влияниям».

Около 11 часов Фильоль оглашает текст двух прокламаций, которые подвергаются обсуждению во временном штабе. Одна из этих прокламаций гласит:

«Мы приглашаем офицеров, унтер-офицеров и солдат, которые до этого печального столкновения составляли временный отряд «волонтеров Роны», присоединиться к нам. Их сборным пунктом будет ратуша, где они найдут сограждан, с величайшим беспокойством их ожидающих. Все добрые граждане присоединят свои усилия к нашим, для того чтобы наше святое дело не было осквернено никакими преступлениями. Особую надежду мы возлагаем на рабочих, на то, что они-то и усилят наши ряды. К ним мы больше всего и обращаемся».

Отряд «Волонтеров Роны», о котором говорится в этом документе, образовался в конце февраля 1831 г. для помощи сабойским эмигрантам в деле революционизирования их родины. Тогдашний председатель совета министров Казимир Перье помешал этой экспедиции. «Чья-то дурная голова, — пишет Пратт, — сумела подбить на это дело рабочий класс. Многие рабочие записались в отряд и уже выступили в поход, когда удалось задержать их».

Обращаясь к людям этого отряда, Лакомб рассчитывал конечно укрепить ими новое правительство, которое воплощал в себе.

Вторая прокламация звучит несомненно гораздо определеннее. Ее составление приписывали сперва Гранье. «Она была составлена, — рассказывает он, — «рабочим», «человеком, выдававшим себя за рабочего» — поправляется он потом. «В среду утром (23-го). — читаем в одной современной брошюре, — нельзя было узнать улицы нашего города. Даже шеголи и светские модники переоделись в скромный сюртук и заменили шляпу простой фуражкой. Этого требовал порядок дня». Автором прокламации был Перенон.

Вот текст этого документа:

Лионцы! Вероломство городских властей лишило их на деле всякого права на общественное доверие: гора трупов отделяет их от нас; никакое соглашение с ними поэтому невозможно. Лион освобожденный своими славными детьми, должен управляться властями по собственному выбору, властями, одежда которых не забрызгана кровью их братьев.

Наши защитники выберут постоянных синдиков, которые возлаивают вместе со всеми имеющимися корпорациями представительство города и департамента Роны.

Лион будет иметь свои комитеты, свои первичные собрания: нужды провинциального населения будут наконец услышаны, новая гражданская гвардия будет организована... Довольно нам склоняться под гнетом шарлатанов — министров!

Солдаты, вас ввели в заблуждение, придите к нам, ваши раненные расскажут вам, братья ли мы для вас.

Национальные гвардейцы, приказы отданные вероломными и корыстными людьми, скомпрометировали ваш мундир. Но в вашей груди бьется сердце французов; присоединяйтесь к нам для поддержания порядка.

Мы уверены, что при первом же сигнале каждый из вас окажется в своем сборном пункте.

Все добрые граждане поспешат восстановить доверие, открыв двери своих магазинов.

Радуга истинной свободы сияет с сегодняшнего утра над нашим городом; пусть же ее блеск не померкнет!

Да здравствует истинная свобода!

Лион, 23 ноября 1831 г.

За „Комиссию рабочих“ : *Лакомб*, синдик; *Фредерик*, вице-председатель; *Шарпантье*, *Ляшпель*, синдик.

Если обращение к «Волонтерам Роны», составленное рабочим Сент-Эв, встретило единодушное одобрение, а его опубликование не вызвало никаких возражений, то эта вторая прокламация «дала повод к горячим прениям». «Ее читают, перечитывают, исправляют, изменяют, расширяют». Гранье вводит в нее фразу: «Все добрые граждане поспешат восстановить доверие, открыв свои магазины». Эта фраза ясно говорит об его мелкобуржуазных симпатиях.

Прения продолжаются с полчаса. Лакомб принимает в них активное участие; одобвив этот документ после третьего чтения, он дает приказ Перенону и четырем вооруженным рабочим нести ее к Шарвену, в типографии которого печатается газета «Собирательница колосьев». Последний посылает за подписями в ратушу. Лакомб дает свое имя и имена трех других рабочих, которые и ставятся под афишей. Находя, что она печатается недостаточно быстро, Лакомб посылает в типографию узнать, когда же она будет набрана.

Опубликованием этой, местами не вполне ясной, афиши временное правительство обнаруживает свое намерение свергнуть «законную власть», заменить муниципалитет и префекта новыми должностными лицами, избранными только рабочими; рабочие по шелку будут призваны к перевыборам своих синдиков, то же сделают и другие рабочие корпорации.

Второй параграф прокламации так же ясно говорит о протестарском влиянии, как фраза «все добрые граждане» свидетельствует о мелкобуржуазном влиянии. Этот параграф стоит в явном противоречии со следующей за ним фразой, которая несомненно принадлежит Переноу и провозглашает «всеобщее избирательное право, осуществляемое через первичные собрания», — фраза, напоминающая первую революцию и якобинскую конституцию 1793 г. банальное требование всякого мелкобуржуазного демократа.

Но эта фраза продиктована рабочим. Впервые в истории здесь формулирована идея рабочего представительства. Лион должен управляться «советом рабочих», избираемым всеми корпорациями. Это — взятие власти пролетариатом, это — диктатура пролетариата, осуществляемая органом, который напоминает советы. Это — коммунистическая демократия, демократия для трудящихся: пролетарские элементы будут отныне единственной основой правительственного аппарата.

Смелое предвосхищение будущего, предвидение грядущего, далеко превосходящее программу парижских коммунаров, которая будет формулирована 40 лет спустя. В самом деле, если «Центральный комитет национальной гвардии» предвещает «советы солдатских депутатов», то Парижская коммуна была не больше чем демократическим собранием, большинство которого составляли мелкобуржуазные якобинцы. Когда же «Центральный комитет» получил, наконец, в свои руки диктатуру, 26 мая 1871 г., было уже слишком поздно.

Разбираемый манифест протестует против централизации, жертвой которой являлся «провинциальный народ», и выражает глубокие партикуляристские инстинкты, сильные коммуналистские и федералистские симпатии лионцев. Эти тенденции во многом повлияли на учение Прудона. федералистская система которого, перейдя к русским большевикам через посредство Маркса (см. его манифест по поводу Парижской коммуны «Гражданская война во Франции»), заменила в управлении СССР царскую политику централизации.²

Далее манифест объявляет о реорганизации национальной гвардии, которая должна будет теперь состояться исключительно из рабочих, уже организовавшихся в гражданскую гвардию...

Здесь уместно будет рассказать о «банде в 30 человек подозрительного вида, покрытых лэхмотьями», которые врываются

¹ Автор сильно преувеличивает смысл разбираемого документа. См. предисловие. (Прим. ред.)

² Грубое смешение мелкобуржуазной системы Прудона с революционной теорией марксизма-ленинизма. См. предисловие. (Прим. ред.)

префектуру 23 ноября после полудня. Они требуют оружия роспуска первого легиона национальной гвардии, составленного из фабрикантов квартала Терро. «Они хотят покончить с этими аристократами», ибо происходящая борьба «есть война тех, у кого нет ничего, против тех, у кого есть что-нибудь».

Оба требования, предъявленные рабочими, будут в 1851 г. после поражения революции 1848 г., выдвинуты Бланки:

«Предателями следует объявить правительства, которые, будучи подняты на штык пролетариями, не провели бы немедленно следующих мероприятий:

1. Разоружение буржуазной гвардии.
2. Вооружение и организация в народную милицию всех рабочих.

Существует конечно ряд других неотложных мер, но все они сами собой вытекают из этого первого акта, который составляет предварительную гарантию, единственный залог безопасности для народа.

Ни одного ружья не должно оставаться в руках буржуазии. Вне этого нет спасения.

Маркс, подобно Бланки, извлекая уроки из поражения революции 1848 г. выдвигает тезис о немедленном вооружении всего пролетариата с тем, «чтобы он мог выступить против восстановления старой гражданской гвардии, используемой против рабочих».¹

Лионский манифест призывает солдат и национальных гвардейцев, оставшихся верным «порядку», брататься с народом, им предлагается расстаться со своими «оппозоренными мундирами».

Итак, речь идет уже не только об увеличении заработной платы, речь идет о проблеме завоевания власти трудящимися, первым актом которого должно быть разоружение буржуазии и вооружение пролетариата.

Цель борьбы значительно расширилась. Но одной из причин неудачной попытки создания революционного правительства является отсутствие в прокламации ближайших требований рабочего класса. Она обходит полным молчанием эти требования. Это серьезная ошибка. Рабочие массы не будут втянуты в борьбу. Правда, некоторые рабочие ясно видят положение. «Раненые рабочие, которых принесли к нам, — рассказывают лионские сен-симонисты, — говорили нам, так же как и их провозгласил: «Капиталисты сделали революцию для себя. Они боролись против дворян и попов, они освободились от них; они хотели захватить все места, они их получили; они воспользовались народом, чтобы сделать революцию, а затем забыли о нем. Теперь мы хотим сделать революцию для себя!»

¹ Цитата из написанного Марксом циркулярного обращения ЦК союза коммунистов к своим членам от марта 1850 г. (Прим. ред.)

Однако пролетариат в целом еще не созрел для выполнения своей исторической миссии.

Во время как революционная прокламация набирается члены временного штаба делят между собою власть. Мы уже видели, что Лакомб объявил себя мэром, тележник Пуарье назначается комендантом укрепленного района: Пеллетье — начальником арсенала: Трише — майором и т. д.

Логика борьбы побуждает революционное правительство отдать приказ об аресте и содержании под стражей Буассе и дю Молара, хотя они всячески стараются ступшеваться. Около 11 часов Россее получает задание «завладеть особой префекта». Не советуясь с товарищами, он требует от него, чтобы тот очистил префектуру. Но старый заговорщик обнаруживает недостаточную решительность и уходит, правда, с угрозой «поднять массы». Второе покушение на носителей «законной власти» будет иметь место вечером того же дня.

К двум часам дня революционная афиша, наконец, расклеена и оглашена под бой барабана рабочим патрулем по улицам города, в частности и у здания префектуры. В этот момент сюда прибывает делегация из 16 начальников секций. Они вызваны префектом, распорядившимся уже в 10 часов утра расклеить афишу следующего содержания: «Рабочие, председатели ваших секций придут ко мне, чтобы совместно с вашими властями изыскать средства к облегчению вашего тяжелого положения, ваших страданий... Настоящим приглашаю господ председателей секций прибыть ко мне возможно скорее; я готов их принять в любой час дня и ночи...»

Вновь прибывшие спешат составить протест против революционной прокламации, выпущенной их товарищами из ратуши. Они не прочь ослабить авторитет власти, образованной без их ведома, власти, выступающей в качестве опасного соперника и декретирующей новые выборы синтиков; они боятся, что последние будут выбраны на этот раз из самых революционных элементов города.

Протест, подписанный президентом и вице-президентом «Центральной комиссии», Бувери, Фальконна и 14-ю другими начальниками секций, будет вскоре расклеен. Между тем Лакомбом овладевает страх. Человек, который вчера только вел в атаку восставших рабочих, отступает в страхе перед ответственностью. Около 1 часов дня он выпускает афишу, в которой дезавуирует революционную прокламацию.

Последняя не теряет от этого, по нашему мнению, своего значения. Хотя малодушные лица, ее подписавшие, и отказываются от своих подписей, она была все же предметом длитель-

ного обсуждения. В некоторых своих частях она обнаруживает полной ясностью брожение новых идей.

Конфликт между двумя группами, совместно образовавшими временный штаб, становится неизбежным.

Россее, отправившись на поиски сторонников, возвращается в ратушу во главе отряда вооруженных рабочих. Лакомбу предъявляется требование «не делиться ни с кем властью, которую вручил ему народ». Дервье указывает ему на то, что префект теперь ничто, народ сам распоряжается в городе и имеет право выбирать своих начальников». Лакомб упорствует, ривольв с пистолетом в руке грозит застрелить его. Страсти разгораются. Позднее Лакомб принимает решение оставить ратушу; вместе с ним уходят и несколько антидинастических заговорщиков.

Гилло, тоже рабочий по шелку, заменяет Лакомба. Он продолжает ту же линию поведения: не свергая «законной власти», действовать, помимо нее, в качестве автономного правительства.

В итоге к вечеру 23 ноября в ратуше остается штаб восстания, заседающий рядом со старым муниципальным советом и префектом. Рабочая комиссия не нашла в себе смелости распустить старые органы власти, а эти последние не имеют средств восстановить свое влияние.

Между тем исчезает и Гилло, подписав значительное число ордеров на получение оружия; в течение ночи временный штаб лишается своих последних пролетарских элементов.

— Около часу ночи префект в сопровождении вооруженных буржуа, переодетых рабочими и несущих корзины с вином, производит при свете факелов разведку в направлении ратуши. Если верить его словам, он хочет очистить последнюю от воюющих и полон решимости разогнать штаб мятежников.

Дю Молар сбрасывает своих спутников на улице, а сам поднимается вверх, минуя длинную цепь часовых. Заседающий в здании штаб исчисляет теперь только пять человек из отряда «Волонтеров Роны», вызванных, как мы видели, Лакомбом.

Повторяется сцена, разыгравшаяся после полудня между Россее и дю Моларом; на этот раз однако роли переменяются. Префект предлагает мятежникам, в частности одному из членов штаба, студенту-медику, удалиться. Они не хотят об этом и слышать. Маскируя свою неудачу, префект объявляет, что дает им время на размышление до 7 час. утра. После этого он уходит. Я еще не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы арестовать их», пишет он впоследствии.

К утру Лион представлял странное зрелище города, в котором отсутствует всякое правительство. Законные власти не

показываются, опасаясь столкновения с властью восставших рабочих, последняя же представлена пятью призраками, вид которых неизвестными и совершенно пассивными.

Отметим также, что в тот же день в предместьи Круа-Русс распоряжается комиссия, образованная повидимому накануне, а может быть и 21 числа вечером. Эта комиссия, среди членов которой находим Шарпантье и Ляшарелля, держит в своем подчинении мэра и устанавливает связь с временным штабом Лиона.

То же самое наблюдается и в предместьи Гильотьеры: здесь организуется комиссия начальников мастерских рабочих по шелку Гильотьеры. Она состоит из семи членов, ее председатель — Розье, товарищу председателя — Боннар; кроме них, в ней еще три синдика. Эта комиссия поддерживает повидимому связь с «центральной комиссией» Бувери-Фальконнэ.

24 ноября

В 8 часов утра ратуша еще была занята теми же подъемами, что и ночью. К этому времени капитан национальной гвардии Круа-Русс Мартинон, рабочий по шелку, один из первых членов общества взаимопомощи, и капитан национальной гвардии Сен-Рамбера по фамилии Диано прибывают в ратушу. Не находя ни одного рабочего вожака среди лиц, составляющих ее штаб, они требуют, чтобы они очистили здание. Затем Мартинон берет на себя охрану ворот, а Диано отправляется за подкреплениями в Круа-Русс.

В тот момент когда Диано прибывает в мэрию этого предместья, сюда проникают крича об измене и жалующь на то, что их комиссары арестованы, несколько рабочих во главе с Бюиссоном, априетурщиком по бархату, другом Дервье. Циркулируют слухи о том, что власти вызвали войска, что 40 тыс. солдат идут на Лион; под влиянием этих слухов рабочие заявляют, что надо переизбрать городские власти.

Диано обращается с речью к рабочим, и они совместно спускаются к ратуше, откуда и выгоняют призрак штаба. Вслед за тем «сами рабочие», как утверждает Диано, постановляют сформировать новый временный штаб. Мэр Буассе вынужден подчиниться этому решению. «В виду неотложной необходимости», он назначает Бюиссона «временным начальником штаба рабочих национальных гвардейцев города и его предместий по предложению товарища председателя Центральной комиссии Фальконнэ». Назначение Бюиссона дополняется назначением трех других комиссаров, из которых двое, Фарже и Сито, накануне протестовали против первого штаба. Бюиссону придают

артинона и Диано, а также Шабрие, члена первого штаба, и одного Мишале.

Позже это назначение будет санкционировано префектом, который «пригласит новую власть последовать за ним в префектуру» и предложит Бюиссону и Мартинону место в своей квартире. «По прибытии в префектуру Бюиссон находит там другой штаб, составленный из одних господ: ¹ он категорически отказывается присоединить их к своему штабу и добивается признания прав последнего, как органа победоносной партии. Бюиссон и Мартинон возвращаются в ратушу, где находят начальников секций, собравшихся для того, чтобы присоединить к ним Брета, одного из тех, кто подписал протест против вчерашнего штаба: кроме Брета, они выделяют Лякомба, Дамур, Деклера, Ришара и Канта. Все члены нового штаба — рабочие или люди, пользующиеся влиянием среди рабочих.

Префект рассчитывает с помощью лести и хитрости обойти Бюиссона и его помощников. Вынужденный признать новый временный штаб рабочих дю Мотар пытается подчинить его своему влиянию, растворив его состав в буржуазном большинстве. Но Бюиссон, подобно Лякомбу, сохраняет за собой свои функции начальника штаба, обеспечивая рабочему классу в целом известную автономию.

Попытка префекта терпит неудачу. Главный прокурор дю план доносит хранителю печати: «Рабочие только что совершили акт, который меня беспокоит. Они создали нечто вроде штаба, составленного таким образом, что он не может внушать доверия».

Новый штаб, подобно первому, созывает национальную гвардию, созывает ее опять без мундиров. Бюиссон оставляет у себя запас оружия, добытого в арсенале.

Итак дух мятежа еще не исчез у лионских рабочих.

25 ноября

В этот день происходит арест Фредерика и Гитло, виновных в участии в составлении революционной прокламации от 23 ноября. Их отводят в штаб, где находятся префект и мэр Буассе. Префект настаивает на отправке арестованных в тюрьму, но Бюиссон велит освободить их.

Вновь распространяется слух, что генерал Рогэ переходит в наступление. Возмущение среди рабочих растет. Чтобы рассеять эти тревожные слухи, Буве дю Мотар расклеивает по городу письмо, в котором Рогэ дает свое честное слово в том, что

¹ Т. е. буржуа (Прим. ред.).

он ничего не замыслил против лионских рабочих, и предлагает им прислать делегацию для выяснения его намерений. Бюиссон отправляется к нему в сопровождении одного из начальников секций Жакоба, одного делегата от рабочих-подмастерьев и мэра Круа-Русе Ришана. Этот поступок вождя еще усиливает раздражение рабочих.

Гранье пользуется удобным случаем, чтобы попытаться вернуть республиканцам руководство рабочим классом. Собирательница колосьев помещает следующее воззвание:

К рабочим Лиона. Храбрые рабочие! Победа досталась вам: то, как вы ее использовали, доказывает одновременно и вашу силу и вашу умеренность. Эскессы имели место, но виновные в них лица не были гражданами нашего города. Вы их арестовали: они будут преданы суду.

Пусть ваши успехи не ослепляют вас. Интриганы попытаются отнять у вас плоды вашего мужества. Вам будут расставлены ловушки. Карлизм¹ делает попытку проникнуть в ваши ряды, оттолкните его, помните, что этой партии нечего терять, что она жаждет власти.

Не давайте людям, которые стреляли по вас картечью, вернуть себе власть, которой они оказались недостойны. Они не должны больше осквернять своим присутствием почву, обогренную кровью наших братьев.

Храбрые рабочие, вы знаете, что мы имеем право на ваше уважение и доверие. Мы первыми подняли свой голос в вашу защиту. Три дня назад мы указывали фабрикантам на пронасть, в которую их может повергнуть их эгоизм. Затем вы видели нас сражающимися в ваших рядах. Двое из наших сотрудников (Мишель-Анж Перье и Пекле) были тяжело ранены: но и с одра боле-

¹ Политическая партия сторонников восстановления монархии Бурбонов, король которой (Карл X) был свергнут революцией 1830 г. (Прим. ред.)

зни они не переставали выражать надежду на торжество вашего дела.

Оттолкните гнусные инсинуации, сохраните ту твердую импонирующую позицию, которая внушает уважение самим врагам. — и мы сможем повторить вместе с вами: *Свобода будет отныне фактом.*

Читатель уже заметил, что и эта прокламация не содержит никаких чисто рабочих требований, — ошибка, которая оттолкнет массы от «социальных» республиканцев.

Тот же номер «Собирательница колосьев» содержит большую статью Гранье под заголовком «Прокламация и протест»: статья содержит революционное воззвание 23 ноября.¹ Впоследствии на этой почве у Гранье разгорится острая полемика с Лакомбом.

26 ноября

Брожение продолжается. «Мы опасаемся раскола среди наших победителей. — с беспокойством сообщает министру юстиции главный прокурор. На бурных сходках в предместьях Круа-Русе городу предъявлено требование уплатить семь миллионов контрибуции. Какая дерзость! Правда, предъявление этого требования отсрочено, но именно только отсрочено, но не отвергнуто. (Мы стараемся выиграть время.) Но это требование может быть вновь выдвинуто с минуты на минуту».

В тот же день, 26 ноября, командир 49-го полка, прибывший из Монбризона, где он, вопреки повторным приказаниям генерала Рогэ, держит своих людей не в самом городе, а в его предместьях Франшвилль, появляется в лионской ратуше. Он вступает в разговор с рабочими комиссарами, предлагая им ввести свой полк в Лион. Они соглашаются, и полковник отправляется обедать с Бюиссоном.

Между тем генерал Рогэ вновь решительно запрещает ему вступать в Лион. Главный прокурор Дюпан также полагает, что вступать в город до того как правительство сосредоточит в своих руках не менее 25 тыс. человек, не имеет «никакого смысла» и может привести к «плачевным результатам» — плачевным конечно для него. Власти опасаются возможности бранья.

¹ Единственная газета в Лионе, напечатавшая этот документ автора.

Спрашивается, не было ли предложение командира 49-го полка маневром, республиканским маневром? Во всяком случае, его намерения возбуждают потом подозрения правительства, тем более что рабочие Круа-Русс уже поговаривали о том, чтобы двинуться навстречу солдатам этого полка и пригласить их в город как братьев.

Чтобы успокоить рабочих, префект и временный мэр Лиона, по соглашению с начальниками секций, выпускают объявление о предстоящем образовании новой смешанной комиссии, которая пересмотрит тариф: последний вступит в силу с 15 декабря. «До этого момента, — гласит официальное извещение, — город объявляется, если это понадобится, взять из муниципальной кассы суммы, необходимые для того, чтобы начальники мастерских могли произвести выплату разницы в поштучной плате на материю, отданные в работу после 21 ноября, с тем чтобы их оплата достигла уровня тарифа 1 ноября».

27 ноября

Прокламация префекта извещает о личном заказе на сумму 640 тыс. франков (больше шести миллионов по курсу сегодняшнего дня) короля Луи Филиппа. Если вспомнить прославленную скупость последнего, то можно себе представить страх, который им овладел.

Два муниципальных советника Лиона находятся уже в Париже; их поездка имеет целью ввести правительство в курс состояния лионской промышленности. Начальники секций с своей стороны посылают в столицу двух делегатов, Бернара и Шарнье.

28 ноября

Все магазины открыты. Рабочие шелкового производства, считая, что они добились наконец своего тарифа, начинают возвращаться на работу. Накануне этого дня начальники секций побывали у генерала Рогэ для принятия некоторых мер по подготовке возвращения в город гарнизона. Прокламация префекта извещает о прибытии наследника престола герцога Орлеанского и предлагает рабочим облечься в праздничную одежду — которой у них нет.

«Требование об уплате семи миллионов еще обсуждается. — пишет главный прокурор. — зато сообщают о предстоящем прибытии его высочества герцога Орлеанского, сопровождаемого военным министром. Мы возвращаемся к надежде и жизни».

Те из рабочих, которые сыграли активную роль в восстании, обескураженные, опасаясь жестоких репрессий, спешат покинуть Лион.

Движение агонизирует. 29 ноября Бюиссон и его штаб, которые дали себя обмануть или подкупить, подают в отставку. Они разложили, свели на-нет революционное выступление рабочих. Они сделали дело, которое буржуазия и власти ожидали от них. Сложная стратегия, глубоко замаскированная тактика префекта и мэра привели к тому, что они понемногу дали овладеть собой. Сознательно или бессознательно временный штаб, сформированный 24 ноября, сыграл на-руку префекту.

Этого мало. Отдельные начальники секций отправляются навстречу герцогу Орлеанскому, который делает вид, что скорбит по поводу «нищеты рабочих по шелку».

Правда, кое-где сказывается раздражение масс. На прокламацию префекта от 28 ноября, которая требует сдачи похищенного из арсенала и отнятого у солдат оружия, рабочие отвечают словами, написанными на маленьких листках, разбросанных по всему городу и адресованных «правительству, сторонникам золотой середины, ¹ министрам-палачам народной свободы: Ты хочешь отнять мое оружие, — попробуй, возьми». Полиция с трудом справляется с этой задачей изъятия 1500 ружей, на что уходит три дня.

Власти уже не стесняются больше. 1 декабря префект настолько осмелел, что решился произвести обыск у Бюиссона, своего вчерашнего ставленника: обыск был предпринят с целью возвращения в арсенал оружия, которое хранилось у Бюиссона.

В тот же день Прюнель, депутат и мэр Лиона, который поспешно примчался из Парижа к изголовью своей больной мэрии, выпускает маленькую прокламацию. Это поток пустых слов, сладкая водица: С разбитым от скорби сердцем... второй город королевства, столица юга, Лион, который вся Франция именovala образцовым городом... почтенный вашим доверием...», и так далее и так далее. Чистокровный Эрио! Несмотря на отделяющее их расстояние в сто лет, оба мэра применяют одни и те же приемы для усыпления рабочего класса. Оба отлично умеют спекулировать на горячей привязанности лионцев к своему городу.

В первые дни декабря, (хотя еще имелось несколько домов, охраняемых вооруженными рабочими. — пишет Монфальзон, — однако вся власть снова в руках законного правительства, можно сказать, что победители отреклись от своей победы».

¹ Так именовалась буржуазная партия сторонников умеренных «либеральных» реформ на основе сохранения неприкосновенности основ режима шюльской монархии. (Прим. ред.)

2 декабря вторая прокламация предшественника Эррио известит население об изъятии оружия и роспуске национальной гвардии Лиона. Круа-Русс, Гильотьеры, ВЭЗ, которая должна быть реорганизована. «Надо надеяться, что при реорганизации этой гвардии в руки рабочих не будет отдано оружие, из которого они сделали это неожиданное употребление» — пишет один буржуа.

Национальным гвардейцам предлагается охранять свои посты пока они не будут сменены линейными войсками. После этого они должны отправиться на сборный пункт, где и будут распущены.

Последние следы рабочего восстания исчезают. . .

Посмотрим теперь, как откликнулась на него остальная Франция.

В Париже префект полиции не скрывает своего беспокойства. Уже 22 ноября он пишет: «Лионские события становятся известными и дают повод для сильного беспокойства всем друзьям правительства. Анархисты всех цветов радуются этому».

На следующий день полиция отмечает среди парижских рабочих усиленную работу «агитаторов» и «ораторов», которые говорят о том, что народ находится в цепях.

24 ноября прибывают более подробные сведения о Лионе. На бирже паника. Спекулянты того времени в тревоге. В палате депутатов беспокойство доходит до крайности. Совет министров, собравшийся на экстренное заседание у короля, решает первым делом отправить в Лион герцога Орлеанского и военного министра маршала Сульга с войсками. Тогда же король делает свой престоловзятый заказ шелковой промышленности Лиона. Дело плохое. По словам полиции, «многие рабочие говорят о том, что нужно последовать примеру лионских товарищей и нанести решительный удар».

В ночь с 25 на 26 ноября на стенах города расклеивается прокламация, в которой парижским рабочим предлагается последовать лионскому примеру.

Брожение в предместьях продолжается и в следующие дни. Муниципальные гвардейцы, национальные гвардейцы, жандармы патрулируют по улицам города. Произведено много арестов. Полиция в большой тревоге: боятся возможности мятежа.

Пять месяцев спустя Бувье дю Молар, вставший в немилость, приводит в письме к министру слова, сказанные ему одним депутатом в декабре 1831 г.: «Если король еще на троне, то этим он без сомнения обязан вам. Вы остановили не мятеж, вы задержали революцию. Еще 24 часа и нам пришлось бы отсюда бежать; все было готово к отъезду».

Брожение в Париже окончилось однако ничем.

В эти дни паники власти боятся даже помощи, которая им предлагается: нет уверенности в том, против кого будет направлено выданное однажды оружие. В Дижоне группа молодых людей хочет, с одной стороны, разоружить карлистов, а с другой стороны — получить разрешение отправиться в Лион (против рабочих). Им отказывают в этом разрешении из очевидного недоверия к их намерениям. Прием, который будет оказан дижонцам делегатами лионских рабочих, как будто оправдывает опасения властей.

Боятся также возмущения крестьян, придавленных тяжестью налогов. «Крестьяне, — пишет в частном письме один буржуа, — не хотят больше терпеть бремени налогов. Те, кто из своих грех окон законопачили два (в виду налога на двери и окна), откроят их, может быть, но лишь для того, чтобы сделать из них бойницы». Виноградари Бургонии волнуются. Беспорядки происходят и в департаменте Кот д'Ор. Главный прокурор судебной палаты Дижона докладывает хранителю печати: «По просьбе мэра города Бон префект считал нужным приостановить работу по переписи населения, которая была предпринята по распоряжению министра финансов и должна была в случае необходимости проводиться при поддержке вооруженной силы. Префект считает, что приостановка этой работы была необходима, поскольку брожение, которое охватило бы виноградарей при производстве переписи, могло вылиться в открытый мятеж при получении известий о событиях в Лионе».

Лионские рабочие имели на своей стороне симпатии национальной гвардии окрестных сел. Некоторое число сельских рабочих прибыло даже в Лион, чтобы оказать поддержку своим городским товарищам.

Но не доставало партии, которая могла бы установить взаимную связь между угнетенными массами отдельных пролетарских центров. Не доставало партии, способной объединить требования крестьян и рабочих, осуществить единый фронт трудящихся.

Тем самым движение было обречено раньше или позже на поражение.

«ПОРЯДОК» ЦАРСТВУЕТ В ЛИОНЕ

Революция не делается в белых перчатках, но с беспощадной суровостью... Те, кто делают революцию наполювину, лишь сами роют себе могилу

Сен-Жюст.

Герцог Орлеанский и маршал Сульз оставили Париж 25 ноября. На протяжении всего их пути — в Жуаньи, Оксерре, в Шалоне — их встречали криками: «Долой министров». 27 ноября герцог Орлеанский прибыл в Макон, 28-го — в Тревю. «Во время пребывания его высочества в Тревю — читаем в одной вполне лойяльной брошюре — энтузиазма там наблюдалось мало. Город имел вид скорее глубокой печали, нежели радости». 29 ноября на смотр национальной гвардии собралось меньше одной трети состава.

Несколько дней герцог и маршал провели под стенами Лиона. Этот образ действий следует приписать отнюдь не «гуманности», а самой элементарной осторожности.

Чтобы сформировать более или менее надежный отряд для похода на Лион, маршал Сульз вынужден вызвать войска, расположенные на бельгийской границе. Каждый день все новые батальоны прибывают ускоренными переходами, и к началу декабря армия в 30 тыс. человек, снабженная мощной артиллерией, готова к выступлению в Лион.

Но лионские буржуа никак не могут избавиться от своего беспокойства. «Это рабочее выступление, — пишет один из них, — совсем новое явление, оно заставило солдат размышлять. Вы знаете конечно, что в связи с этим в каждом полку, в каждой роте образовались как бы две партии: одна будет стрелять, другая не будет стрелять. Так мне рассказывал один солдат».

1 декабря предместья Вэз, Серэн и Гильотьера почти одновременно оккупируются войсками.

3 декабря около полудня 30 тыс. человек вступают в город через все ворота. Канониры с зажженными фитилями распахивают настеж ворота. Герцог Орлеанский и маршал Сульз

вступают в предместье Вэз в обстановке громадного военного аппарата; в то же время 66-й полк занимает Круа-Русс.

Для размещения всех этих войск реквизируют все общественные здания, которые можно использовать. Но они оказываются недостаточно вместительными, и несколько рот солдат располагаются бивуаками на площади Терро и Белькур.

Герцог Орлеанский ведет за собой также большое число национальных гвардейцев из соседних департаментов Кот д'Ор, Сона-и-Луары, Луары, Дромы, Изера и Эн, что дает буржуазным историкам «основание» утверждать, будто население деревень не выказало никакой симпатии, никакого сочувствия делу рабочих Лиона». Однако, буржуазный современник, более откровенный, чем другие, признает, что эти сельские гвардейцы «пошли за войсками только из страха перед жандармами». Он добавляет, что «многих прямо заставили это сделать». «Хотели во что бы то ни стало иметь в составе войск отряд таких гвардейцев, этого никто не сможет отрицать. Прочие сбежались посмотреть, что происходит, узнать, не будет ли провозглашена республика или Наполеон II, и присоединиться к партии, которая им придется по вкусу. Об этом я знаю от знакомых крестьян, которые пришли повидать меня».

Известно также, что некоторые командиры батальонов национальной гвардии из окрестностей Лиона, презирая угрозы и штрафы, которыми им угрожали, отказались с оружием в руках двинуться на город, где жили их братья, дети, родители, друзья, отказались удовлетворить желания фабрикантов.

«Торжественное» вступление войск в Лион происходит среди мрачного молчания населения. Герцог Орлеанский объявляет, что он прибыл как «миротворец», с намерением «сделать все возможное для облегчения положения трудящихся классов Лиона». В следующие дни герцог Орлеанский объезжает улицы города, который проявляет к нему полное безразличие. Он отправляется в ратушу — раздавать кресты раненым при бегстве офицерам. Рассказывают, что один драгун бормочет во время этой церемонии следующий стишок:

Где, где же, братец, Жан-Шьер,
Где заработал ты себе крест?

6 декабря префект дю Молар, вызванный в Париж Казимиром Перье для дачи отчета о своем поведении во время событий, был заменен Гаспареном.

Лион подчинен диктатуре маршала Сульта. Он аннулирует — очевидно, «для облегчения страданий трудящихся классов» — рабочие книжки в Лионе и его окрестностях. Рабочим пред-

лагается в трехдневный срок озаботиться получением новых книжек, а для получения их требуется «удостоверение от комиссара полиции квартала, в котором живет рабочий, удостоверение, констатирующее его благонадежность».

В результате этого постановления около 10 тыс. рабочих будет изгнано из промышленности. На следующий день 7 декабря новое постановление отменяет тот самый тариф, который 26 ноября префект и мэр торжественно обещали восставшим рабочим.

Опасаясь реакции с их стороны, Совет приюдомов объявляет в тот же день о предстоящем установлении «меркуриальных таблиц», иначе, «средней цены на штуку изготовленной шелковой материи». Но так как рабочие обнаруживают намерение превратить эту таблицу в тариф, то она никогда не будет установлена.

Что же осталось у рабочих от всех обещаний, которые им давали?

Во-первых ассигнование в двести тысяч франков, отпущенных муниципальным советом. Из этих денег рабочие не увидят ни гроша... Ведь, нужно же полиции вознаградить своих бедных агентов.

Во-вторых заказ, который Луи-Филипп дал ткачам одновременно с посылкой армии в тридцать тысяч человек. Но за реализацию этого заказа возьмется лишь в конце января 1832 г.

В-третьих «касса по выдаче ссуд начальникам мастерских». Это мнимое филантропическое учреждение, в действительности эксплуататорское и полицейское, начнет функционировать лишь в конце ноября 1832 г.

Наконец, реформа Совета приюдомов — еще одно разочарование для рабочих по шелку. Они ведь требовали, чтобы большинство этого Совета составлялось из начальников мастерских, но ординаис 15 января 1832 г. ограничится увеличением числа членов Совета. Он будет состоять теперь из девяти фабрикантов и восьми начальников мастерских, вместо прежнего соотношения четырех к трем. С другой стороны, право быть избранным в Совет будет предоставлено только обладателям не менее, чем четырех станков. Начальников мастерских будут лишены таким образом права выбирать себе своих судей.

«Вместо того чтобы изыскивать пути к преодолению бед, — пишет «Фабричное эхо» — вместо того, чтобы пойти на жертвы в пользу рабочего класса, ему преподнесли очередную организацию совета приюдомов!

12 декабря извещение за подписью Приюделя доводит до сведения рабочих, что военный министр уполномочил его «открыть запись добровольцев, желающих служить в армии, в частности

в новых корпусах, которые формируются в Африке». Правительство нуждается в солдатах для завоевания Алжира.

Вот простое средство для борьбы с безработицей — послать безработных на смерть!¹

В довершение всего предпринимаются работы по сооружению линии укреплений. Лион опоясывается кольцом крепостей: форт Лямонт, форт Монтессю, форт Сент-Ириней и др.

Республиканцы протестуют, указывая на то, что эти крепости направлены не столько против иностранного вторжения, сколько против рабочего восстания. Впрочем, даже Монфалькон, сторонник «золотой середины», подтверждает это: «Буду откровенен . . . да, правительство, опоясав Лион грозной линией обороны, имело при этом в виду столько же внутреннего врага сколько и внешних — сардинцев и астрийцев; да, эта система фортификаций носит на себе следы воспоминаний о событиях ноября и свидетельствует о предвидении новых вооруженных выступлений рабочих против наших установлений». ² Вот к какой плачевной катастрофе привело воздержание от политики со стороны рабочих вождей! Теперь они и сами убеждаются в том, что сыграли роль глупцов. «Бувери, — пишет новый префект Гаспарен. — держит мятежные речи, Ляшапель занят тем же и произносит угрозы, которые пугают фабрикантов, а в рабочих поддерживают дух мятежа». Префект сообщает, что приказал следить за ними.

Шарнье посещает в Париже вождей общества «Друзья народа», а также других лиц, хорошо известных крайности своих политических взглядов». Намекая на эти его связи, депутат Могэн говорит ему: «Если вы будете продолжать таким образом, вас, конечно расстреляют». Этот Могэн, член крайне левого крыла Палаты, сам не более как антипролетарский демагог. Рабочая революция составляет для него такую же грозную опасность, как и для министерства, против которого он как будто борется.

Шарнье, «раздраженный, отчаявшийся, повсюду говорит о своем недовольстве». За ним следит, рыщет, бегает куча сыщиков. Накануне своего отъезда из столицы он произносит — читаем в донесении префекта полиции министру внутренних дел — «самые гнусные, самые угрожающие речи против фа-

¹ Скоро мы опять доживем до этого, если не будем на-чеку. Колониальная война продолжается и в Марокко и в Индо Китае (Прим. автора.)

² В настоящее время ту же роль преследуют бетонные сооружения Мажино (военный министр в последнем кабинете Тардье. — А. М.). Грозные крепостные работы, предпринятые на северной и восточной границах (Франции), направлены прежде всего против рабочих масс, сосредоточенных в этом районе. (Прим. автора.)

брикантов по шелку Лиона. Он не стесняется заявить, что с 1827 г. стоял во главе заговора, который разразился в Лионе».

После подавления восстания на сцену выступил вопрос о судебной расправе. Движение носило столь массовый характер, что не могло быть и речи о наказании всех виновных. Более 30 тыс. рабочих — утверждает королевский прокурор Вильфранша — приняло в нем участие, но преследовать 30 тыс. человек было бы абсурдно. С другой стороны, отказаться от этого невозможно для главного прокурора. «Лионское восстание — пишет он — отозвалось во всей Европе. Оно пугает своими возможными последствиями. Вся страна ждет быстрой и решительной кары. Достоинство правительства требует этого».

В первые дни после ликвидации восстания арестовывали и сажали по тюрьмам без всякого разбора. Судебному следствию будут однако подвергнуты только факты, имеющие политический характер: республиканская манифестация на площади Селестэн 22 ноября (Перье, Пекле, Дрижар-Дегарнье), попытка установления революционного правительства, произведенная 23 ноября (Россэ, Гранье, Фильоль, Дрижар-Дегарнье), наконец, прокламация, напечатанная в газете «Собирательница колосов» от 25 ноября.

Дело разбирается судом присяжных департамента Пюи-де-Дом в Риоме: судить обвиняемых в Лионе боятся. «По прибытию в Риом обвиняемые были встречены живейшими изъявлениями сочувствия со стороны населения». Монфалькон говорит о той «уверенности, с которой они держались на скамье подсудимых, об их гордом почти угрожающем виде». Многочисленная публика встречает свидетелей обвинения насмешками, обвинительный акт прокурора прерывается, несмотря на его относительную умеренность.

Страх перед возможностью новых рабочих волнений обеспечил оправдание всех подсудимых, с одобрением встреченное публикой. Оправдательный приговор был вынесен и другой группе подсудимых, которых судили отдельно от политических, по обвинению в насилиях, грабежах, убийствах. Оправданы были также пять месяцев спустя Дервье и Перенон, заочно судившиеся за участие во временном штабе, действовавшем 23 ноября. Между тем прокурор требовал для них смертной казни. Рабочие массы сохраняли угрожающую позицию. Вот почему на этот раз «половинчатые революционеры», какими оказались лионцы, «не вырыли себе могилу».

«Если капиталисты не захотят принять тариф. — предсказывает Шарнье, — рабочие по шелку опять заставят говорить о себе, но на этот раз они покажут себя уже не столь крот-

кими, как в ноябре. В недалеком будущем Лион снова может оказаться ареной революции более ужасной, нежели первая».

Действительно, в 1834 г. лионские рабочие будут в течение целой недели оказывать сопротивление многочисленному гарнизону и даже поднимут в ряде пунктов красное знамя. Среди инсургенгов мы найдем уже знакомых нам Дервье и Дрижара-Дегарнье, последнего в качестве одного из вождей Гильотеры. Каррье — один из тех, кто подписал протест начальников секций против временного штаба 23 ноября 1831 г. — окажется теперь, в 1834 г., одним из главных руководителей возглавивших рабочих предместья Круа-Русс.

Позже, в 1848 г., отряд «Ворас»¹ — нечто в роде красной гвардии — будет в течение трех месяцев держать город в своем подчинении. В 1870—1871 гг. красное знамя шесть месяцев будет развеваться над ратушей Лиона, восемь месяцев — на мэрией Гильотеры. Пролетарии сделали необходимые выводы из уроков ноябрьского восстания. «Рабочие конечно сильнее своих противников. — писал еще в 1833 г. лионский адвокат Жюль Фавр, — и потому было бы верхом глупости воображать, что их можно запугать постоянной угрозой жестоких репрессий... Июль и ноябрь показали, как превращается в ничто целый гарнизон».

Память о победе над войсками, о бегстве властей из ратуши Лиона будет служить для рабочих предвестником конечной победы.

Французские рабочие еще не добились ее. Зато 7 ноября 1917 г., 86 лет спустя после первого лионского восстания, красногвардейцы Петрограда взяли Зимний дворец. А ныне шестая часть света вступила в период социализма.

ЗНАЧЕНИЕ ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ

Лионские рабочие защищали дело всех протестариев, которые оплодотворяют землю и пасут мастеровские.

«Глобус»

Нам осталось рассмотреть, какое впечатление рабочая революция в Лионе произвела на различные классы общества и представляющие их партии. Восстание социальное, не политическое, — повторяют на все лады. Как будто возможны восстания чисто политические, лишенные социального содержания! Верно лишь то, что впервые в истории социальный вопрос был поставлен с такой ясностью, с такой остротой.

«Журналь де Деба», орган правого крыла крупной буржуазии, поместил у себя статью, которая кажется написанной вчера. За шестнадцать лет до «Коммунистического манифеста» газета дала «почти марксистское» освещение происшедшей в Лионе «революции пролетариев».

«Нечего скрывать, ибо к чему послужат притворство и умолчания? Лионский мятеж открыл важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом неимущим». Автор не видит выхода из этого положения, ибо хотя рабочие — и язва, но без них никак обойтись нельзя.

«Наше торговое и промышленное общество имеет свою язву, как и все прочие общества: эта язва — рабочие. Нет фабрик без рабочих; а с рабочим населением, все возрастающим и всегда нуждающимся, нет покоя для общества. Устраните торговлю, — и общество захиреет, остановится, замрет; оживляйте, развивайте, увеличивайте торговлю, и вы в то же время увеличите пролетарское население, которое живет изо дня в день и у которого малейший случай может отнять средства к существованию.¹ Посмотрите в каждом промышленном городе, какова относительная численность торгово-промышлен-

¹ Именно эту мысль ярко сформулировал Маркс, говоря, что буржуазия, по мере того как развивается капитализм, создает «своих собственных могильщиков». (Прим. автора).

¹ Буквально «Алчных». Так именовался отряд революционной гвардии и 1848 г. в Лионе, составленный из пролетарских и полупролетарских элементов и не входивший в состав буржуазной в своем большинстве национальной гвардии. (Прим. ред.)

ного класса и класса рабочего, и вы будете испуганы существующей диспропорцией. Фабрикант живет на своей фабрике как котональный плантатор среди своих рабов. один против ста, и лионское возмущение есть своего рода восстание на Сан-Доминго.

«Варвары, угрожающие обществу, — не на Кавказе, не в татарских степях; они в предместьях наших фабричных городов... Они страдают, нищета душит их. Как же им не искать себе лучших условий? Как не устремляться с шумом уже не к странам лучшего климата, как дети их предшественники, но к лучшему состоянию? Как им не поддаться искушению совершить набег на буржуазию? Они сильнее, они многочисленнее, вы сами даете им оружие, и наконец они страдают от ужасающей нищеты.

«Нужно, чтобы буржуазия хорошо знала, каково положение вещей, каково ее собственное положение. Под нею имеется население пролетариев, которое волнуется и содрогается... Ему плохо, оно хочет перемен. Вот где кроется опасность для современного общества, вот откуда могут выйти варвары, которые его разрушат...

«Здесь дело идет не о республике, не о монархии, — дело идет о спасении общества. Можно предпочитать выборного президента королю, но вместе с тем не желать, чтобы общество было опрокинуто вверх дном, и чтобы хвост занял место головы. Пролетарская демократия и республика — вещи глубоко различные.¹ Республиканцы, монархисты из среды буржуазии, каково бы ни было различие их взглядов на лучшую форму правления, единодушны однако в вопросе о защите общества».

Автор статьи приходит к выводу, что «современное общество погибнет от своих пролетариев, если оно не сделает их собственниками». Буржуазия, указывая Маркс, считает мир, в котором она господствует, лучшим из миров. Она хочет сохранения существующего общественного строя, очищенного однако от элементов, которые его революционизируют и разлагают.

Итак, мировое значение лионских событий было подчеркнуто врагом рабочего класса, подчеркнуто весьма знаменательным образом. Ни одна газета не захотела однако поставить вопрос так опасно широко, как это сделал орган крупных капиталистов. Впрочем, «Газет де Франс», орган легитимистов, пи-

сал: «Причина восстания заключается в нищете, вызванной застоєм в торговле, который в свою очередь является результатом системы, избранной нами». Как видим, даже самые ограниченные буржуа поняли, что лионское восстание целиком вызвано экономическими фактами. Газета требовала суровых репрессий, в то время как прочие органы легитимистской прессы протестовали, конечно с чисто демагогической целью.

С своей стороны «Тан», который, по выражению Жюль Гэда,¹ всегда был «газетой-зеркалом буржуазии», восхвалял «священное единение» против рабочих вокруг министерства Казимира Перье:

«Когда опасность угрожает собственности, нет больше политических разногласий, нет больше сторонников министерства и сторонников оппозиции.

«Необходимо оказать немедленную помощь тому, кто в ней нуждается. Мы снимаем все претензии, которые имеет страна, и призываем к сплочению всех вокруг правительства, защищающего общие интересы.

«Всякое возмущение несет вопиющий беспорядок; оно задевает каждого гражданина, его личность и имущество. Итак, на помощь правительству!

Мы требуем принятия быстрых и решительных мер. Нельзя допустить того, чтобы дух мятежа распространился дальше, рабочие выступления заразительны. А Лион — один из центральных пунктов страны».

«Журналь дю Коммерс»,² отражавший преимущественно взгляды мелкой и средней буржуазии, уже тогда бывшей в оппозиции к руководящей верхушке крупных капиталистов, писал, что изред лицом лионских событий все другие вопросы исчезают; остается только «один вопрос, вопрос жизни и смерти для громадного большинства населения». Эта газета, подобно другим, приписывает лионскому восстанию общее, а вовсе не местное только значение:

«Материальный результат — местный, причина к несчастью существует повсюду и каждый день может произвести последствия, с которыми можно справиться, пока они частичны, но которые будут страшны, если обнаружатся одновременно всюду».

Вывод: надо распространить политические права, которыми пользуются одни крупные капиталисты, на среднюю и мелкую

¹ Один из самых крупных французских социалистов конца XIX — начала XX в., перешедший в 1914 г в лагерь социал-патриотов.

(Прим ред)

² По-русски «Торговая газета» (Прим ред)

¹ Социалистическую «демократию трудящихся», осуществляемую (советами, Ленин противопоставляет «буржуазной демократии эксплуататоров, капиталистов и богачей» (Прим автора).

буржуазию и на интеллигенцию, которая поведет за собою народ и внушит ему идеи порядка и подчинения».

«В «Глобусе», журнале сен-симонистов, его главный редактор Мишель Шевалье писал, что лионские события — не изолированный эпизод, что «этот факт есть яркий показатель промышленного положения всей Франции». Он печатал письмо, полученное от сен-симонистов Лиона:

«Рабочие одержали победу. Вчера они сражались с невероятною храбростью; ничто не может дать понятие об их ярости в битве. Мы имеем крайне точное представление об этих людях, у которых мы предполагали отсутствие всякой энергии: мы тогда еще не знали, что такое люди, которые сражаются за кусок хлеба».

Лионские сен-симонисты чувствуют бесполезность всех своих фраз и считают, что события должны повлиять на их тактику. «Мы распространяем повсюду слова примирения, мы прекратили на время наши уроки: мы сознаем, что происходящие события должны повлиять на наше поведение. От вас, отцы, мы ждем вдохновения и помощи».

«Вдохновение», которого верные сыны сен-симонистской «церкви» ждут от парижских «отцов», не было особенно богато идеями.

Их ответ показывает, как далеки они от масс в этот бурный момент. Они отделяются пустыми фразами, штамповыми речами, которые Бланки заклеймит как «снотворные пилюли против народных волнений». Сен-симонистам Лиона предлагается продолжать быть «посредниками между теми, кто обладает какой-либо собственностью, и теми, кто ею не обладает».

«Вы превосходно поняли ваше положение, вы достойно выполнили миссию, которая лежала на вас.

«Ваше место в самом деле не могло быть ни в рядах буржуа, ни в рядах рабочих: оно было между теми и другими, ибо мы — апостолы мира.

«Вы должны были, как вы это и сделали, стремиться успокоить раздражение людей, остепленных яростью... В будущем вот какво должно быть ваше поведение: период догматического преподавания окончен для вас, как и для нас. Вы больше не доктора, вы апостолы...»

«Итак, дорогой брат, вступайте в общение и с фабрикантами и с рабочими, чтобы с вашей помощью они скорее прокляли свои достойные сожаления споры и относились друг к другу с должной справедливостью».

Это значит, что сен-симонисты должны проповедывать рабочим отвращение к насилию, одновременно отвлекая фабри-

кантов от политики репрессий. Все это не могло произвести ни малейшего впечатления ни на тех, ни на других.

И все-таки сен-симонисты сумели разглядеть подлинный социальный смысл ноябрьских событий. «Иная «политика» была близка к победе». — писали они: «Эта новая «политика» урегулирует взаимоотношения личностей и классов с точки зрения труда. Так все связано между собой в образцовом порядке. Общество идет вперед, и никакие затруднения, никакие козни не смогут задержать его поступательного хода навстречу будущему, в котором все социальное преобладание будет принадлежать трудящимся, гармонически организованным, будущему, в котором каждый будет считать труд делом чести».

Какая иллюзия думать, что капиталистическое общество мирно уступит свое место трудовому обществу! Ни один господствующий класс не кончает самоубийством. Его надо принудить к этому. Только революционное насилие может заменить этот прогнивший строй новым.

Республиканцы, те маскируют пролетарский характер движения, чтобы не испугать мелкобуржуазных элементов своей

¹ Этот процесс, возбужденный против 15 членов общества «Друзей народов» и разбившийся 10—12 января 1832 г., закончился для Бланки штрафом в 200 франков и годичным тюремным заключением (*Прим. ред.*)

партии, не отталкивая вместе с тем и рабочих, своих будущих союзников в борьбе против июльской монархии.

Общество «Друзей народа», представившее, как мы уже видели, левое крыло партии, выпустило в декабре 1831 г. брошюру «Глас народа», первая глава которой под названием «Гражданская война» посвящена лионскому восстанию. Указывая на лионских рабочих, «всегда готовых подняться, как только лихорадка начнет трепать их пустой желудок», авторы брошюры заявляют, что вопрос о голоде рабочих не разрешен вступлением армии маршала Сульта в Лион. «К тому же голодают не только в Лионе. Разве вы не слышите раздающийся со всех сторон ропот: лучше быть убитым штыками, чем влачить столь жалкое существование!»

В январе 1832 г., на «процессе пятнадцати»,¹ Бланки один из первых республиканцев, сумевших соединить социалистическую идеологию с революционной волей, выступает с такой речью:

«Как трудно пролетариату открыть глаза на своих угнетателей! Если в Лионе он восстал как один человек, так это потому, что вопиющий антагонизм интересов не давал больше места иллюзиям, даже самому упрямому ослеплению. Тут-то обнаружилась вся бездна ненависти и жестокости, которые тяг в себе души этих торгашей! Среди криков и угроз со всех сторон стекались в Лион предназначенные для бойни пушки, зарядные ящики, лошади, солдаты. Покориться судьбе или пасть от картечи — такова альтернатива, поставленная перед мятежниками.

«Судьба лионского рабочего, этого человека-машины, состоит в том, чтобы плакать слезами голода, день и ночь создавая для богачей горы материй, сотканых из золота, шелка и слез.

«Но столь жестокая тирания чревата опасностями, она порождает озлобление, дух мятежа. Чтобы избежать этих опасностей, пытаются примирить Каина с Авелем. Из того, что капитал составляет необходимое орудие труда, делают выводы об общности интересов и следовательно солидарности между капиталистом и рабочим. Сколько пышных фраз вышивается на этой канве во имя братства! Овцу стригут для ее же пользы, пусть скажет спасибо за это! О, наши эскулапы умеют золотить пилюлю.

«Эти скучные проповеди еще находят дураков, но мало. Каждый день бросает новый яркий свет на мнимую ассоциацию паразита и его жертвы. Логика фактов красноречива: она говорит о борьбе на жизнь и смерть между получателями прибылей и получателями заработной платы».

МЫ ПОСЛЕДУЕМ ВАШЕМУ ПРИМЕРУ

Мы хотим сделать революцию для себя.
Лионский инсургент 1831 г

Прошел год. 25 ноября 1832 г. лионская рабочая газета «Фабричное эхо» в номере, окруженном траурной рамкой, почтила надгробной речью память ткачей, павших в бою. «Спите спокойно, жертвы ноября!.. Память о вас не будет забыта в истории пролетариата... Ваши потомки перестанут быть рабами цивилизации; они воздвигнут нам тогда памятник простой и прекрасный, какой была и ваша жизнь».

Столетие спустя мы можем и должны дополнить это приветствие героям рабочего восстания в Лионе.

Лионские ткачи, ваше великолепное движение знаменует пробуждение классового сознания пролетариата. Своим выступлением вы доказали, что рабочий класс имеет интересы решительно противоположные интересам господствующего класса. что рабочие должны бороться против буржуазии, если они хотят добиться своего освобождения.

Класс против класса, — вот чем была ваша борьба.

Вам принадлежит великая честь открытия пути к пролетарской революции.

Герои ноября, вы пали не напрасно!

Ваше восстание разыгралось в эпоху, когда господствовали идеи утопического социализма. Вы находились под влиянием благородной, но химерической пропаганды школы Сен-Симона и школы Фурье.¹ Но в ходе борьбы вы далеко опередили их. Они отвергали революционную борьбу и не понимали, что пролетариат имеет самостоятельную историческую роль. Вы же, вы захотели сделать революцию для себя, вы употребили революционные методы и поднялись на первую ступень к классовой независимости пролетариата.

¹ Один из трех «великих утопистов» XIX в., давший яркую критику противоречий капиталистического общества, но не сумевший преодолеть мелкобуржуазную ограниченность своего мышления, свое отвращение к классовой борьбе, революции, коммунизму (*Прим. ред.*)

Прошло 16 лет со времени вашего восстания, и на историческую сцену выступил научный социализм. Карл Маркс и Фридрих Энгельс составили для пролетариата его революционную хартию.¹

С тех пор пролетариат не раз вступал в бой. подобно вам, рабочие шелкоткачи Лиона! Июньские дни 1848 г., затем славная Парижская коммуна, русская революция 1905 г., наконец Октябрь.

От первого рабочего восстания до первой победоносной революции пролетариата прошло 86 лет, в течение которых рабочие всех стран боролись, закалялись, организовывались. Через неудачи и поражения они пришли к победе.

Жертвы ноября, ваша могила ждет памятника. Но самый прекрасный, единственный достойный вас памятник сооружается теперь трудящимися Советского Союза, которые строят социалистическое общество, общество без классов, без эксплуатации человека человеком, общество, к которому смутно стремились и вы.

Скоро оно охватит весь мир.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСУ О ДВУХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЛИОНСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1831 г.

Когда мы анализировали деятельность общества «Друзей народа», мы отчетливо выявили два оттенка республиканской партии: «социальных», республиканцев, которые в ноябре 1831 г. окажутся на стороне рабочих, и буржуазных республиканцев, республиканцев «политических», которые будут на другой стороне баррикады, в рядах фабрикантов.

В рабочем движении того времени тоже можно различить две тенденции. С одной стороны те, кого можно было бы назвать «реформистами». Они ограничиваются требованием тарифа и «реформы злоупотреблений»: подобно сен-симонистам, они отвергают всякие политические действия, эту развитую форму классово-борьбы. С другой стороны — «революционеры». «Мы хотим — говорят они — революции для себя». Они более склонны к насильственным методам, к тому, чтобы придать движению политическую окраску, чтобы заключить блок с социальными республиканцами, с «друзьями народа».

Это различие никогда не проводилось достаточно четко ни одним историком. Остановимся же подробнее на этом вопросе.

Очевидец Барон рассказывает нам о «бандах вооруженных людей, которые образуются в городе» (дело произошло 23 ноября) и разбрасывают по улицам прокламации». Главный прокурор Дюплан пишет: «К несчастью, граждане раскалываются, группировки оспаривают друг у друга власть, каждая партия стремится овладеть движением. Налицо анархия в полном смысле этого слова, готовящая нам новые бедствия».

Диано, один из тех, кто отвлек в сторону, ввел в «законное русло брожение, наблюдавшееся утром 29 ноября, рассказывает, что защитники баррикад в предместьях Круа-Русс встречали его угрозами, обзывали «шпионом» и «переодетым фабрикантом». То же происходило и в мэрии этого предместья, где он убеждается, что «эти рабочие возбуждены подстрекательствами, которые стараются вызвать возмущение». Ну, конечно!

¹ В конце ноября 1847 г. «Союз коммунистов» созвал в Лондоне съезд Маркс и Энгельс получили здесь, как они рассказывают, задание «составить и выпустить подробную теоретическую и практическую программу партии», «Коммунистический манифест» вышел из печати в начале 1848 г. (Прим. автора)

Во все времена, при всяком движении ответственность возлагается на «подстрекателей».

Тот же Барон сообщает, что Бюиссон, начальник второго временного штаба», образовавшегося 24 ноября, старался «во все время своего шестидневного пребывания у власти» распусть по домам «инсургентов, которые еще занимали несколько постов в городе». 26 ноября Круа-Русс приходит в движение, и рабочие решают потребовать контрибуцию в семь миллионов. «Банда рабочих. — пишет он. — подстрекательная группой заговорщиков, явилась к ратуше, порядок на минуту нарушен». Главный прокурор Дюплан, уже было успокоившийся, доносит министру юстиции: «Местная власть держится только с помощью денежных жертв. Вожди рабочих исполняют обещания, которые они ей дали. Но мы опасаемся раскола среди наших победителей».

Следы этой разницы в поведении двух групп восставших можно найти и в газетах эпохи, в частности в «Монитере», официальном органе того времени. «Рабочие Лиона быстро разделились на два лагеря, из коих один в своем безумии мечтал о повторении сцен Бристолья,¹ а другой с угрызениями совести вспоминал вдруг заветы июльских дней. Обе группы осыпали друг друга взаимными обвинениями и выставляли друг против друга патрули!» (Действительно, вечером 23 ноября рабочие патрули получают одновременно два пароля, один от революционного правительства ратуши, другой от большинства начальников секций и префекта.) Само собой разумеется, что в то время как революционеры обвиняются в жадности грабежей и поджогов («сцены в Бристолье»), буржуазная пресса не жалеет похвал по адресу вождей «реформистов», расхваливая их «умеренность», их «уважение к личности и собственности» и т. п.

Мы видели, как 23 ноября начальник секции Лакомб дал увлечь себя на один момент на путь революционной тактики, как прочие начальники секций, откровенно «реформистские», вступили в борьбу с ним, как наконец революционное правительство ратуши испарилось в результате бегства всех его членов.³

Удивляться этому нечего, поскольку обе выявленные нами тенденции выражают в конечном счете умонастроение двух разных частей «рабочего класса» — «начальников мастерских»

¹ 1 ноября 1831 г. в городе Бристолье произошли крупные волнения, сопровождавшиеся нападением рабочих масс на дома лордов, противников реформы аристократической избирательной системы Англии. (Прим. ред.)

² Речь идет об июльской революции 1830 г. (Прим. ред.)

³ Лакомб, преследуемый поддней за его матежную прокламацию от 23 ноября, кончит жизнь провокатором (Прим. ред.)

и подмастерьев». ¹ Если, объединенные нищетой, они совместно борются против своих общих эксплуататоров, то после победы они расходятся в разные стороны.

Подмастерья настоящие кочевники совсем молодыми прибывают в Лион из какой-нибудь голодающей деревни. Они начинают в качестве чернорабочих, в качестве подручных. Длинный рабочий день, настоящий «принудительный труд» изуряет и калечит их. Бродяжничая во время безработицы, страдая от нищеты, вечно на грани голодной смерти подмастерья — настоящие парии ² буржуазного общества, составляют самую революционную часть лионского рабочего класса. Они не отступают в своем большинстве перед социальным перворотом, ибо по прекрасному выражению Маркса «им нечего терять, кроме своих цепей».

Уже 18 октября около 150 подмастерьев собираются на укрепления квартала Ковров. Они решают избрать уполномоченных, подобно тому как это уже сделали начальники мастерских, и объединяются в ассоциацию под замаскированным названием «общества благотворительности». После принятия этого решения, они обходят все предместье Круа-Русс манифестацией, построившись по два в ряд. Затем они направляются в кафе Файе, которое становится их штаб-квартирой, подобно тому, как кафе Серсьер является штаб-квартирой начальников мастерских. Комиссар полиции Круа-Русс пишет префекту, что «это собрание может иметь более тревожные последствия, чем первое (начальников мастерских. — А. М.), так как оно состоит из простых рабочих подмастерьев по шелку».

Вечером 21 октября, после того как обсуждение тарифа было отерочено, именно подмастерья требуют немедленного прекращения работы, объявления стачки. «Долой лампы! Долой челноки!» — кричат они.

В первых числах ноября именно из среды подмастерьев исходят «самые угрожающие речи»: «Мы оттолкнем представителей власти и двинемся на Париж; мы включим в свои ряды всех встречных рабочих и добьемся признания наших требований». Один муниципальный советник бьет тревогу. «Руководство осуществляется, — указывает он. — вождями рабочих по шелку, хорошо вооруженных и дисциплинированных. Я ошибаюсь: в недалеком будущем оно ускользнет от них, они потеряют свое влияние».

¹ Это не две разные части одного класса, а разные классы: подмастерья принадлежат к рабочему классу, начальники мастерских — одни полупролетарии, другие — мелкие предприниматели, эксплуатирующие наемный труд подмастерьев. (Прим. ред.)

² Отщепенцы, изгой (Прим. ред.)

С 16 ноября подмастерья обходят Круа-Русс, требуя от начальников мастерских оружия, которым те не хотят воспользоваться.

Утром 21 ноября опять-таки именно подмастерья режут находящиеся в работе куски материи, чтобы заставить выйти на улицу тех, кто вздумал бы сыграть роль штрейкбрехеров.

В тот же день, 21 ноября, подмастерья покушаются на жизнь полицейского комиссара Туссена, хотят расстрелять префекта и генерала Ордонно: всех троих спасают начальники мастерских. Подмастерья оказываются в первых рядах и во время уличных боев. 23 ноября они заявляют, что происходящая борьба есть «война тех, у кого ничего нет, против тех, кто имеет что-нибудь». Подмастерья же требуют 26 ноября контрибуции от города в размере семи миллионов франков.

Что касается начальников мастерских, то это гораздо менее революционный, гораздо более умеренный и консервативный элемент. В отличие от подмастерья, хозяин мастерской не настоящий пролетарий, это — ремесленник. Правда, сам он считает себя рабочим, ссылаясь на свою бедность, на жестокую эксплуатацию со стороны фабриканта, но он владеет одним, а то и несколькими станками. В работе ему помогают жена, дети, ученики и — в тех случаях, когда они не справляются с нею — подмастерья. Начальники мастерских составляют таким образом зажиточную часть рабочего класса. И хотя им живется далеко не всегда хорошо, они всячески держатся за свое положение, за эту семейную организацию труда, за свою маленькую мастерскую. В общем — это мелкие предприниматели, которых ход экономического развития, промышленная концентрация отбрасывает в ряды пролетариата. Большинство из них требуют только «реформы злоупотреблений».

Вот почему, в то время как подмастерья поговаривают о походе на ратушу и о захвате власти, начальники мастерских, председатели секций, которые считались раньше руководителями рабочего класса и действительно выражали его недовольство, не идут дальше ограждения малейших попыток поджога и грабежа, движимые стремлением избежать клеветы буржуазии. Они борются против политизации движения и даже не помышляют о создании нового порядка вместо того «организованного беспорядка», который они охраняют с большой щепетильностью. Почувяв, что руководство движением ускользает от них, видя, что рабочие других профессий готовятся присоединиться к шелкоткачам, — они вступают в переговоры с «законной» властью, носители которой слушались было перед ними, перед штабом Бюиссона, конечно только того, чтобы легче управлять ими, а через них и восставшими. В полном со-

гласии с ними префект и мэр сбрасывают мешок с балластом, обещая провести «тариф» в жизнь (26 ноября). По мере того, как движение перерастает их, реформистские вожди, сознательные или бессознательные агенты буржуазии, спешат предать его. Растянувшись на диване в одной из зал ратуши, Бюиссон берет префекта за руку и говорит ему: «Любезный до Мотар, вы видите, обстоятельства сближают людей». (Совсем как сегодня «обстоятельства» сближают Фернанда Бюиссона с Тардье и Блюма с Устриком! ¹

Дальнейшее известно: возвращение в город гарнизона с подкреплениями, упразднение «тарифа», отдача рабочего населения Лиона в подчинение маршалу Сульту.

Мы, пролетарии, не должны давать усыплять себя буржуазной легендой о событиях 1831 г. Точное знание прошлого должно помочь нам избежать повторения совершенных однажды ошибок. Ведь изучение опыта прошлых неудач подготавливает будущие победы. Мы должны знать, как своей нерешительностью, недостатком энергии после первых успехов лионский пролетариат 1831 г. позволил буржуазии (которую он пощадил из прекраснодушия, под влиянием предрассудков) оправиться, восстановить свое поколебленное положение, как он был обойден, обманут, вновь закован в цепи. Все это мы должны знать, обо всем этом мы можем смело говорить, ибо наше конечное торжество неизбежно.

--

¹ Парижский банкир, разоблаченный в 1931 г., как организатор скандальных спекуляций, в которых участвовали и лидеры социалистической партии. (Прим. ред.)